

ҚАРАҒАНДЫ
УНИВЕРСИТЕТІНІҢ
ХАБАРШЫСЫ
ВЕСТНИК
КАРАГАНДИНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 0142-0843

ҚҰҚЫҚ
сериясы
№ 2(74)/2014
Серия
ПРАВО

Сәуір–мамыр–маусым
30 маусым 2014 ж.

1996 жылдан бастап шығады
Жылына 4 рет шығады

Апрель–май–июнь
30 июня 2014 г.

Издается с 1996 года
Выходит 4 раза в год

Собственник РГП

Қарагандинский государственный университет
имени академика Е.А.Букетова

Бас редакторы — Главный редактор

Е.К.КУБЕЕВ,

академик МАН ВШ, д-р юрид. наук, профессор

Зам. главного редактора

Х.Б.Омаров, д-р техн. наук

Ответственный секретарь

Г.Ю.Аманбаева, д-р филол. наук

Серияның редакция алқасы — Редакционная коллегия серии

Г.З.Кожаметов,	редактор д-р юрид. наук;
Г.С.Стародубцев,	д-р юрид. наук (Россия);
Маркус Августо Малиска,	д-р юрид. наук (Бразилия);
Хавьер Диас Риворио,	д-р юрид. наук (Испания);
Кристиан Цомплак,	д-р юрид. наук (Польша);
К.З.Алимов,	д-р юрид. наук (Узбекистан);
С.К.Амандыкова,	д-р юрид. наук;
М.А.Сарсембаев,	д-р юрид. наук;
О.К.Копабаяев,	д-р юрид. наук;
И.Ш.Борчашвили,	д-р юрид. наук;
К.А.Жиренчин,	д-р юрид. наук;
Б.М.Нургалиев,	д-р юрид. наук;
К.А.Бакишев,	д-р юрид. наук;
Б.Р.Сембекова,	ответственный секретарь канд. юрид. наук

Адрес редакции: 100028, г. Караганда, ул. Университетская, 28

Тел.: 77-03-69 (внутр. 1026); факс: (7212) 77-03-84.

E-mail: vestnick_kargu@ksu.kz. Сайт: vestnik.ksu.kz

Редакторы *Ж.Т.Нұрмұханова*
Редактор *И.Д.Рожнова*
Техн. редактор *Д.Н.Муртазина*

Издательство Карагандинского
государственного университета
им. Е.А.Букетова
100012, г. Караганда,
ул. Гоголя, 38,
тел.: (7212) 51-38-20
e-mail: izd_kargu@mail.ru

Басуға 27.06.2014 ж. қол қойылды.

Пішімі 60×84 1/8.

Қағазы офсеттік.

Көлемі 13,5 б.т.

Таралымы 300 дана.

Бағасы келісім бойынша.

Тапсырыс № 64.

Подписано в печать 27.06.2014 г.

Формат 60×84 1/8.

Бумага офсетная.

Объем 13,5 п.л. Тираж 300 экз.

Цена договорная. Заказ № 64.

Отпечатано в типографии
издательства КарГУ
им. Е.А.Букетова

© Карагандинский государственный университет, 2014

Зарегистрирован Министерством культуры и информации Республики Казахстан.

Регистрационное свидетельство № 13108–Ж от 23.10.2012 г.

МАЗМҰНЫ

КОНСТИТУЦИЯЛЫҚ ЖӘНЕ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚ

<i>Белова Г., Базарова Г.С.</i> Заңсыз, реттеусіз, тіркеусіз балық аулау кәсіптің кейбір кырлары ..	4
<i>Рахимбаев Э.Н., Балгимбекова Г.У.</i> Қырғыз Республикасында президентураның конституциялық-құқықтық негіздері	9
<i>Божқараұлы А.</i> Қазақстан Республикасындағы көші-қон нормативтік базасы туралы сұрақтар...	20
<i>Мүсілімова Қ.С.</i> Қазақстан Республикасында арнайы мемлекеттік органдарындағы қызмет ...	24

МЕМЛЕКЕТ ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚ ТЕОРИЯСЫ МЕН ТАРИХЫ

<i>Қожахметов Ф.З., Баданова М.М.</i> Көп партиялық егеменді Қазақстанның саяси жүйесінің қалыптасуының негізі ретінде	33
<i>Тұрғымбаев М.Е.</i> Мұсылман құқықтағы жаза және оның мақсаттары	38

ҚЫЛМЫСТЫҚ ПРОЦЕСС ЖӘНЕ КРИМИНАЛИСТИКА

<i>Аренова Л.К.</i> Діни сараптама: өндірістің көкейкесті сұрағы	43
<i>Герговский М.</i> Қылмыстық іс-әрекеттің психологиялық диагностикасы және қылмыскерлер (ерлер және әйелдер) арасындағы тәуекелге баруды бағалау	49
<i>Жәмиева Р.М., Сухотерин В.Е., Жақыпов Б.А.</i> Қазақстандағы прокурорлық қадағалауды заңдылық реттеудің кейбір мәселелері	55
<i>Сембекова Б.Р.</i> Кәсіби қарым-қатынас дәлелдемелерді жинау мен зерттеудің әдісі ретінде	62
<i>Сұлтанбекова Г.Б.</i> Экология қауіпсіздік саласындағы прокуратура қызметінің кейбір мәселелері	69
<i>Нұрмағанбет Е.Т.</i> Қылмыстық іс жүргізудегі адвокат-қорғаушының дәлелдемелерді жинауға қатысудағы өзекті мәселелер мен ұсыныстар ...	75

АЗАМАТТЫҚ ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ АЗАМАТТЫҚ ПРОЦЕСС

<i>Мехраби К.</i> Лордтар палатасымен қалыптастырылған қағидалардың дамуы Salomon V.A. Salomon & sons ltd [1897] ac 22 және оларды қазіргі кездегі іскерлік тәжірибеде қолдану мүмкіндігі	80
---	----

СОДЕРЖАНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

<i>Belova G., Bazarova G.S.</i> Some aspects of illegal, unreported and unregulated fishing	4
<i>Рахимбаев Э.Н., Балгимбекова Г.У.</i> Конституционно-правовые основы президентуры в Кыргызской Республике	9
<i>Bozhkarauly A.</i> To the problem of the normative basis of migration in the Republic of Kazakhstan...	20
<i>Мусилимова К.С.</i> Служба в специальных государственных органах Республики Казахстан	24

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

<i>Kozhakhmetov G.Z., Badanova M.M.</i> Multiparty system as a basis for forming of sovereign political system of Kazakhstan	33
<i>Турғумбаев М.Е.</i> Наказание и его цели в мусульманском праве	38

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

<i>Arenova L.K.</i> Actual production issdaiues religious expertise	43
<i>Gergovsky M.</i> Psychological diagnosis of the criminal behavior and risk assessment among homicide (men and women)	49
<i>Жамиева Р.М., Сухотерин В.Е., Жакупов Б.А.</i> Некоторые вопросы законодательного регулирования прокурорского надзора в Казахстане....	55
<i>Сембекова Б.Р.</i> Профессиональное общение как способ собирания и исследования доказательств	62
<i>Сұлтанбекова Г.Б.</i> Некоторые вопросы деятельности прокуратуры в сфере экологической безопасности	69
<i>Нурмағанбет Е.Т.</i> Проблемы и предложения по участию адвоката-защитника в доказывании по уголовному процессу	75

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

<i>Mekhrabi K.</i> How far have the principles articulated by the House of Lords in Salomon V.A. Salomon & sons ltd [1897] ac 22 been developed since the decision? To what extent does the current approach accord with modern business practice?	80
--	----

Қыздарбекова А.С., Мамедов Р.Ю. Қазақстан Республикасы мен Әзербайджанның заңнамасы бойынша ұжымдық еңбек дауларын шешу тәртібі..... 84

ЖАС ҒАЛЫМ МІНБЕСІ

Кәрібаева А. Қазақстан Республикасы және ТМД мемлекеттерінде бәсекелестікті құқықтық қорғау ерекшеліктері..... 94

Шамшинурова С.М. Қазақстандағы және Польшадағы сот билігі туралы конституциялық ережелерді талдау 101

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР 107

Киздарбекова А.С., Мамедов Р.Ю. Порядок разрешения коллективных трудовых споров по законодательству Республик Казахстан и Азербайджан 84

Трибуна Молодого Ученого

Карибаева А. Особенности правовой защиты конкуренции в Республике Казахстан и странах СНГ 94

Шамшинурова С.М. Анализ конституционных положений о судебной власти в Казахстане и Польше 101

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 107

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

КОНСТИТУЦИЯЛЫҚ ЖӘНЕ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚ

UDC 347. 514. 2

G.Belova¹, G.S.Bazarova²

¹Southwest University of the Neophyte Rilsky, Blagoevgrad, Bulgaria;
²E.A.Buketov Karaganda State University (E-mail: gbelova@hotmail.com)

Some aspects of illegal, unreported and unregulated (IUU) fishing

In a scientific article describes how fish washed as the Common Agricultural Policy of the European Union. The peculiarity of this problem is that fishing related biological resources of the seas and oceans, which largely formed naturally and need constant renewal and protection from over-exploitation. As shown by data researchers volume of illegal, unreported and unregulated (IUU) fishing is growing every year, which creates a threat to environmental safety and the continued existence of the fishery. In this connection, the article raised issues of IUU fishing is a complex, multifaceted and dynamic problem that needs to be examined at both the national and international level.

Key words: international law, IUU, Sanctions mode, illegal fishing, unreported fishing, unregulated fishing, the Regulations of Council.

According to foreign researchers the volume illegal, not registered and noncontrollable (IUU) fishery — constitutes between 9 and 24 billion US dollars a year [1]. For this reason IUU fishery represents a complex, many-sided and dynamical problem which can be hardly solved at national or bilateral level. Struggle with IUU fishery demands combined efforts of the international community. Therefore first of all it is necessary to find out concept IUU of fishery.

1. Concept IUU of fishery of international law

For the first time the concept «illegal, not reported/not accounting and noncontrollable fishery» (on English **illegal, unreported and unregulated fishery**) is mentioned at conference of the United Nations concerning environment and development in 1992 the International plan of action on prevention, restraint and to liquidation IUU of fishery which has been approved by Committee of a fish economy of Fao [2] in 2001 for the first time has made the developed determination of this phenomenon:

Illegal fishery (illegal fishery) —

• **In an exclusive economic zone (EEZ)** the coastal state illegal fishery what is performed without the permission or in infringement of laws and normative acts of the coastal state is considered.

• **In the high sea** it is a craft which is performed without the licence which have been given out to the regional organization on management by fishery (ROMF) or in infringement of measures on preserving and management, accepted by this organization, or in infringement of relevant provisions of international law.

Not reported (unreported fishery) — trade activity, about which:

• It was not reported or was incorrectly reported to corresponding national authority in infringement of national laws or

• Conducted around corresponding ROMF and about which it was not reported in infringement of procedures of the reporting of this organization. In the absence of the similar notification, the craft is not registered and the caught quantities cannot be records at management of fish resources.

Noncontrollable (unregulated fishery) — in an operative range of the corresponding international organization, activity which is conducted by the courts not having nationalities or floating under the flag of the state, not being the party of this organization and to its unobservant rules on preserving and management.

Such is and catch areas where there are no certain rules on preserving and management and where the craft is performed by the method which is not corresponding to obligations of the state according to international law.

Hence, IUU the craft consists of three independent elements: the illegal craft, not reported craft and a noncontrollable craft [3].

According to the employee of the Norwegian Institute of sea researches to Bergen H. Josetera there are various types of a craft which can be carried to concept IUU fishery [4]. In some cases, for example, the caught fish is not delivered to coast, and it is simply thrown out for a board for various reasons, inclusive, that not the necessary kind of fish or fish not approaching on the size. The specified author considers that IUU fishery has serious biological and social consequences. Biological are connected with superoperation and decrease in resources as the supercraft leads to reduction of middle age of the caught fish, and therefore to reduction of a potential craft and fish stocks. The social effect consists that the fishermen leading a lawful craft, will catch less fishes, than could. Besides, IUU the craft leads to deterioration of a condition of the sea environment, to easing of economy of fishery, together with to a dumping causing anxiety. Sea poachers is usual commit excesses in the high sea, together with in exclusive economic zones of the developing states which have no means for effective supervision of the waters.

2. Struggle against IUU a craft in the European Union

Fishery as it well-known, represents a considerable part of the General agricultural policy of the European Union. Its specific characteristic is that fact that similar products occur from biological resources of the seas and oceans which are in a greater degree formed by a natural way and need constant renewal and protection from overexploitation. In initial documents of EU fishery products are considered as a part of agricultural products, but since 70th years of the XX-th century the Union develops the separate policy on fishery. After the Lisbon agreement the general agricultural policy and a policy on fishery are considered as two sides of the uniform complex policy getting to areas joint компетенций which have similar, though and not identical legal regime. Unique component of a fishery policy is the isolated legislation on preserving of sea biological resources that concerns area exclusive компетенций the European Union [5]. Key source of the legislation of EU under the relation of protection of sea biological resources are the **Regulations of Council (EU) 2371/2002** from December, 20th, 2002 about preserving and steady operation of fishery resources in within the limits of the General fishery policy [6]. The purpose of a general policy in the field of fishery, according to the specified Regulations is warranting of such operation of live water resources which creates conditions for stability both in the economic and ecological plan, and from the social point of view. Illegal, not registered and noncontrollable fishery represents one of the most serious threats for rational operation of the live water resources undermining a basis of the general fishery policy, together with the international efforts for management of world ocean. IUU the craft represents as well threat to a biological variety exhausting that Reducing of losses of a biological variety till 2020 — and further «is noted in the Message of the European Commission».

In Item 2 of Regulations of Council (EU) № 1005/2008 from September, 29th, 2008 establishing system of Community for prevention, restraint and liquidation of illegal, not registered and noncontrollable fishery [7] following determination is made **of concept «IUU to a craft»**:

For the present regulations:

1. «**Illegal, unreported and noncontrollable fishery**» or «**(IUU) fishery**» means fishery activity which is illegal, not registered or noncontrollable;

2. «**Illegal fishery**» means fishery activity:

Made by the local or foreign fishery vessel in the waters which are under jurisdiction of the state without the permission of this state or in infringement of laws accepted by it and regulations;

Made by the fishery vessel floating under the flag of the states which participate in the corresponding regional organization on fishery management, but acting in infringement of measures of preserving and the management, accepted by this organization and obligatory for the states, or in infringement of corresponding rates of applicable international law; or

Made by the fishery vessel in infringement of the national legislation or the international obligations, including and undertaken obligations by the co-operating countries before the corresponding regional organization on fishery management;

3. «**Not registered fishery**» means fishery activity:

Which is not declared or declared doubtfully before corresponding national body in infringement of national laws and regulations; or

Which is made in the area, getting to a scope of competence of the corresponding regional organization on management of fishery and are not declared or declared doubtfully in infringement of procedures on declaring of this organization;

4. «**Noncontrollable fishery**» means fishery activity:

Made in the area getting to a scope of corresponding regional organization on management of fishery, fishery vessels without a nationality, the fishery vessels floating under the flag of the state, not participating in the organization, or the structure which is engaged in fishery method which contradicts or in infringement of measures on preserving and management of this organization; or

Made in areas or under the relation of fish stocks for which there are no applicable measures on preserving and management, fishery vessels by the method contradicting responsibility of the states on preserving of live sea resources it agree international law.

Substantive provisions of this document of the secondary legislation are concretized and added by other legal acts of the Union, in particular **Regulations the Commissions (EU) № 1010/2009** from October, 22nd, 2009 by determination of detailed rules on application of Regulations of Council (EU) № 1005/2008 Communities establishing system for prevention, restraint and liquidation of illegal, not registered and noncontrollable fishery [8].

According to the above-stated documents the European Union sets as an object to eliminate an illegal craft in Community waters, together with in other water pools. Since January, 1st, 2010 all operations on import of fish products to the European Union are subjected a series of the measures, intended to warrant their legality catcha. At the heart of these measures the system certification by means of which the state, under whose flag floats the fishery vessel lies, certificates observance of conditions catcha. According to these new orders all operations on unloading of the fish products occurring from the third countries, are subject as well to check according to usages of the national port control. During too time they include also system of the prevention which gives possibility for information interchange about суднах, performing illegal catch.

A. Certification, supervision and inspections

The European Union observes own fishery enterprises. It has entered the monitoring system which allows to be assured that is unique lawful catch arrives in trading networks. The same severity and supervision are expected from the third countries which perform export of the fish products on EU territory. The European market reach it is unique products, whose legality can be certificated the state, under whose flag the fishery vessel floats. The certificate on catch should accompany each batch of the fish product imported from the third countries, even in the processed kind. This certificate stands out the state, under whose flag the boat floats. In it the product is described, the information on circumstances at which it is made catch is given and its legality is warranted. The system of electronic tracking or documentary system ROUR can be equivalent to the certificate on catch. For control over legality of products, irrespective of a vehicle (the boat, a train, the plane, etc.), member states of the European Union resort to inspections and can demand cooperation from the state of a flag of a boat.

B.Sanctions mode

If check or inspection leads identification a swimming boat which participated in illegal catche or to state disclosing, under whose flag this boat floats, the European union provides sanctions. At the suspicion connected with a swimming boat, the system of the prevention of Community which allows to inform other member states on suspicions into the account of the given swimming court is put in action. If there is data about illegal catche, the swimming boat is blacklisted the Communities, published in the Internet a site of the European Commission. It leads to a prohibition of any operations connected with transit journey, loading and unloading in all ports of the European Union. For the state which contribute to illegal fishery, the European regulations provide a series of response measures, inclusive a prohibition of import of fish products from corresponding state in the European Union.

In our national legislation the Resolution № 3 from 2/19/2013 about application балловой systems about perfect heavy infringements on sense of Regulations of Council (EU) № 1005/2008 from 9/29/2008 of year establishing Community system on prevention, restraint and liquidation of illegal, not registered and noncontrollable fishery, for change of regulations (EEC) № 2847/93, (EU) № 1936/2001 and (EU) № 601/2004 and for cancellation of regulations (EU) № 1093/94 and (EU) № 1447/1999 was more recently accepted [9].

Throughout the accepted measures at the European level the Regulations on execution (EU) № 672/2013 Commissions about change of Regulations (EU) № 468/2010 for drawing up of the list of EU, including a boat, making IUU a craft on July, 15th, 2013 have been accepted.

It is necessary to mean that the European Union is the party under the United Nations Organization Convention on maritime law from December, 10th, 1982 (UNCLOS). Besides, EU ratified the Agreement on realization of positions of the Convention which preservings of transboundary fish stocks and stocks of far migrating fishes and management concern with them. Also the Union has accepted the Agreement of Fao on the high sea from November, 24th, 1993 In large parts the specified acts set an obligation of all states to take suitable measures for efficient control and preserving of biological sea resources and to cooperate among themselves for realization of this purpose.

In 2001 of Fao has accepted the International plan of action on prevention, restraint and liquidation of illegal, not registered and noncontrollable fishery which has been supported by the European Union. Besides, with the help and active support of EU by the regional organizations on management of fishery the kit of the measures is created, intended to counteract IUU to a craft.

3. Struggle against IUU fishery in Black sea

IUU the craft is one of the most serious threats for steady fishery and in Black sea. For all twenty years' period of 1992 — it has been reported in general about 65 cases of illegal fishery in various EEZ in Black sea 2012 [10]. The basic object IUU of fishery in Black sea is the flounder, but also other kinds, such as an anchovy/hamsa, bluefish, sprat, jack mackerel, horse-mackerel, sardine, mullet, whiting and sturgeon, also are under the threat. Except traditional harmful consequences IUU of a craft, such as economic losses, biodiversity infringement, for region It is black ro the region seas are characteristic even human a victim. In the reported 65 cases five fishermen were lost, and two have been wounded.

Illegal, not reported and noncontrollable fishery is one of the reasons of reduction of fish stocks both in Black, and in Mediterranean sea. It is the cause for consolidation of efforts of the Commission on protection of Black sea against pollution and General Fisheries Commission for the Mediterranean (GFCM) for a sustainable development of fishery and aquaculture. Joint efforts provide not only informing of the wide public on the sizes IUU fisheries in Black sea, together with about creation of systems for data processing and the information and long-term plans on management of fishery in Black sea.

Hardly probable that fact is unexpected that the basic share from IUU fishery in Black sea is necessary on Turkish fishermen. Some of them perish, others — are wounded, the third — are arrested, their boats are detained, some are obliged to pay the penalty. But the considerable part has time to escape from administrative or punishment responsibility. This problem has economic, legal, political and social measurement for Turkey, the fact which in 2012 has been noted and General Fisheries Commission for the Mediterranean [11] As to IUU a craft performed by Turkish fishermen out of a Turkish exclusive economic zone the data show that during the period since 1992 on 2012 three Turkish boats have been sunk by the coastal patrol ships (two of them in Ukraine in 1998 and 2000, and another — in Romania). Five fishermen were lost — one in Georgia in 1997, two in Ukraine in 1998 and 2000 and one in Bulgaria in 2008 And 64 Turkish fishermen have been arrested. Last 20 years the penalties paid to other Black Sea states, constitute over 1 million US dollars [12]. Last cases of an illegal craft Turkish fishermen are reported by the Russian Federation in 2001 and Bulgaria in 2008.

It is necessary to mean that the problem with IUU a craft appears in the late eighties of the XX-th century and first of all is connected with illegal extraction of a flounder. During cold war, excepting Turkey, all other Black Sea countries (Soviet Union, Bulgaria and Romania) had a planned economy that did not influence a biological variety and fish stocks. Development of Turkish fishery fleet that has led to increase Turkish catch a flounder in Northern part of Black sea is in the late seventies noticed. With declaration from Soviet Union an exclusive economic zone in distance of 200 n miles Turkish fishermen have lost traditional possibilities for catch a flounder in coastal waters of the Crimean peninsula and in Kerch strait. The concept about EEZ, entered by the United Nations Convention on maritime law since 1982, was new to the states and in difference from a continental shelf, they should declare the exclusive economic zones clearly. The process connected with determination EEZ, has strongly affected a craft of Turkish fishermen. In 1985 the Turkish government and the Soviet authorities in a bilateral order discussed a question on fishery in water area of Black sea, but and the consensus about a quota catch a flounder has not been reached. In 1987, Soviet Union and Turkey exchange the notes connected with the agreement on delimitation of borders EEZ in Black sea. This agreement significantly has reduced possibilities catch a flounder in Black sea for Turkish fishermen.

New development of a measure against IUU a craft receive after 2007 when Bulgaria and Romania are included into the European Union and start to carry out general to the policy on fishery. These two countries are the first coastal Black Sea countries which have acquired the status of full members. After 2008 for the

first time started a quota system for a sprat and a flounder restriction also has started to be applied to admissible general catch for EU member states.

Exclusively massive problem connected with IUU by a craft, is catch accompanying kinds of fish. Pursuing extraction of a flounder or sturgeon fishes (which basically are the protected kinds and are under special protection inclusive and the Turkish legislation), every year a considerable quantity of dolphins are caught in a net fishermen in a Turkish part of Black sea.

IUU the craft sometimes leads to the phenomenon ghost fishery when fishermen throw out the networks in the sea, at the sight of the patrol ships, trying to avoid coastal protection or other competent authorities. In the thrown out networks sea organisms, such as sharks get confused many, slopes and dolphins who perish later, going to coast or sink on a bottom. After the certain period, the left networks (the seas which have sunk or floating on a surface) turn to threat for sea transport, especially at night. Set of boats have suffered from the sunk illusive networks in Black sea. Besides, getting on coast, these networks cause also pollution of coastal lines.

Irrespective of all above-stated, there are good experts for cooperation in struggle against IUU a craft. In 2001 between the Romanian and Turkish authorities interaction against actions of Turkish fishermen where representatives of a coast guard of both countries have taken part in detention was already performed.

In summary it is necessary to underline that without efforts of the states, and also bilateral and multilateral cooperation within the limits of the various international organizations hardly the international community could counteract effectively to the phenomenon «an illegal, not registered and noncontrollable craft». Exclusive value has an impulse which is given by the United Nations Organization on the foodstuffs and agriculture, together with the European Union. Taking into account problems in the Black Sea region the all-important tool is recently signed Memorandum of mutual understanding between GFCM and the Black Sea commission, whose purpose is cooperation strengthening between these two organizations in their corresponding areas of competence and a territorial scope — Mediterranean and Black sea. Really, austerity measures against IUU fishery in Black sea where the coastal states should develop and apply national plans to prevention, restraint and liquidation IUU of fishery are necessary more.

References

- 1 Agnew D.J., Pearce J., Pramod G., Peatman T., Watson R., Beddington R.J., Pitcher T.J. (2009) Estimating the worldwide extent of illegal fishing. *PLoS ONE* 4 (2): e 4570.
- 2 The food and agricultural organization of the Organization of the incorporated nations.
- 3 FAO (2008) Management of fishing capacity and the international plan of action to prevent, deter and eliminate illegal, unreported and unregulated fishing. Available at <http://www.fao.org>.
- 4 *Krajnij A.A., Bekjashev K.A.* International of a problem of struggle with IUU a craft: a policy and the right. — Moscow: VNIRO, 2012. — P. 20.
- 5 The right of the European Union. Volume 2 the Special part. Under the editorship of the prof. d.l.s. S.J.Kashkina. — Moscow: Jurajt, 2013. — P. 629.
- 6 OJ, 2002, L 358.
- 7 OJ, 2008, L 286.
- 8 OJ, 2009, L 280.
- 9 It is published by the Minister of Agriculture and the foodstuffs, publ., DV, № 21 from 3/1/2013, in force with 2/28/2013.
- 10 *Öztürk Bayram* Some remarks of Illegal, Unreported and Unregulated (IUU) fishing in Turkish part of the Black Sea, *J. Black Sea/Mediterranean Environment*. — Vol. 19. — № 2. — 256–267 (2013). — P. 257.
- 11 GFCM (2012) Background document on the Black Sea fisheries for the First meeting of GFCM Working Group on the Black Sea. Constanta, 16–18 January, 2012. Preliminary version.
- 12 *Öztürk Bayram* Some remarks of Illegal, Unreported and Unregulated (IUU) fishing in Turkish part of the Black Sea, *J. Black Sea/Mediterranean Environment*. — Vol. 19. — № 2. — 256–267 (2013). — P. 260.

Г.Белова, Г.С.Базарова

Заңсыз, реттеусіз, тіркеусіз балық аулау кәсіптің кейбір қырлары

Мақалада Еуропа одағының жалпы ауылшаруашылық саясатындағы балық аулаудың кейбір мәселелері қарастырылған. Берілген мәселенің маңызы балық аулаудың шамадан тыс пайдаланудан қорғау және әрдайым жаңартуды қажет ететін, сонымен қоса табиғи жолмен пайда болатын теңіз бен мұхиттың биологиялық ресурстарымен байланысы болып табылады. Сондай-ақ, ғалымдардың пайымдауы бойынша, балық аулаудың заңсыз, реттеусіз және тіркеусіз көлемінің жыл сайын өсуі балық аулаудың, балық аулаудың өзінің әрі қарай қалыптасуына, сонымен қатар экологиялық қауіпсіздікке қауіп төндіруіне алып келеді. Сол себепті көтерілген заңсыз, реттеусіз және тіркеусіз балық аулау ұлттық және халықаралық деңгейде қаралуды талап етеді, өз алдында кешенді, көпқырлы және динамикалық мәселе болып есептеледі.

Г.Белова, Г.С.Базарова

Некоторые аспекты незаконного, незарегистрированного и нерегулируемого рыбного промысла

В статье рассмотрены вопросы рыбного промысла как общей сельскохозяйственной политики Европейского союза. Определена особенность данной проблемы — то, что рыбный промысел связан с биологическими ресурсами морей и океанов, которые в большей степени образуются естественным путем и нуждаются в постоянном возобновлении и охране от чрезмерной эксплуатации. Отмечено, что на основе данных исследователей объем незаконного, незарегистрируемого и нерегулируемого (ННН) рыбного промысла ежегодно растет, что создает угрозу как экологической безопасности, так и дальнейшему существованию самого рыбного промысла. Авторами подняты вопросы ННН рыбного промысла, представляющие собой комплексную, многогранную и динамичную проблему, которая должна быть рассмотрена как на национальном, так и на международном уровнях.

УДК 342.61

Э.Н.Рахимбаев¹, Г.У.Балгимбекова²¹Кыргызская государственная юридическая академия при Правительстве Кыргызской Республики, Бишкек;²Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова
(E-mail: gbalgimbekova@mail.ru)**Конституционно-правовые основы президентуры в Кыргызской Республике**

В статье рассмотрены некоторые тенденции правового развития института президентуры, конституционно-правовые основы становления и развития, функции и полномочия, конституционно-правовая ответственность президента. Отмечено, что уровень развития права относительно института президентуры не является предельным рубежом его эволюции. Выделены элементы избрания и формирования института президента, затронуты вопросы функционирования и развития феномена власти президента.

Ключевые слова: президент, Кыргызская Республика, институт президентства, президентура, Содружество Независимых Государств.

Утверждение в системе государственной власти Кыргызской Республики поста президента значительно усилило внимание в нашем обществе к институту президентства в различных политических системах. Введение этого института открыло новый этап в развитии кыргызской государственности.

Сегодня в мире более 130 стран имеют в своем государственном устройстве пост президента. Эта цифра отражает масштабность распространения президентства в современном мире. Термин

«президент» происходит от латинского *Praesidens*, буквально означает «сидящий впереди» [1]. «Президент — глава государства, избираемый гражданами, парламентом или специальной избирательной коллегией на определенный срок; высшее должностное лицо государства» [2]. США стали первой страной в мире, где возникла должность президента, объединившая в одном лице главу государства и главу правительства. Более того, именно в США зародился институт президентства как один из важнейших институтов политической системы, который уже более 200 лет успешно функционирует.

В настоящее время во всех странах Содружества Независимых Государств введен институт президентства. В советский период долгое время отклонялась идея единоличного главы государства. Во время рассмотрения проекта Конституции СССР 1936 г. высказывались предложения о введении института президентства. Однако весомым аргументом были слова И.В. Сталина по данному вопросу: «По системе нашей Конституции в СССР не должно быть единоличного Президента, избираемого всем населением наравне с Верховным Советом и могущего противопоставить себя Верховному Совету. Президент в СССР коллегиальный, это — Президиум Верховного Совета» [3].

В странах СНГ институт президентства способствовал решению задач утверждения независимости, ликвидации советской системы, партийного всевластия, был призван ускорить темпы социально-экономических реформ и укрепить систему государственной власти. Процесс формирования института президентства проходил в странах СНГ достаточно сложно и неоднозначно, в условиях трансформации всех государственных органов, исходя из доктрины разделения власти между ее законодательной, исполнительной и судебной ветвями. В своем классическом виде теория разделения власти была сформулирована англичанином Джоном Локком (1632–1704 гг.) и французом Шарлем Луи Монтескье (1689–1755 гг.).

Институт президентства в странах СНГ, с момента его введения по настоящее время, претерпел изменения. Правовой статус президента, его полномочия и круг обязанностей несколько раз изменялись. Они определялись рядом законодательных актов, а в данное время — конституцией.

В странах Центральной Азии и Казахстана в соответствии с конституциями президентуре отводится особое место в системе органов государственной власти. Президент воплощает единство государства и государственной власти в целом, а не той или иной ее ветви. Президент — глава государства — занимает высшее место в иерархии государственных институтов и осуществляет верховное представительство страны и внутри политической жизни, и на международной арене. Пост президента в Кыргызстане, Казахстане, Узбекистане, Туркменистане, Молдове был учрежден в 1990 г., в Грузии и Украине — в 1991 г.

Законом Киргизской Советской Социалистической Республики «Об учреждении поста Президента Киргизской ССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Киргизской ССР» 24 октября 1990 г. (№ 222-ХII) был учрежден пост Президента Киргизской Советской Социалистической Республики. Конституция Киргизской ССР была дополнена новой главой 12(1) «Президент Киргизской ССР», которая в последующем послужила основой Конституции Кыргызской Республики, принятой 5 мая 1993 г.

В октябре 1990 г. Верховный Совет Киргизской ССР избрал Акаева Аскара Президентом республики.

Конституции стран Центральной Азии и Казахстана содержат различные определения института президентства. Они показывают различия в содержательной стороне этого института, его положение в системе высших органов государственной власти, выделяют определенную форму правления государства.

Конституция Кыргызской Республики в ст. 42 провозглашает [4]:

«1. Президент Кыргызской Республики является главой государства, высшим должностным лицом Кыргызской Республики. 2. Президент Кыргызской Республики является символом единства народа и государственной власти, гарантом Конституции Кыргызской Республики, прав и свобод человека и гражданина. 3. Президент Кыргызской Республики определяет основные направления внутренней и внешней политики государства, представляет Кыргызскую Республику внутри страны и в международных отношениях, принимает меры по охране суверенитета и обеспечивает единство и преемственность государственной власти, согласованное функционирование и взаимодействие государственных органов, их ответственность перед народом».

Статья 40 Конституции Республики Казахстан устанавливает [5]:

«1. Президент Республики Казахстан является главой государства, его высшим должностным лицом, определяющим основные направления внутренней и внешней политики государства и представляющим Казахстан внутри страны и в международных отношениях; 2. Президент Республики — символ и гарант единства народа и государственной власти, незыблемости Конституции, прав и свобод человека и гражданина. 3. Президент Республики обеспечивает согласованное функционирование всех ветвей государственной власти и ответственность органов власти перед народом».

Согласно Конституции Республики Узбекистан, ст. 89: «Президент Республики Узбекистан является главой государства и исполнительной власти в Республике Узбекистан. Президент Республики Узбекистан является одновременно Председателем Кабинета министров».

Согласно ст. 54 Конституции Республики Туркменистан: «Президент Туркменистана является главой государства и исполнительной власти, высшим должностным лицом Туркменистана, выступает гарантом национальной независимости, территориальной целостности, соблюдения Конституции и международных соглашений».

В статье 7 Конституции Республики Азербайджан отмечается: «Главой Азербайджанского государства является Президент Азербайджанской Республики. Он представляет Азербайджанское государство внутри страны и во внешних отношениях. Президент Азербайджанской Республики воплощает единство азербайджанского народа и обеспечивает преемственность азербайджанской государственности». Следует отметить, что в ст. 122 «Принадлежность к исполнительной власти» устанавливается: «В Азербайджанской Республике исполнительная власть принадлежит Президенту Азербайджанской Республики».

Согласно Конституции Республики Таджикистан: «Президент Республики Таджикистан является главой государства и главой исполнительной власти. Президент является гарантом Конституции и законов, прав и свобод человека и гражданина, национальной независимости, единства и территориальной целостности, преемственности и долговечности государства, согласованного функционирования и взаимодействия государственных органов, соблюдения международных договоров Таджикистана».

Провал августовского путча, личная роль уже бывшего всенародно избранного президента Российской Федерации Б.Н.Ельцина в победе над путчистами, а также всенародные референдумы по вопросам провозглашения независимости и введения института президентства стали поворотным пунктом в истории России.

Согласно Конституции Российской Федерации (ст. 80): «Президент является главой государства. Президент Российской Федерации является гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина. В установленном Конституцией порядке он принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти».

Президент Российской Федерации в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами определяет основные направления внутренней и внешней политики государства. Президент РФ как глава государства представляет Российскую Федерацию внутри страны и в международных отношениях».

Аналогичные положения содержатся также и в конституциях других государств СНГ.

Конституция Украины в ст. 102 фиксирует: «Президент Украины является главой государства и выступает от имени государства. Президент Украины является гарантом государственного суверенитета, территориальной целостности Украины, соблюдения Конституции Украины, прав и свобод человека и гражданина».

Согласно Конституции Республики Молдова (ст. 77): «Президент Республики Молдова — глава государства». Провозглашается: «1. Президент Республики Молдова является главой государства. 2. Президент Республики Молдова представляет государство и является гарантом суверенитета, национальной независимости, единства и территориальной целостности страны».

Согласно ст. 79 Республики Беларусь: «Президент Республики Беларусь является главой государства, гарантом Конституции Республики Беларусь, прав и свобод человека и гражданина». Президент олицетворяет единство народа, гарантирует реализацию основных направлений внутренней и внешней политики, представляет Республику Беларусь в отношениях с другими государствами и международными организациями. Президент принимает меры по охране суверенитета Республики Беларусь, ее национальной безопасности и территориальной целостности, обеспечивает политическую

и экономическую стабильность, преемственность и взаимодействие органов государственной власти, осуществляет посредничество между органами государственной власти, государством и обществом».

В статье 49 Конституции Республики Армения отмечается: «Президент Республики Армения обеспечивает соблюдение Конституции, нормальное функционирование законодательной, исполнительной и судебной власти. Президент Республики является гарантом независимости, территориальной целостности и безопасности Республики».

Согласно ст. 69 Конституции Грузии: «1. Президент Грузии является Главой грузинского государства и Главой исполнительной власти. 2. Президент Грузии направляет и осуществляет внутреннюю и внешнюю политику государства. Он обеспечивает единство и целостность страны, а также деятельность государственных органов в соответствии с Конституцией. 3. Президент Грузии является высшим представителем Грузии во внешних сношениях».

Таким образом, приведенные различные дефиниции института президентства позволяют нам сделать выводы, прежде всего, о том, что, за небольшим исключением, конституции стран молодой демократии, каковыми являются республики СНГ, по сути одинаковы, лишь изложены в различных вариантах и позволяют классифицировать их по моделям.

Первая модель. Президент является главой государства и исполнительной власти. Это определение принято институтами Республики Узбекистан, Республики Азербайджан, Грузии, Республики Таджикистан.

Вторая модель. Президент — глава государства, исполнительной власти и высшее должностное лицо, — отмечается в Конституции Туркменистана.

Третья модель. Президент — глава государства и высшее должностное лицо. Это отмечено в Конституциях Кыргызской Республики и Республики Казахстан.

Четвертая модель. Президент является главой государства, — отмечается в Конституциях России, Украины, Молдовы, Белоруссии.

Итак, в странах СНГ президент занимает определенное положение в системе разделения власти. Как видим из изложенного выше, одни республики включают его в систему исполнительной власти, другие — нет. Но большинство конституций стран СНГ не включает президента ни в одну из ветвей власти, ставит его как бы над властями.

Более того, А.Б.Венгеровым в этой связи высказано мнение, что президентская власть в республиках с конституционным строем типа российского является самостоятельной ветвью власти [6].

Полномочия президентов стран СНГ подробно регулируются соответствующими конституциями. Президенты стран СНГ являются главами государства, гарантом Конституции, прав и свобод человека и гражданина. В установленном конституцией порядке принимают меры по охране суверенитета государства, его независимости и государственной целостности. Детальный анализ соответствующих положений конституций стран СНГ позволяет, в зависимости от правовой специфики полномочий президента, разделить их условно на шесть групп, идентичных, как нам представляется, для большинства президентов стран СНГ и которые рассмотрим на примере полномочий Президента Кыргызской Республики (ст. 46 Конституции Кыргызской Республики) [7].

Полномочия Президента Кыргызской Республики

Первая группа полномочий Президента Кыргызской Республики — это его права и обязанности, связанные с деятельностью Собрания народных представителей и Законодательного собрания Жогорку Кенеша Кыргызской Республики. Он назначает выборы в Законодательное собрание и Собрание народных представителей (СНП); осуществляет досрочный роспуск Законодательного собрания и Собрания народных представителей в случаях, предусмотренных Конституцией Кыргызской Республики; вносит законопроекты в Жогорку Кенеш; подписывает законы либо возвращает их со своими возражениями в соответствующую палату Жогорку Кенеша для повторного рассмотрения; обнародует законы; вправе опротестовать в Конституционный суд Кыргызской Республики законы или ратифицированные Кыргызской Республикой международные договоры; обращаться к народу с ежегодными посланиями о положении дел в стране, оглашаемыми на совместном заседании обеих палат Жогорку Кенеша; вправе досрочно создать заседание Законодательного собрания, сессию СНП и определить вопросы, подлежащие рассмотрению; в случаях и порядке, предусмотренных ст. 68 Конституции Кыргызской Республики; осуществляет законодательные полномочия; назначает по собственной инициативе референдум; принимает решение о назначении референдума по инициативе не менее трехсот избирателей, большинства от общего числа депутатов обеих палат Жогорку Кенеша; назначает с согласия Собрания народных представителей Генерального прокурора Кыргызской

Республики; назначает с согласия Собрания народных представителей Председателя Правления Национального банка Кыргызской Республики; представляет Законодательному собранию и Собранию народных представителей кандидатуры для избрания на должности Председателя Конституционного суда Кыргызской Республики; представляет СНП кандидатуры для избрания на должности председателей Верховного суда Кыргызской Республики, Высшего Арбитражного суда Кыргызской Республики, их заместителей и судей Верховного суда и Высшего Арбитражного суда Кыргызской Республики; освобождает их от должности.

Вторая группа полномочий Президента Кыргызской Республики — его права и обязанности, связанные с деятельностью правительства. Президент Кыргызской Республики определяет структуру Правительства Кыргызской Республики; назначает с согласия Собрания народных представителей Премьер-министра Кыргызской Республики; назначает после консультации с Премьер-министром Кыргызской Республики членов Правительства Кыргызской Республики, а также руководителей административных ведомств; освобождает их от должности; принимает прошения Премьер-министра, Правительства или отдельного его члена об отставке; по своей инициативе принимает решение об отставке Премьер-министра или Правительства; после консультации с Премьер-министром утверждает единую систему подготовки и подбора кадров для органов, содержащихся за счет государственного бюджета, финансирования государственных органов и оплаты труда государственных служащих; вправе приостановить или отменить действие актов Правительства Кыргызской Республики, актов других органов исполнительной власти; вправе передавать полномочия, предусмотренные п.п. 2 п. 3 ст. 46 Конституции Кыргызской Республики Премьер-министру, членам Правительства и другим должностным лицам, а также ратифицировать подписанные или международные финансовые договоры и кредитные соглашения.

Третья группа полномочий Президента Кыргызской Республики — его права и обязанности в области обороны. Президент Кыргызской Республики образует и возглавляет Совет безопасности Кыргызской Республики и иные координационные органы; формирует подчиненные ему службы государственной охраны и Национальную гвардию; присваивает высшие воинские звания, классные чины и иные специальные звания; при наличии оснований, предусмотренных законом, предупреждает о возможности введения чрезвычайного положения, а при необходимости вводит его в отдельных местностях без предварительного объявления, о чем незамедлительно сообщает в Законодательное собрание; объявляет общую или частичную мобилизацию; объявляет состояние войны в случае агрессии или непосредственной угрозы агрессии на Кыргызскую Республику и незамедлительно вносит этот вопрос на рассмотрение Законодательного собрания; объявляет в интересах защиты страны и безопасности ее граждан военное положение и незамедлительно вносит этот вопрос на рассмотрение Законодательного собрания; является Главнокомандующим Вооруженными силами, назначает и смещает высшее командование Вооруженных сил Кыргызской Республики.

Четвертая группа полномочий Президента Кыргызской Республики — его права и обязанности в области внешних сношений.

Президент Кыргызской Республики осуществляет руководство внешней политикой Кыргызской Республики; ведет переговоры и подписывает международные договоры Кыргызской Республики; подписывает ратификационные грамоты; назначает и отзывает дипломатических представителей Кыргызской Республики в иностранных государствах и международных организациях; принимает верительные и отзывные грамоты аккредитуемых при Президенте Кыргызской Республики глав дипломатических представительств иностранных государств и представителей международных организаций; решает вопросы принятия в гражданство и выхода из гражданства Кыргызской Республики, предоставления политического убежища; присваивает дипломатические ранги.

Пятая группа полномочий Президента Кыргызской Республики — его компетенция, связанная с координацией деятельности соответствующих властных структур государства.

Президент Кыргызской Республики назначает Государственного секретаря Кыргызской Республики, определяет его статус и полномочия; формирует Администрацию Президента Кыргызской Республики; назначает, с согласия соответствующих местных кенешей, глав государственных администраций областей, районов, городов; освобождает их от должности; образует и упраздняет исполнительные органы, не входящие в состав Правительства; назначает председателей, их заместителей и судей судов областей, города Бишкека, районов, городов, арбитражных судов областей и города Бишкека, а также военных судов Кыргызской Республики и в случаях, предусмотренных Конституцией и законами, освобождает их от должности; назначает выборы в местные кенешы и в предусмотренных

ренных законом случаях осуществляет их роспуск; назначает председателя Центральной комиссии по выборам и проведению референдумов и одну треть ее членов; назначает председателя Счетной палаты и одну треть ее аудиторов; издает Указы и распоряжения, которые обязательны для исполнения на всей территории Кыргызской Республики.

Шестая группа полномочий Президента Кыргызской Республики — его права и обязанности по специфическим вопросам.

Президент Кыргызской Республики награждает государственными наградами Кыргызской Республики; присваивает почетные звания Кыргызской Республики; осуществляет помилование; вправе решать вопрос финансирования мероприятий, имеющих неотложный характер, за счет государственных средств; учреждает фонды.

Полномочия президентов СНГ. Большинство стран СНГ устанавливает пятилетний срок полномочий президента — Республика Таджикистан, Грузия, Республика Туркменистан, Республика Беларусь, Республика Узбекистан и другие.

Конституция Кыргызской Республики в ст. 43 устанавливает: «1. Президент Кыргызской Республики избирается на пять лет. 2. Одно и то же лицо не может быть избрано Президентом Кыргызской Республики более двух сроков подряд». Четырехлетний срок установлен только в Российской Федерации (ст. 81) и Республике Молдова (ст. 80).

Во всех странах СНГ Конституции устанавливают недопустимость пребывания в должности Президента одного и того же лица более двух сроков подряд, за исключением Туркменистана и Молдовы. Конституция Республики Туркменистан не содержит норм о недопустимости более чем двух сроков подряд пребывания в должности президента. Конституция Молдовы (ст. 80 п. 3) устанавливает возможность продления срока президентских полномочий органическим законом в случае войны или катастрофы.

В некоторых зарубежных странах не допускается переизбрания на должность президента. Например, президентом Мексики можно быть только один раз. Переизбрание запрещено. В США президент может переизбираться два раза (в сумме это восемь лет). В ФРГ президент избирается на 5 лет и тоже может переизбираться всего один раз. В Италии и во Франции срок президентского мандата 7 лет, и возможность переизбрания не ограничивается.

Во всех Конституциях стран СНГ, как правило, оговариваются начало и конец срока полномочий президента. Конституция Кыргызской Республики (п. 4 ст. 45) устанавливает: «Течение президентского мандата начинается с момента принятия присяги. Полномочия Президента прекращаются с момента вступления в должность вновь избранного Президента». Более того, Конституция Кыргызстана (и Украины) четко устанавливает, что новый избранный Президент вступает в должность не позднее чем через тридцать дней после официального объявления результатов выборов Председателем Конституционного суда Кыргызской Республики. Конституция Кыргызской Республики (ст. 45 п. 2) предусматривает принятие присяги в присутствии депутатов Законодательного собрания и Собрания народных представителей Жогорку Кенеша Кыргызской Республики. В соответствии с Конституцией Российской Федерации Президент приносит присягу в торжественной обстановке, в присутствии членов Совета Федерации, депутатов Государственной Думы и судей Конституционного суда Российской Федерации. Конституция Республики Беларусь (ст. 83) гласит, что присяга приносится Президентом в торжественной обстановке, в присутствии депутатов Палаты представителей и сенаторов, судей Верховного и Конституционного судов. Согласно Конституции Грузии (ст. 71) Президент не только приносит присягу, но и произносит программную речь. Президента Украины, в соответствии со ст. 104 Конституции, приводит к присяге Председатель Конституционного суда Украины. Следует отметить, что в целом Конституции стран СНГ практически единообразно решают вопрос об окончании срока президентских полномочий, т.е. с момента принятия присяги новым Президентом (Кыргызстан, Узбекистан, Молдова, Таджикистан, Белоруссия, Казахстан и другие). В некоторых странах СНГ конституции фиксируют срок принятия присяги. Так, согласно ст. 42 Конституции Республики Казахстан «присяга приносится во вторую среду января», а в Республике Азербайджан лицо, избранное Президентом, приводится к присяге в течение трех дней, начиная со дня сообщения об итогах выборов президента Азербайджана. Тексты президентских присяг включены в новые конституции Кыргызстана, Казахстана, Узбекистана, Украины, Таджикистана, Российской Феде-

рации, Грузии, Белоруссии, Молдовы. Тексты президентских присяг идентичны, за малым исключением.

Кандидат в президенты должен отвечать определенным требованиям (табл.).

Т а б л и ц а

Требования, предъявляемые к президентам стран СНГ

Название страны	Нижний предел возраста	Верхний предел возраста	Кол-во необходимых лет проживания в стране	Знание гос. языка	Другие требования
Кыргызстан	35	65	15 лет перед выборами	+	
Казахстан	35	65	15	+	
Узбекистан	35	-	10	+	
Туркменистан	40	-	Проживающий в Туркмении	-	Должен быть туркмен
Таджикистан	-	65	-	-	
Грузия	35	-	15	-	Должен проживать в Грузии
Азербайджан	35	-	10	Гражданин Азербайджана	Высшее образование
Молдова	35	-	10	+	
Украина	35	-	10	+	
Россия	35	-	10	-	

Таким образом, таблица позволяет нам сделать вывод о том, что существенных различий в возрастных требованиях нет. Что касается требований относительно минимального срока проживания в стране претендента на пост президента, то он колеблется от 10 до 15 лет, в Таджикистане и Туркменистане в этом плане нет ограничений. (В ФРГ возрастной ценз для президента 40 лет, в США и Индии — 35.) Знание государственного языка не требуется в Таджикистане, Грузии, Азербайджане, Туркмении, России. Кандидат в Президенты Туркменистана должен быть туркменом. Кандидат в Президенты не должен иметь судимости, не может иметь духовного звания или быть служащим какого-либо религиозного культа.

За время существования в странах СНГ института президентства значительно возросли позиции президентов [8]. Необходимо отметить, что с 1993 г. в каждой третьей республике СНГ президентами были распущены парламенты, в том числе и в Кыргызской Республике. Противостояние между ветвями власти, а также борьбу с оппозицией в некоторых республиках СНГ иногда использовали для повышения полномочий президента. Этому могут служить примеры противостояния президентов парламентам в России, Белоруссии, Казахстане и др.

В Кыргызской Республике также имело место в определенной степени усиление полномочий Президента Кыргызской Республики. Подтверждением этому служат новые положения, внесенные в Конституцию Кыргызской Республики, принятой на двенадцатой сессии Верховного Совета Республики Кыргызстан двенадцатого созыва 5 мая 1993 г., измененной и дополненной Законом Кыргызской Республики «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Кыргызской Республики» от 16 февраля 1996 г., принятым референдумом 10 февраля 1996 г., и Законом Кыргызской Республики «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Кыргызской Республики» от 21 октября 1998 г., принятым референдумом 17 октября 1998 г.

Несколько президентов стран СНГ путем референдумов узаконили повторное пребывание на своих постах (Туркменистан, Узбекистан, Казахстан) [9]. Аналогичная попытка была инициирована и в Кыргызской Республике.

Известно, что Законодательным Собранием Жогорку Кенеша Кыргызской Республики 20 сентября 1995 г. было принято Постановление «Об обращениях инициативных групп по проведению референдума о продлении полномочий Президента Кыргызской Республики до октября 2001 года». В данном Постановлении отмечалось: «Законодательное собрание Жогорку Кенеша Кыргызской

Республики, рассмотрев обращение инициативных групп по продлению полномочий Президента до октября 2001 года, отмечает, что Конституцией Кыргызской Республики, гарантом которой является глава государства, однозначно, конкретно и четко определен механизм избрания Президента на 5-летний срок и предложение инициативных групп по проведению референдума о продлении полномочий Президента Кыргызской Республики является противозаконным».

В связи с изложенным, руководствуясь ст.ст. 1, 7, 43, 44 Конституции Кыргызской Республики, ст. 1 Закона «О выборах Президента Кыргызской Республики» и ст.ст. 9, 15 Закона «О референдуме в Кыргызской Республике», Законодательное собрание Жогорку Кенеша Кыргызской Республики постановило: «1. Предложение инициативных групп по проведению референдума о продлении полномочий Президента Кыргызской Республики до октября 2001 года отклонить как противоречащее Конституции и законодательству. 2. О принятом решении проинформировать представителей инициативных групп. 3. Данное постановление опубликовать в средствах массовой информации» [10].

26 сентября 1995 г. было принято Постановление Собрания народных представителей Жогорку Кенеша Кыргызской Республики по аналогичному вопросу, где отмечалось: «Собрание народных представителей Жогорку Кенеша Кыргызской Республики, рассмотрев обращение инициативных групп по проведению референдума о продлении полномочий Президента Кыргызской Республики до октября 2001 года, отмечает, что, в связи с Заявлением Президента Кыргызской Республики об истечении сроков его полномочий и предложением провести выборы Президента Кыргызской Республики не позднее декабря 1995 года, имеется возможность принятия иного решения по вопросу, предложенному в требовании о проведении референдума». В связи с изложенным, руководствуясь пунктом 2 части второй статьи 15 Кыргызской Республики «О референдуме в Кыргызской Республике» от 28 июня 1991 года, Собрание народных представителей Жогорку Кенеша Кыргызской Республики постановляет: «Рассмотреть вопрос о назначении выборов Президента Кыргызской Республики» [11].

Постановлением Законодательного собрания Жогорку Кенеша Кыргызской Республики от 22 сентября 1995 г. «О назначении выборов Президента Кыргызской Республики» [12] выборы Президента Кыргызской Республики были назначены на воскресенье — 24 декабря 1995 г. 27 декабря 1995 г. в Конституционный суд Кыргызской Республики поступило постановление Центральной комиссии по вопросам и проведению референдумов Кыргызской Республики «Об итогах выборов Президента Кыргызской Республики 24 декабря 1995 года». Центральная комиссия подвела итоги выборов Президента Кыргызской Республики, состоявшихся 24 декабря 1995 г. в соответствии с Законом «О выборах Президента Кыргызской Республики». На основании ст. 16 Закона Кыргызской Республики «О выборах Президента Кыргызской Республики» и протоколов окружных избирательных комиссий Центральная комиссия по выборам и проведению референдумов установила: общее число граждан Кыргызской Республики, включенных в избирательные списки, 2254348; число избирателей, принявших участие в голосовании, 1943077 граждан (86,9 %). За Акаева Аскара проголосовало 1391114 чел., против 508046 чел.; за Масалиева Абсамата — 474547, против — 1424613 чел.; за Шеримкулова Медеткана — 33499, против — 1865661 чел. На основании ст. 16 Закона Кыргызской Республики «О выборах Президента Кыргызской Республики» Центральная комиссия по выборам и проведению референдумов Кыргызской Республики решила: «Считать Акаева Аскара избранным Президентом Кыргызской Республики. Согласно статьи 45 Конституции Кыргызской Республики передать данное постановление в Конституционный суд Кыргызской Республики для подтверждения результата выборов Президента Кыргызской Республики». Конституционный суд Кыргызской Республики, рассмотрев (28 декабря 1995 г.) итоги выборов Президента Кыргызской Республики 24 декабря 1995 г., решил: «1. Дать заключение: результаты выборов Президента Кыргызской Республики 24 декабря 1995 года, изложенные в постановлении Центральной комиссии по выборам и проведению референдумов Кыргызской Республики от 27 декабря 1995 года, подтвердить; 2. Избрание Президента Кыргызской Республики 24 декабря 1995 года Акаева Аскара признать правомерным; 3. Решение окончательное и обжалованию не подлежит, вступает в силу с момента принятия, обязательно к исполнению всеми государственными органами, должностными лицами и гражданами Кыргызской Республики» [13]. Таким образом, в результате состоявшихся выборов 24 декабря 1995 г. Президентом Кыргызской Республики в соответствии с Конституцией Кыргызской Республики, принятой в 1993 г., был избран Акаев Аскар.

Согласно п. 2 ст. 68 Кодекса о выборах в Кыргызской Республике после оглашения Председателем Конституционного суда Кыргызской Республики результатов голосования в течение 30 дней Президент Кыргызской Республики приносит присягу на совместном заседании депутатов Законода-

тельного собрания и Собрания народных представителей Жогорку Кенеша Кыргызской Республики. 30 декабря 1995 г. состоялось принятие присяги у вновь избранного Президента Кыргызской Республики А.А.Акаева.

Согласно п. 1 ст. 43 Конституции Кыргызской Республики, а также п. 4 ст. 45 Конституции Кыргызской Республики пятилетний срок президентского мандата истекает с момента принятия Президентом присяги.

В соответствии с п. 1 ст. 44 Конституции Кыргызской Республики и п. 4 ст. 58 Кодекса о выборах в Кыргызской Республике новые выборы Президента Кыргызской Республики проводятся за два месяца до истечения срока его полномочий. Полномочия действующего Президента Кыргызской Республики А.А.Акаева истекли 30 декабря 2000 г., следовательно, выборы Президента Кыргызской Республики должны состояться 30 октября 2000 г. По устоявшейся традиции днем выборов является первое воскресенье перед истечением срока полномочий Президента Кыргызской Республики. С учетом этого обстоятельства выборы должны быть назначены на воскресенье — 29 октября 2000 г. Согласно п. 5 ст. 58 Кодекса о выборах в Кыргызской Республике выборы Президента Кыргызской Республики должны быть назначены Собранием народных представителей Жогорку Кенеша Кыргызской Республики не менее чем за четыре месяца до их проведения. Поскольку днем выборов Президента Кыргызской Республики было определено воскресенье — 29 октября 2000 г., то Постановление Собрания народных представителей Жогорку Кенеша Кыргызской Республики «О назначении выборов Президента Кыргызской Республики» должно было быть принято не позднее 29 июня 2000 г. и официально опубликовано в течение двух календарных дней в средствах массовой информации.

Исходя из изложенного выше, а также руководствуясь п. 1 ст. 44, п.п. 7 п. 3 ст. 58 Конституции Кыргызской Республики и п.п. 4 и 5 ст. 58 Кодекса о выборах в Кыргызской Республике, Комитет по вопросам государственного устройства, законности и конституционного законодательства должен внести на рассмотрение очередной сессии проект Постановления Собрания народных представителей Жогорку Кенеша Кыргызской Республики «О назначении выборов Президента Кыргызской Республики».

Вопрос о правомочности действующего Президента Кыргызской Республики А.Акаева баллотироваться на высший государственный пост широко дискутировался в СМИ весной 1998 г. В апреле 1988 г. три депутата Собрания народных представителей и Законодательного собрания Жогорку Кенеша Кыргызской Республики — В.И. Диль, Е.Д. Исмаилов и Б. Гогаев — направили в адрес Конституционного суда Кыргызской Республики ходатайство с просьбой рассмотреть данный вопрос. Обратиться с заявлением в Конституционный суд попросила депутатов Ассамблея народа Кыргызстана после принятия 3 марта 1998 г. на заседании Президиума Совета Ассамблеи обращения в Конституционный суд «О праве баллотироваться на пост Президента КР на предстоящих президентских выборах 2000 года Президента Кыргызской Республики А.А. Акаева» [14]. Депутаты Жогорку Кенеша Кыргызской Республики и члены Президиума Совета Ассамблеи были уверены, что А.Акаев правомочен баллотироваться на пост Президента в 2000 г., так как считали выборы 1995 г. первыми по счету. 13 июля 1998 г. Конституционный суд Кыргызской Республики принимает решение, что Президент Кыргызской Республики А.Акаев избран первый раз Президентом Кыргызской Республики в декабре 1995 г., и поэтому в соответствии с п. 2 ст. 43 Конституции Кыргызской Республики вправе избираться Президентом на очередных выборах в 2000 г.

В истории зарубежного государства были случаи, когда президент страны избирался на несколько сроков. Так, Президент США Франклин Рузвельт перед и во время Второй мировой войны избирался на всенародных выборах четыре раза президентом страны. Вацлав Гавел в 1989 г. был избран президентом единой Чехословакии, а затем дважды, в 1994 и 1998 гг., становился президентом самостоятельного государства — Чешской Республики. В данном случае В. Гавел считается избранным президентом совершенно иного и уже унитарного государства, в отличие от случаев, когда он становился президентом объединенного и федерального государства, каковым была Чехословакия. Финляндия возглавлялась на протяжении 25 лет одним и тем же президентом — У.К. Кекконеном. Впервые он был избран в 1956 г., а в 1981 г. сложил с себя президентские полномочия в связи с преклонным возрастом [15]. 32 года бессменным президентом Заира был Мобуту Сесе Секо. В 1976 г. в Тунисе президент Бургиба был объявлен пожизненным президентом. Пожизненным президентом числился диктатор Дювалье на Гаити [16].

В 1999 г. С.Ниязов (Туркменбаши) пожизненно был избран Президентом Туркменистана, а Н.А.Назарбаев — на 7 лет Президентом Казахстана.

Практика института президентства стран СНГ мало знает случаев добровольного отречения от должности главы государства. Так, 4 февраля 1998 г. Парламент Армении принял отставку Президента Тер-Петросяна. Одновременно вслед за ним ушел в отставку спикер Парламента Бабкен Аракурян. В соответствии с Основным Законом полномочия президента после отставки президента и спикера перешли к премьер-министру Армении Роберту Кочеряну. В 1999 г. 31 декабря ушел в отставку Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин. Имел место в жизни и такой случай: 15 сентября 1997 г. в Калмыкии случилось беспрецедентное событие — все руководство Калмыкии, начиная с президента и кончая районными администрациями, покинуло пределы республики (вылетело в Крым). 225 руководящих постов в одночасье оказались заняты молодежью. Вся власть перешла в ее руки. Это был не переворот. Просто в Калмыкии начались Дни молодежного самоуправления. На четыре дня Кирсан Илюмжинов «дал порулить» тем, кому не было и тридцати лет [17].

Список литературы

- 1 Сталин И.В. О проекте Конституции Союза ССР // Вопросы ленинизма. — М., 1952. — С. 569.
- 2 Конституция Кыргызской Республики. — Бишкек, 1998. — С. 65.
- 3 Конституции стран-членов СНГ. Т. 1. Сб. документов (В 2 т.). — Ер.: Изд. «Мхитар Гош», 1997. — С. 328.
- 4 Жумалиев К.М., Ожукеева Т.О. Институт Президентства в Кыргызской Республике Проект ПРООН «Развитие менеджмента в Кыргызстане». — Бишкек: Илим, 1998. — С. 15.
- 5 Конституция Российской Федерации: Энциклопедический словарь. — М.: Юристъ, 1997. — С. 218.
- 6 Венгеров А.Б. Теория государства и права. Ч. 1. Теория государства. — М., 1996.
- 7 Михалева Н.А. Конституционное право зарубежных стран СНГ: Учеб. пособие. — М.: Юристъ, 1998. — 352 с.
- 8 Ковешников Е.М., Марченко М.Н., Стешенко Л.А. Конституционное право стран Содружества Независимых Государств: Учебник для вузов. — М.: Издат. группа НОРМА-ИНФРА. — М., 1999. — 464 с.
- 9 Кудряченко А.И. Институт президентства на Украине: реалии конституционно-правового статуса // Государство и право. — 1998. — № 3. — С. 102–106.
- 10 Постановление Законодательного собрания Жогорку Кенеша Кыргызской Республики «Об обращениях инициативных групп по проведению референдума о продлении полномочий Президента Кыргызской Республики до октября 2001 года» от 20 сентября 1995 г., 3 № 198-1.
- 11 Постановление Собрания народных представителей Жогорку Кенеша Кыргызской Республики от 26 сентября 1995 г., П № 155-1.
- 12 Постановление Законодательного Собрания Жогорку Кенеша Кыргызской Республики «О назначении выборов Президента Кыргызской Республики» от 22 сентября 1995 г., 3 № 200-1.
- 13 Решение Конституционного суда Кыргызской Республики «О результатах выборов Президента Кыргызской Республики 24 декабря 1995 года» от 28 декабря 1995 г.
- 14 Оторбаева А. Вопрос на засыпку // Вечерний Бишкек. — 1998. — 11 мая. — С. 4.
- 15 Абдыбен К. Право выбора: куда и с кем // Слово Кыргызстана. — 1998. — 7 авг. — С. 4.
- 16 Чудаков М.Ф. Конституционное государственное право зарубежных стран. — Минск: Харвест, 1998. — С. 555.
- 17 Писаренко Д. Президент Илюмжинов отрекся от власти. На 4 дня // Аргументы и факты. — 1997. — № 39. — С. 2.

Э.Н.Рахимбаев, Г.У.Балгимбекова

Кыргыз Республикасында президентураның конституциялық-құқықтық негіздері

Мақалада президенттің конституциялық-құқықтық жауапкершілігі, қызметі мен құзыреттілігі, дамуы мен қалыптасуының конституциялық-құқықтық негіздері, президент институтының дамуының құқықтық тенденцияларының кейбір мәселелері қарастырылды. Құқықтың даму деңгейі президент институтына қатысты дамуының шегі болып табылмайды. Президент институтының қалыптасуы және сайлау элементтері қарастырылып, президент билігінің даму ерекшелігі және қызмет ету мәселесі қозғалды.

E.N.Rakimbaev, G.U.Balgimbekova

Constitutional and legal basis presidency in the Kyrgyz Republic

The article discusses some of the trends of the legal development of the institution the President tours, constitutional and legal bases of formation and development, functions and powers of the constitutional and legal responsibility of the President. It is noted that the level of development of the law regarding the institution of the Presidency is not limiting its evolution abroad. Was isolated elements of the election and the formation of the institute president, addresses the issues of the functioning and development of the phenomenon of presidential power.

References

- 1 Stalin I.V. *Problems of Leninism*, Moscow, 1952, p. 569.
- 2 *Constitution of the Kyrgyz Republic*, Bishkek, 1998, p. 65.
- 3 *Constitutions of the countries — members of CIS*, vol. 1 collection of documents (in 2m.), Ep.: Univ. «Gosh», 1997, p 328.
- 4 Zhumaliev K.M., Ozhukeeva T.S. *Institute of Presidency in the Kyrgyz Republic UNDP Project «Development management in Kyrgyzstan»*, Bishkek: Ilim, 1998, p. 15.
- 5 *Constitution of the Russian Federation: the Collegiate Dictionary*, Moscow: Yurist, 1997, p. 218.
- 6 Vengerov A.B. *Theory of State and Law*, p. 1, Theory of the state, Moscow, 1996.
- 7 Mikhaleva N.A. *Constitutional law of foreign countries of the CIS: Textbook*, Moscow: Yurist, 1998, 352 p.
- 8 Kovesnikov E.M., Marchenko M.N., Steshenko L.A. *Constitutional law of the Commonwealth of Independent States. Textbook for high schools*, Moscow: Izd. gruppa NORMA-INFRA, M, 1999, 464 p.
- 9 Kudryachenko A.I. *State and Law*, 1998, 3, p. 102–106.
- 10 *Resolution of the Legislative Assembly of the Kyrgyz Parliament «On the Revolutions of the action teams for the referendum to extend the powers of the President of the Kyrgyz Republic until October 2001» on September 20, 1995*, 198–1.
- 11 *Resolution of the Assembly of People's Representatives of the Kyrgyz Parliament on 26 September*, General in 1995, p. 155–1.
- 12 *Resolution of the Legislative Assembly of the Kyrgyz Parliament «On the appointment of elections of the President of the Kyrgyz Republic ditch on September 22, 1995*, 200–1.
- 13 *Decision of the Constitutional Court of the Kyrgyz Republic «On the results of the election of the President of the Kyrgyz Republic of December 24, 1995» dated 28 December 1995*.
- 14 Otorbaeva A. *Evening Bishkek*, May 11, 1998, p. 4.
- 15 Abdyben K. *Word of Kyrgyzstan*, August 7, 1998, p. 4.
- 16 Chudakov M.F. *Constitutional state law of foreign countries*, Mn. «Harvest», 1998, p. 555.
- 17 Pisarenko D. *For 4 days*. Arguments and Facts, 39, 1997, p. 2.

A.Bozhkaruly

E.A.Buketov Karaganda State University (E-mail: altai6969@mail.ru)

To the problem of the normative basis of migration in the Republic of Kazakhstan

The problem of migration is characterizing with special complexity, as it covers not only legal aspects, but also the problems of sociology, demography, political economy, ethnogeography, the problems of labor resources in the economics. The legal aspect have the special important place, because the migration is closely connected with the legal security, regulation and organization of migration processes, from which depends other problems of essential value for living conditions of the society.

Key words: Migration, types of migration, commuting, migration, labor migration, migration factors, ethnic migration, migration policy concept of migration.

The Declaration of the State Independence brought many changes and challenges to the development of the country. As many other countries of the former Soviet Union, Kazakhstan also began to construct a new political, economical, legal country and an open democratic society with the market economy.

The entry into the world community and an active participation in the market economic system of the Republic of Kazakhstan has influenced development itself. Today Kazakhstan is considered as one of the most reached countries in the globalization and secure of world relations with its high potential to create a peaceful community. It proves firstly human dimension that is considered to be the highest value in the country according to the first article of the Republic of Kazakhstan's Constitution [1].

However, there are several problems regarding the protection of the rights and fundamental freedoms of people and citizens. One of them is the problem of international migration, or in other words, «irregular migration», «undocumented migration» or «illegal migration», which is mostly illegal inflow of non-citizens to the foreign countries.

Migration is a global problem in the context of globalization nowadays. The main task of almost all states is to regulate legal and illegal migration that is flown on their territories. The problem of illegal migration became one of the vital issues for the economically developed states. In most cases it depends on non-appropriate economically conditions of home countries where people have to enter the foreign higher-income country in violation of country's laws. The issue of migration is also relevant for Kazakhstan, because Kazakhstan has become a major country of destination for foreign workers through its high level of economic growth.

In the global scale of migration process the countries of Central Asia and CIS states are emerging as transit regions themselves. Kazakhstan is also a state of transit and origin in Central Asia on a sub-regional scale. The citizens from neighbouring states as Tajikistan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Turkmenistan, China and Mongolia use the territory of Kazakhstan as a transit way to Russia and Europe. From ancient years the territory of Kazakh land was a transit for the caravans of goods and it remains the same nowadays.

The characteristic feature of migration refers to a mass character. Migration appears as a movement of people in large numbers then. In this regard, we note that migration has a great impact on functioning on any sphere of society. Kazakhstan, for sure, refers to the economic investment. Being the country with an expanded employment opportunities Kazakhstan attracts attention of citizens from less developed countries. All varieties and forms of labour migration are actively present in Kazakhstan where local residents refuse to work due to the low wages. Agriculture, construction and the services sector are considered to be low skilled jobs. Moreover, there is an advantage of labour migration where employer hire good-trained and narrow-skilled professionals from the developed countries. In such a way Kazakhstan tries to attract foreign investors to the development and improvement of state economy.

As an origin, transit and destination country of labour migration, Kazakhstan gives such a good opportunity as to send its citizens to the developed countries with the purpose of upgrading their qualifications, learning new specialties and obtaining new work skills in the sphere of advanced technologies and organizing the labour process, which leads to an increase in the competitiveness of the national labour market. This is an advantage in the sphere of supporting temporary state labour migration.

According to the Conception of the migration policy of the Republic of Kazakhstan in 2007–2015, several phenomena characterize current process of the migration within the country:

1. Growth of labour migration. In 2006 it brought about 40.9 thousand people or 0,51 % of the economically active population within the quota of foreign labour for employment on the territory of the Republic of Kazakhstan. The Government of the Republic of Kazakhstan establishes it annually. Due to the increasing economic attractiveness of Kazakhstan, a great number of migrant workers wish to work in Kazakhstan as well;

2. Increasing of illegal migration. The geopolitical position of Kazakhstan, the transparency of the borders with the CIS countries, the lack of a single coherent policy and the imperfection of legislative base, a favourable economic climate, socio-political stability, a liberal international migration policies are key factors that contribute to illegal migration. During the legalization in 2006, there were revealed 164,5 thousand foreigners who work illegally on the territory of the Republic;

3. Presence of refugees. Accession to the UN Convention on the Status of Refugees in 1951 and Protocol of 1967, an unstable socio-economic and socio-political situation in some neighbouring states have led to the presence of refugees in the Republic of Kazakhstan. The number of refugees in the country reached at 582 in 2006;

4. Intense of internal migration. It was created by the migration from rural areas to regions with higher levels of life and infrastructure, and from ecologically disadvantaged regions to regions with better environmental management [2].

Labour migration is the movement of people across national borders for seeking good salary and conditions in employment. Law on Legal Status of Foreigners in the Republic of Kazakhstan from June 19, 1995 sets the basic rights and duties for the foreigners in the Republic. In accordance with it, the foreigners can carry labour activity on the basis and in the order established by the legislation and international contracts of the Republic of Kazakhstan just like the fellow citizens with certain limitations on the labour activity of the foreigners (Article 6) [3]. Thus, paragraph 4, Article 12 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan states the same that the foreigners and people without citizenship in the Republic of Kazakhstan have rights and freedoms, as well as bear responsibilities established for the citizens unless otherwise stipulated by the Constitution, laws and international treaties [1]. The concept of «labour migration» includes not only the employment of foreigners and people who do not have citizenship of certain country in the Republic of Kazakhstan, but also export our citizens for work. There were created governmental bodies and arranged intergovernmental agreements for the protection of the rights and fundamental freedoms of own citizens abroad. All this suggests that labour migration is a complex, nation-wide problem where migrant workers, on the one hand, should have the right to equality of opportunity in employment, on the other hand — a priority must be attributed to the protection of internal labour markets in regulation of labour migration, which is declared by the Law of Republic of Kazakhstan «On Population Migration» (Article 5) [4].

As it is already known, many factors influence on the level of labour migration. They primarily include the constitutional construction, political system, economic development of state and an adequate legislative support. The Republic of Kazakhstan in the last two decades attracts foreign workers and it should be emphasized that the state is making efforts to control labour migration. However, there are a number of other problems that are well known for the experts, but, nevertheless, cannot be solved over the years. First of them is the violation of conditions of entry of foreign labour. In this regard, the Head of State, speaking at the Foreign Investors Council, said, «from year to year the number of attracting foreign workers is increasing. This is justified if high-quality narrow specialists as engineers and technologists are invited to the country. But in reality, within the quota allocated to Kazakhstan such labour workers come to work where there is no shortage in our country. They are cooks, workers of different building trades. There also exists quite widespread unjustified differentiation of wages and differences in social allowances of foreign and local workers. In turn, foreign employers often do not meet the conditions for vocational training of local personnel, having to produce excessive demands on our fellow citizens in the selection of the work on a competitive basis».

Another set of problems is related to the labour migration within the CIS. Kazakhstan, as a dynamically developing country, is attractive to the citizens of neighbouring states seeking work outside their nationality. Thus, they are labour migrants from Kyrgyzstan, Uzbekistan and Tajikistan, as it was mentioned above. Of course, the world financial crisis reduced inflow of labour migrants, but their total number remains considerably higher, especially its latent part. The most common violations of employers in Kazakhstan to the migrant workers are to bring to work without entering into an employment contract, without providing

the appropriate conditions and safety, as well as partial payment or even non-payment of labour. There is sometimes a separate application form forced labour, etc. In the meantime, all states — members of the ILO, including Kazakhstan, have an obligation arising from the very membership in the Organization, even if they have not ratified a convention, including respect of migrant workers. It comprises following fundamental principles such as freedom of association and effective recognition of the right to collective bargaining agreements; the elimination of all forms of forced labour or compulsory labour, effective abolition of child labour, elimination of discrimination in employment and occupation. All these rules are universal, and they should be applied by all Member States of the ILO, regardless of the level of economic development [5]. These problems, which were mentioned by the member of Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan A.M.Nurmagambetov, are the main ones in labour market migration. It is clear that such a situation can occur easily in the Republic. Today Kazakhstan has been seen as a major growth of irregular and unauthorized labour migration. However, any evaluation of its scope is obstructed by a number of factors, such as the absence of a visa regime with most of the former Soviet Union Republics, a high level of informal employment in some sectors of the economy, such as, trade, construction, transport, and etc. Of course, these spheres of illegal labour migration can lead to the violation of the rights of working people that was announced earlier by the President of Kazakhstan.

Through the establishing democratic legal state Kazakhstan made the formation of the legislative framework for the legal regulation of labour and the status of migrant workers.

Kazakhstan has been an ILO member since 1993 and ratified 16 conventions of the International Labour Organization, including 8 fundamental conventions. Along with the above ILO conventions, Kazakhstan has ratified a number of international human rights conventions that are important for the protection of migrant workers' rights. In particular, these include the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, the International Covenant on Civil and Political Rights, the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women and its Optional Protocol, the Convention on the Rights of the Child and two Optional Protocols to it.

At the regional level, the Republic of Kazakhstan is a party to a number of multilateral labour migration agreements concluded by members of the Commonwealth of Independent States (CIS). Amongst them, it is worth mentioning the 1994 Agreement on Cooperation in the Sphere of Labour Migration and Social Protection of Migrant Workers, the 2004 Agreement on the Mutual Nostrification of Secondary (General), Primary Professional and Secondary Professional (Specialized) Education Certificates. Kazakhstan has also signed bilateral and trilateral agreements on labour migration with Azerbaijan, Belarus, Kyrgyzstan, Mongolia, Tajikistan, and Uzbekistan. It should be noted that many similar agreements have been signed with the neighbouring Kyrgyz Republic too [6].

The legal regulation of labour migration is based on several sources. They primarily include Labour Code of the Republic of Kazakhstan, Laws of the Republic of Kazakhstan «On employment», «On Legal Status of Foreigners in the Republic of Kazakhstan», «On Population Migration», as well as Rules for establishing the Quota, the Procedures and Conditions for Issuance of Permits to Employers for Engaging Foreign Labour in the Republic of Kazakhstan and other legal acts.

According to the Labour Code of 15 May 2007, labour legislation of Kazakhstan was directed to appointing the principles and the rules of labour relations, which identify the equality of rights and opportunities of working people. It concludes following principles like freedom of labour, inadmissibility of restrictions on human and civil rights in the sphere of labour, guaranteed right to working conditions meeting the safety and hygiene requirements, priority of the life and health of the employee over the results of production activities, guaranteed right to rest, equality of the rights and opportunities of employees, state regulation of labour protection and labour safety, guaranteed right to a fair remuneration for labour not lower than the minimum wage [7]. There are separate articles that contain the rules of prohibition of forced labour and discrimination in the sphere of labour. These labour conditions and rights are relevant for all workers; there is no difference between local workers and migrant workers. Therefore, foreign workers have the same opportunities and rights on working conditions of working places.

The Law of the Republic of Kazakhstan «On Population Migration» directly defines legal, economic and social principles of the migration processes and regulate social relations in the field of population migration. It describes such definitions as «migrants», «illegal migrants», «oralmans», «family immigration», «labour migration», «internal migration», «refugees» and etc. All terms are universal except «oralmans». According to the Law «On Population Migration» of the Republic of Kazakhstan the term 'oralmans' means foreign citizens or stateless people of the Kazakh ethnicity, who permanently resided outside Kazakhstan on

the date of gaining sovereignty by the Republic of Kazakhstan and arrived to Kazakhstan for the purpose of permanent residence [4]. In other words, oralmans are Kazakh by nationality, who come back to their Motherland for permanent life. They enter the country within the immigration quota rendered oralmans. People who received the oralman status are given the following privileges in the Republic of Kazakhstan:

1. Rendering assistance in employment, improvement of professional skills and development of new professions;
2. Arrangement of conditions for studying the official language and Russian if necessary;
3. Selection of quota for entering in organization of average vocational professional and higher vocational education in quantity, defined by Government RK;
4. Granting requiring places at schools, in preschool organizations, and also in establishments of social protection;
5. Payment of pensions according to the legislation RK or the international contracts ratified RK;
6. Payment of disability pensions, on occasion of loss of a supporter and on age in RK;
7. Exemption of consular gathering for issue of visa on entrance in RK;
8. Reception of guaranteed volume of free medical care according to the legislation of RK, and others.

Thus, the aim of these documents is to regulate migration processes in the frame of increasing the number of people, in particular, in facilitating the return of former compatriots at home country — Kazakhstan; attracting foreign manpower and regulating labour migration with the purpose of provision of the economic growth in the Republic of Kazakhstan. They are considered to be as the main sources of the migration of the Republic of Kazakhstan.

References

- 1 The Constitution of the Republic of Kazakhstan adopted in August 30. — 1995.
- 2 Указ Президента Республики Казахстан о Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2007–2015 годы от 28 августа 2007 года // Казахстанская правда. — 2007. — 3 сент.
- 3 Law on Legal Status of Foreigners in the Republic of Kazakhstan as of June 19, 1995 // www.rfca.gov.kz
- 4 Закон Республики Казахстан «О миграции населения» от 22 июня 2011 года // www.zakon.kz
- 5 Выступление члена Конституционного Совета РК А.М.Нурмагамбетова на научно-практической конференции на тему «Актуальные вопросы международной трудовой миграции в РК и пути их законодательного регулирования», Сенат Парламента РК, г.Астана 23 декабря 2008 г // www.constcouncil.kz
- 6 Rights of Migrant Workers in Kazakhstan: National Legislation, International Standards and Practices. — [ER]. Access mode: www.ilo.org
- 7 Labour Code of the Republic of Kazakhstan of 15 May 2007 // www.ilo.org

А.Божқараұлы

Қазақстан Республикасындағы көші-қон нормативтік базасы туралы сұрақтар

Мақалада Қазақстандағы көші-қон мәселесі өзінің күрделілігімен ерекшеленеді. Себебі онда тек қана құқықтық сұрақтардан басқа, саяси, экономикалық, демографиялық, әлеуметтік сұрақтармен қатар, этногеографиялық және экономикадағы еңбек ресурстары мәселелері де өзектілігімен көрінуде. Солардың ішінде заңдық аспектісі ерекше орынды иеленеді. Заң саласы көші-қон үрдісін ұйымдастыру мен оны реттеуде, құқықтық қамтамасыз етуде маңызды роль атқарады.

А.Божқараұлы

К вопросу о нормативной базе миграции в Республике Казахстан

В статье отмечено, что проблема миграции в Казахстане характеризуется особой сложностью, так как в ней переплетены не только правовые вопросы, но и вопросы социологии, демографии, политической экономики, этногеографии, проблемы трудовых ресурсов в экономике. Определено, что юридический аспект среди них занимает особое место, поскольку от надлежащего правового обеспечения, регулирования и организации процессов миграции зависит решение других вопросов, имеющих существенное значение для жизнедеятельности общества.

References

- 1 *The Constitution of the Republic of Kazakhstan adopted in August 30, 1995.*
- 2 «Kazakhstan Today» on September 3, 2007.
- 3 *Law on Legal Status of Foreigners in the Republic of Kazakhstan as of June 19, 1995* // www.rfca.gov.kz
- 4 *Law of the Republic of Kazakhstan «On Migration» on June 22, 2011* // www.zakon.kz
- 5 *Statement by member of the Constitutional Council of Kazakhstan Nurmagambetov A.M. on the scientific and practical conference «Topical issues of international labor migration in the Republic of Kazakhstan and the ways of their legislative regulation», the Senate of the Parliament of Kazakhstan, Astana, 23 December 2008* // www.constcouncil.kz
- 6 *Rights of Migrant Workers in Kazakhstan: National Legislation, International Standards and Practices*, [ER]. Access mode: www.ilo.org
- 7 *Labour Code of the Republic of Kazakhstan of 15 May 2007* // www.ilo.org

УДК 323.000.32: 35.08

К.С.Муслимова

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букедова
(E-mail: karlygash1959@mail.ru)

Служба в специальных государственных органах Республики Казахстан

В статье на основе анализа Закона Республики Казахстан «О специальных государственных органах Республики Казахстан», иных нормативных правовых актов рассмотрены организационно-правовые основы специальной государственной службы. Автором исследованы понятие, принципы, права, обязанности, правоограничения служащих специальных государственных органов, отличительные признаки службы в них.

Ключевые слова: национальная безопасность, принципы, служба в специальных государственных органах, права, обязанности, правоограничения.

Принятие 13 февраля 2012 г. Закона РК «О специальных государственных органах РК» знаменовало собой новый этап в правовом регулировании института государственной службы в специальных государственных органах [1]. До принятия данного Закона государственно-служебные отношения в системе специальных государственных органов регулировались различными правовыми актами. Отсутствовали единство и системность в регулировании института государственной службы, имелись противоречия и коллизии при регулировании отдельных аспектов. Служба в специальных государственных органах — особый вид государственной службы на должностях в органах национальной безопасности, уполномоченном органе в сфере внешней разведки, в Службе охраны Президента РК.

К особенностям специальной государственной службы относятся следующие признаки:

- специальная государственная служба представляет собой службу в органах национальной безопасности, Службе внешней разведки «Сырбар», в Службе охраны Президента РК;
- целевым предназначением службы в специальных государственных органах является реализация задач и функций государства по обеспечению национальной безопасности;
- специальная государственная служба основывается как на общих принципах государственной службы, так и на отраслевых принципах, установленных законами РК в сфере обеспечения национальной безопасности;
- государственные служащие системы специальных государственных органов наряду с присущими всем государственным служащим правами и обязанностями обладают специфическими полномочиями и дополнительными правоограничениями, обусловленными характером компетенции специальных государственных органов;
- принимая во внимание функциональную направленность специальных государственных органов, к государственным служащим предъявляются повышенные требования к соблюдению государственной и служебной дисциплины;

– для специальной государственной службы установлен особый порядок поступления, прохождения и прекращения.

Своим действием Закон РК «О специальных государственных органах РК» охватывает всех сотрудников специальных государственных органов. Определенные особенности установлены для военнослужащих специальных государственных органов, которые проходят службу в соответствии с законодательством РК о воинской службе с учетом особенностей, предусмотренных ст.ст. 7, 15–19, 22, 24, 29–37, главами 5, 6, 7 и 9 Закона РК «О специальных государственных органах РК». Статус политических государственных служащих регулируется данным Законом в части, не противоречащей законодательству РК о государственной службе.

Обращает на себя внимание тот факт, что название закона не вполне соответствует его содержанию. Статус специальных государственных органов урегулирован Законами РК «О национальной безопасности РК», «Об органах национальной безопасности РК», «О внешней разведке РК», «О Службе охраны Президента РК». Правильнее все же было бы назвать его Законом «О специальной государственной службе РК», поскольку речь в нем идет о регулировании отношений, связанных с организацией и функционированием службы в специальных государственных органах.

Специальная государственная служба базируется на ряде основополагающих принципов, многие из которых являются общими для всех государственных служащих, а часть из них присуща только специальной государственной службе и носит, таким образом, отраслевой характер.

Отраслевые принципы специальной государственной службы предопределяются характером и спецификой деятельности специальных государственных органов.

Принцип обязательности защиты прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства от противоправных посягательств обусловлен тем, что обеспечение национальной безопасности является целевым предназначением органов национальной безопасности, внешней разведки и Службы охраны Президента РК.

Принцип единства подходов к организации службы в специальных государственных органах, впервые закрепленный в Законе РК «О специальной государственной службе РК», унифицировал правовое положение сотрудников специальных государственных органов, порядок поступления, прохождения, прекращения специальной государственной службы.

Единоначалие и субординация (подчиненность), как принцип, весьма характерны в системе специальной государственной службы, так как содержание деятельности специальных государственных органов предъявляет повышенные требования к исполнительской дисциплине, оперативности и мобильности.

Принцип сочетания гласных и негласных методов и средств деятельности пронизывает разведывательную, контрразведывательную, оперативно-розыскную деятельность, полномочия по защите государственных секретов, обеспечению безопасности охраняемых лиц и другие направления специальных государственных органов.

Политическая нейтральность специальных государственных органов от деятельности политических партий и иных общественных объединений означает, что они стоят на службе по защите интересов граждан, общества и государства и при осуществлении своих полномочий руководствуются не политическими интересами тех или иных партий или социальных групп, а законом. Сотрудники специальных государственных органов не могут состоять в политических партиях или выступать в их поддержку.

Принцип секретности и конспирации обусловлен необходимостью проведения специфических полномочий специальных государственных органов. При этом важно подчеркнуть, что реализация этих полномочий осуществляется строго на основании закона.

Кадровый состав специальных государственных органов, согласно ст. 24 Закона РК «О специальных государственных органах РК», — это сотрудники, военнослужащие и работники.

Возникает вопрос, какие из перечисленных категорий граждан являются государственными служащими?

Статья 1 Закона РК «О специальных государственных органах РК» устанавливает, что сотрудники специального государственного органа — граждане РК, состоящие на службе в органах национальной безопасности, уполномоченном органе в сфере внешней разведки, в Службе охраны Президента РК, которым присвоено специальное звание [1]. При этом сотрудники являются представителями государственной власти и находятся под защитой государства. Таким образом, сотрудники специальных государственных органов являются государственными служащими.

Военнослужащие в соответствии с Законом РК «О воинской службе и статусе военнослужащих» от 16 февраля 2012 г. № 561-І — это граждане РК, состоящие на воинской службе в Вооруженных силах [2]. Качественный состав категории «военнослужащие» неоднороден. Так, можно выделить военнослужащих, проходящих воинскую службу по призыву, военнослужащих, проходящих службу по контракту, курсантов, военнослужащих, занимающих должности в органах военного управления и осуществляющих в своей деятельности задачи и функции государства. Руководствуясь определением государственного служащего, данного в Законе РК «О государственной службе», к числу государственных служащих из числа военнослужащих можно отнести лишь тех из них, чьи должностные полномочия связаны с реализацией задач и функций государства в военной сфере.

Военнослужащими в системе специальных государственных органов являются лица, проходящие военную службу в военной контрразведке, военной полиции КНБ РК, во внешней разведке, в Пограничной службе КНБ РК. При этом государственными служащими являются те из них, чьи должностные полномочия направлены на реализацию задач и функций государства.

Сотрудники и военнослужащие проходят службу в специальных государственных органах на штатных должностях, в действующем резерве, а также пребывают в запасе.

Порядок зачисления сотрудников и военнослужащих в действующий резерв и прохождения ими службы определяется первыми руководителями специальных государственных органов.

Работники специальных государственных органов не являются государственными служащими, а относятся к числу гражданских служащих, условия труда которых регулируются трудовым законодательством РК.

Среди государственных служащих специальных государственных органов особым статусом обладают политические государственные служащие. В соответствии с Реестром должностей государственных служащих, утвержденных Указом Президента РК от 7 марта 2013 г. № 523, к политическим государственным служащим относятся руководители государственных органов, непосредственно подчиненных и подотчетных Президенту РК, их первые заместители и заместители [3]. Среди государственных служащих специальных государственных органов таким статусом обладают Председатель КНБ РК, его первый заместитель и заместители, Директор Службы внешней разведки «Сырбар», его первый заместитель и заместители, Начальник Службы охраны Президента РК, его первый заместитель и заместители.

Правовой статус сотрудников специальных государственных органов представляет собой совокупность прав, обязанностей, гарантий их осуществления и защиты, а также правоограничений. С учетом видовой принадлежности к конкретному виду специальных государственных органов можно выделить общий и специальный правовой статус сотрудников специальных государственных органов.

В статье 15 Закона РК «О специальных государственных органах РК» четко определен статус сотрудников специальных государственных органов как представителей государственной власти, которые находятся под защитой государства. В отношении актов и указаний, исходящих от сотрудников специальных государственных органов РК, действует презумпция их правильности. Это означает, что требования сотрудников, предусмотренные законодательными актами РК, носят юридически властный характер и обязательны для исполнения всеми гражданами и должностными лицами. Неисполнение их влечет установленную законом ответственность.

В соответствии со ст. 529 КоАП РК оскорбление должностного лица государственных органов при исполнении им служебных обязанностей влечет административную ответственность; угроза совершения насильственных действий [4], оскорбление представителя власти, а также применение насилия в отношении представителя власти влекут уголовную ответственность согласно ст.ст. 320 и 321 УК РК [5].

Как уже отмечалось выше, один из важнейших принципов деятельности специальных государственных органов — принцип единоначалия и субординации. Проявлением этого принципа является то, что сотрудники при выполнении возложенных на них обязанностей подчиняются только руководителю специального государственного органа, непосредственным и уполномоченным руководителям, за исключением случаев, предусмотренных законами РК. При этом вмешательство в деятельность сотрудников, кроме лиц, прямо уполномоченных на то законами Республики Казахстан, недопустимо и карается законом.

Обширный объем властных полномочий сотрудников специальных государственных органов, возможность применения мер государственного принуждения объективно обуславливают необходи-

мость использования их в точном соответствии с законом. Трагическая история СССР является наглядной иллюстрацией того, когда потенциал специальных служб государства использовался вне правовых рамок и изобиловал массовыми нарушениями прав и свобод граждан. С обретением независимости Республика Казахстан прочно встала на путь построения правового государства, что прямо закреплено в Основном Законе нашего государства. Исходя из этого в деятельности специальных государственных органов непреложным принципом является реализация их полномочий в строгом соответствии с целевым предназначением, на основании закона. Руководителям специальных государственных органов запрещается отдавать приказы и распоряжения, не имеющие отношения к исполнению обязанностей службы или направленные на нарушение законодательства РК.

Приказы отдаются исключительно в письменной форме, кроме случаев боевых действий, выполнения задач в условиях чрезвычайного положения, а также проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Достоинством нового Закона РК «О специальных государственных органах РК» является то, что в нем урегулированы ситуации, когда подчиненные сталкиваются с фактами дачи руководителями незаконных приказов или указаний. Пункт 5 ст.15 Закона устанавливает, что при получении приказа или указания, противоречащих законам РК, сотрудник обязан руководствоваться только законами РК. При этом в Законе детализируется и процедура реализации подобного рода ситуации.

Так, статья 21 Закона предусматривает, что выполнение заведомо противоправного приказа или указания не освобождает сотрудника от ответственности, но при сомнениях в правомерности полученного для исполнения распоряжения он должен незамедлительно сообщить об этом в письменной форме своему непосредственному руководителю и руководителю, давшему распоряжение. В случае, если стоящий выше по должности руководитель письменно подтверждает данное распоряжение, сотрудник обязан его исполнить, если только его выполнение не влечет действий, которые относятся к уголовно наказуемым деяниям. Ответственность за последствия исполнения сотрудником неправомерного распоряжения несет подтвердивший это распоряжение руководитель [1].

За невыполнение или ненадлежащее выполнение своих служебных обязанностей сотрудники несут уголовную, административную, гражданско-правовую, дисциплинарную, материальную ответственность в соответствии с действующим законодательством РК.

Важной гарантией законности в сфере государственно-служебных отношений является право сотрудников на обжалование принимаемых в отношении их решений и действий вышестоящим должностным лицам и (или) в суде.

Особенностью профессиональной деятельности сотрудников специальных государственных органов является то, что они реализуют свои полномочия, не только пребывая в соответствующих учреждениях специальных государственных органов, но, зачастую, и вне их, например, участвуя в боевых действиях, выполняя задачи в условиях чрезвычайного или военного положения, а также в условиях вооруженных конфликтов, прохождения специальных сборов, находясь в плену, в положении заложника или интернированного и т.д.

Права сотрудников, связанные с прохождением службы, подразделяются на:

- информационно-ознакомительные (получение в установленном порядке информации и материалов, необходимых для исполнения должностных обязанностей; ознакомление с документами, определяющими их права и должностные обязанности; доступ в установленном порядке в связи с исполнением должностных обязанностей в государственные органы, организации независимо от их организационно-правовой формы; ознакомление с отзывами об их служебной деятельности и другими документами до внесения их в личное дело, материалами личного дела, а также приобщение к личному делу их письменных объяснений и других документов и материалов);
- связанные с доступом к государственным секретам (доступ в установленном порядке к сведениям, составляющим государственные секреты и иную охраняемую законом тайну, если исполнение должностных обязанностей связано с использованием таких сведений);
- связанные с профессиональным ростом (продвижение по службе с учетом результатов служебной деятельности, стажа службы и уровня квалификации; профессиональная переподготовка, повышение квалификации и стажировка);
- социальные (медицинское обеспечение и санаторно-курортное лечение; пенсионное обеспечение и социальная защита; жилищное обеспечение; надлежащие организационно-технические и санитарные условия службы с учетом особенностей службы; отдых);

- связанные с мерами правовой защиты (государственная защита своей жизни, здоровья и имущества, жизни, здоровья и имущества членов своей семьи в соответствии с законодательством РК; защита персональных данных сотрудника и членов его семьи; обращение к вышестоящим, в порядке подчиненности, должностным лицам, в вышестоящие органы или в суд для защиты своих прав и законных интересов, а также для разрешения индивидуальных споров, связанных с прохождением службы);
- право на совместительство (осуществление преподавательской, научной или иной творческой деятельности) [1].

В процессе обсуждения и принятия Закона РК «О специальных государственных органах РК» представители Комитета национальной безопасности РК выступали за наделение сотрудников специальных государственных органов, находящихся при исполнении служебных обязанностей, неприкосновенностью. В частности, предлагалось закрепить норму о том, что при исполнении служебных обязанностей не допускаются административное задержание, личный досмотр, досмотр находящихся при сотруднике вещей и используемых им служебных транспортных средств, однако депутаты комитета по международным отношениям, обороне и безопасности Сената Парламента РК отклонили это предложение.

Основополагающими в системе обязанностей сотрудников специальных государственных органов являются обязанности соблюдать Конституцию и законодательство РК, обеспечивать соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина, законных интересов физических и юридических лиц, государства. Эти две обязанности пронизывают всю деятельность сотрудников специальных государственных органов. Другие обязанности, в принципе, идут в русле общепринятых требований к деятельности любого государственного служащего.

Так, в соответствии со ст. 18 Закона РК «О специальных государственных органах РК» сотрудники обязаны: осуществлять полномочия в пределах предоставленных им прав и в соответствии с должностными обязанностями; соблюдать служебную и трудовую дисциплину; принимать на себя ограничения, установленные законами РК; соблюдать нормы служебной этики; выполнять законные приказы и распоряжения руководителей, решения и указания вышестоящих органов и должностных лиц, изданные в пределах их полномочий; хранить государственные секреты и иную охраняемую законом тайну, в том числе и после прекращения службы в течение времени, установленного законом, о чем дается подписка; сохранять в тайне получаемые при исполнении служебных обязанностей сведения, затрагивающие частную жизнь, честь и достоинство граждан, и не требовать от них предоставления такой информации, за исключением случаев, предусмотренных законами; обеспечивать сохранность государственного имущества; подать рапорт в письменной форме и незамедлительно информировать непосредственного и уполномоченного руководителя в случаях, когда частные интересы сотрудника пересекаются или входят в противоречие с их полномочиями; повышать свой профессиональный уровень и квалификацию; не допускать публичных выступлений, причиняющих вред интересам службы; сообщить непосредственному руководителю о подаче заявления о выходе из гражданства РК в день его подачи; поддерживать необходимый уровень профессиональных и правовых знаний, физической, специальной и боевой подготовки [1].

Принадлежность к государственной службе обуславливает наличие в структуре их правового статуса правоограничения.

Согласно ст. 19 Закона РК «О специальных государственных органах РК» сотрудник специальных государственных органов не вправе:

- 1) быть депутатом представительных органов и членом органов местного самоуправления, состоять в партиях, профессиональных союзах, выступать в поддержку какой-либо политической партии, создавать в системе специальных государственных органов общественные объединения, преследующие политические цели, основанные на общности их профессиональных интересов для представления и защиты трудовых, а также других социально-экономических прав и интересов своих членов и улучшения условий труда;
- 2) заниматься другой оплачиваемой деятельностью, кроме педагогической, научной и иной творческой деятельности, за исключением случаев, когда это является его должностными обязанностями в соответствии с законодательством РК;
- 3) заниматься предпринимательской деятельностью, входить в состав руководящего органа или наблюдательного совета коммерческой организации, за исключением случаев, когда это является его должностными обязанностями в соответствии с законодательством РК;

- 4) быть представителем по делам третьих лиц, за исключением случаев, предусмотренных законами РК;
- 5) использовать в неслужебных целях средства материально-технического, финансового и информационного обеспечения его служебной деятельности, другое государственное имущество и служебную информацию;
- 6) участвовать в действиях, препятствующих нормальному функционированию государственных органов и выполнению служебных обязанностей, включая забастовки;
- 7) в связи с исполнением должностных полномочий пользоваться в личных целях услугами физических и юридических лиц;
- 8) использовать свое служебное положение в корыстных целях, в том числе путем сговора с должностными и иными лицами;
- 9) занимать должность, находящуюся в непосредственной подчиненности должности, занимаемой его близкими родственниками (родителями, детьми, усыновителями, усыновленными, полнородными и неполнородными братьями и сестрами, дедушками, бабушками, внуками) или супругом (супругой);
- 10) отказываться или уклоняться от прохождения по направлению уполномоченного руководителя медицинского освидетельствования в специализированных медицинских учреждениях (наркологические диспансеры) на предмет употребления, в том числе эпизодического, веществ, вызывающих состояние алкогольного, наркотического, психотропного, токсикоманического опьянения (их аналогов) [1].

Если до поступления на службу в специальные государственные органы сотрудник имел в собственности акции (доли участия в уставном капитале) коммерческих организаций и иное имущество, использование которого влечет получение доходов, за исключением денег, облигаций, паев открытых и интервальных паевых инвестиционных фондов, законно принадлежащих ему, а также иное имущество, переданное в имущественный наем, то в течение месяца после вступления в должность он обязан на время прохождения службы передать их в доверительное управление, сохраняя за собой право на получение доходов от переданного в доверительное управление имущества

Как следует из содержания данной статьи, перечень этих правоограничений, по сравнению с перечнем правоограничений, предусмотренных ст.10 Закона РК «О государственной службе», шире.

Статус сотрудников характеризуется достаточно разнообразными мерами социальной и правовой защиты, которые регламентированы в ст. 73 Закона РК «О специальных государственных органах РК».

Так, одной из основных новелл явилось внедрение новой модели обеспечения сотрудников специальных государственных органов жильем на основе ежемесячных денежных выплат посредством открытия накопительных счетов в банках второго уровня, что позволит арендовать жилье либо приобретать его на ипотечной основе. Сумма ежемесячных выплат будет определяться исходя из стоимости аренды на основе данных Агентства по статистике, согласно установленной законодательством нормы жилой площади на одного человека. При этом расходование данных средств будет разрешено только для аренды, приобретения жилья посредством ипотеки, жилищных сбережений или участия в долевом строительстве [6].

Преимущество данной модели состоит в том, что она, в отличие от прежней системы, дает возможность в течение десяти лет обеспечить жильем всех нуждающихся сотрудников специальных государственных органов.

Наряду с этим предусматривается возможность формирования служебного жилищного фонда, не подлежащего приватизации сотрудниками специальных государственных органов. Он будет формироваться в порядке, устанавливаемом Правительством РК.

В Законе РК «О специальных государственных органах РК» подробно урегулированы процедуры поступления и порядок прохождения службы в специальных государственных органах.

Общими условиями поступления на службу в специальные государственные органы являются:

- гражданство РК;
- возраст. На службу в специальные государственные органы РК принимаются граждане РК, достигшие восемнадцатилетнего возраста, но не старше предельного возраста по званиям, установленным Законом РК «О специальных государственных органах РК». На службу в оперативные и приравненные к ним подразделения зачисляются граждане (кроме курсантов специальных (военных) учебных заведений) не моложе 23 лет. Новшеством закона явилось то,

что возраст для приема на службу в основные подразделения КНБ, Службы охраны Президента, Службы внешней разведки «Сырбар» повышен;

- наличие необходимых личных, моральных и профессиональных качеств;
- уровень образования;
- состояние здоровья и физическое развитие;
- обязанность лица и членов его семьи (супруги (супруга), совершеннолетних детей и лиц, находящихся на его иждивении и постоянно проживающих с ним) предоставить сведения о сдаче декларации о доходах и имуществе в соответствии с Законом РК «О борьбе с коррупцией»;
- установление единого перечня оснований отказа гражданину в поступлении на службу в специальные государственные органы.

Основания для отказа гражданину в поступлении на службу в специальные государственные органы, установленные ст.7 Закона «О специальных государственных органах РК», можно подразделить на три вида — общие, специальные и особые.

Общие — это те, которые присущи всем государственным служащим. Так, препятствует поступлению на службу в специальные государственные органы:

- 1) наличие судебного решения о признании гражданина недееспособным или ограниченно дееспособным;
- 2) заключение военно-врачебной комиссии о наличии у гражданина заболевания, препятствующего выполнению должностных полномочий;
- 3) отказ принять на себя правоограничения, установленные законом РК;
- 4) наличие факта привлечения в течение трех лет перед поступлением на службу к дисциплинарной ответственности за совершение коррупционного правонарушения;
- 5) наличие перед поступлением на службу в течение года факта наложения в судебном порядке административного взыскания за умышленное правонарушение;
- 6) наличие факта совершения в течение трех лет перед поступлением на службу коррупционного правонарушения, повлекшего наложение административного взыскания в судебном порядке;
- 7) совершение коррупционного преступления;
- 8) увольнение с работы (службы) за совершение коррупционного правонарушения [1].

Специальные — это те, которые относятся только к сотрудникам специальных и правоохранительных органов. К таковым относится отказ в приеме на службу в специальные государственные органы лица, ранее судимого или освобожденного от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, а также уволенного по отрицательным мотивам с государственной службы, из иных специальных государственных органов, правоохранительных органов, судов и органов юстиции.

Особые основания применяются лишь к претендентам на должности в специальных государственных органах. К ним относится отказ в приеме на службу в специальные государственные органы лиц:

- не прошедших специальную проверку и (или) сообщивших заведомо ложные сведения о себе, супруге и своих близких родственниках (родителях, детях, усыновителях, усыновленных, полнородных и неполнородных братьях и сестрах, дедушках, бабушках, внуках);
- имеющих близких родственников (родителей, детей, усыновителей, усыновленных, полнородных и неполнородных братьев и сестер, дедушек, бабушек, внуков) и супругу (супруга), которые совершили тяжкие и особо тяжкие преступления;
- не прошедших психофизиологическое или медицинское освидетельствование в военно-врачебных комиссиях или полиграфологическое исследование для определения пригодности к службе. Следует отметить, что специальный государственный орган может и не объяснять кандидату установленную причину отказа в приеме на службу.

Необходимо отметить, что положения, касающиеся проведения психофизиологического освидетельствования и полиграфического исследования претендентами на так называемом «детекторе лжи», являются новеллами закона в части обязанностей сотрудников специальных государственных органов.

Как следует из содержания рассматриваемой статьи, ограничения при поступлении на службу в специальные государственные органы гораздо жестче, чем те, которые предусмотрены Законами РК «О государственной службе» и «О правоохранительной службе».

С учетом специфики должностей в Законе установлены четыре организационно-правовых способа поступления на службу в специальные государственные органы:

- конкурс;
- назначение (для неконкурсных должностей);
- прием на учебу в высшие учебные заведения специальных государственных органов;
- назначение или избрание (для политических должностей).

Резюмируя изложенное выше, можно сделать вывод о том, что Закон РК «О специальных государственных органах РК» явился важным этапом в институционализации современной системы органов национальной безопасности независимого Казахстана. Принятие данного закона придало новый импульс для совершенствования службы в специальных государственных органах РК. Об этом свидетельствует Указ Президента РК от 22 марта 2013 г. № 528 «О проведении внеочередной аттестации военнослужащих по контракту Пограничной службы Комитета национальной безопасности Республики Казахстан», согласно которому до 31 декабря 2013 г. была проведена внеочередная аттестация военнослужащих по контракту Пограничной службы КНБ РК [7].

Таким образом, новая модель государственных специальных органов позволила повысить качество кадрового состава и эффективность национальных спецслужб, значительно усовершенствовать организацию и функционирование института специальной государственной службы, что, несомненно, будет способствовать повышению уровня защищенности национальных интересов Республики Казахстан.

Список литературы

- 1 Закон РК от 13 февраля 2012 г. № 552-IV «О специальных государственных органах РК» // adilet.zan.kz/rus
- 2 Закон РК «О воинской службе и статусе военнослужащих» от 16 февраля 2012 года № 561-I // adilet.zan.kz/rus
- 3 Указ Президента РК от 7 марта 2013 г. № 523 «Об утверждении Реестра должностей государственных служащих» // adilet.zan.kz/rus
- 4 Кодекс РК об административных правонарушениях от 30 января 2001 г. № 155 // adilet.zan.kz/rus
- 5 Уголовный кодекс РК от 16 июля 1997 г. № 167 // adilet.zan.kz/rus
- 6 Амрин Г. Разъяснение Законов РК «О специальных государственных органах Республики Казахстан» и «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам специальных государственных органов Республики Казахстан» // <http://www.zonakz.net/articles/45068>
- 7 Указ Президента РК от 22 марта 2013 г. № 528 «О проведении внеочередной аттестации военнослужащих по контракту Пограничной службы Комитета национальной безопасности Республики Казахстан» // adilet.zan.kz/rus

Қ.С.Мүсілімова

Қазақстан Республикасында арнайы мемлекеттік органдарындағы қызмет

Мақалада «Қазақстан Республикасының арнайы мемлекеттік органдары» туралы Қазақстан Республикасының Заңына, сонымен қатар басқа нормативтік-құқықтық актілеріне талдау жүргізу арқылы арнайы мемлекеттік қызметтің ұйымдастырушылық-құқықтық негізіне байланысты сұрақтар қарастырылған. Автормен арнайы мемлекеттік органның түсінігі, қағидалары, арнайы мемлекеттік органдардың қызметкерлерінің құқықтары, міндеттері, оларға қойылатын құқықтық шектеулер жан-жақты зерттелген.

K.S.Musilimova

The service in special state authorities of the Republic of Kazakhstan

In this article, based on an analysis of the Law of the Republic of Kazakhstan «On special state authorities of the Republic of Kazakhstan», other normative legal acts are considered organizational and legal foundations of special public service. The author researches the concept, principles, rights, duties, legal restrictions of employees of special public authorities, special features of service in government authorities.

References

- 1 *The law of the Republic of Kazakhstan dated 13 February, 2012, No. 552-IV «About special state organs of the Republic of Kazakhstan»* // adilet.zan.kz/rus
- 2 *The law of the Republic of Kazakhstan «About military service, and status of military servicemen» dated 16 February, 2012, No. 561-I* // adilet.zan.kz/rus
- 3 *The decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated 7 March, 2013, No. 523 «About approval of the Register of civil servants»* //adilet.zan.kz/rus
- 4 *Administrative offences Code of the Republic of Kazakhstan dated 30 January, 2001, No. 155* // adilet.zan.kz/rus
- 5 *Criminal code of the Republic of Kazakhstan dated July 16, 1997, No. 167* // adilet.zan.kz/rus
- 6 Amrin G. *Explanation of Laws of the Republic of Kazakhstan «About special state organs of the Republic of Kazakhstan» and «On amendments and additions to some legislative acts of the Republic of Kazakhstan on issues of special state organs of the Republic of Kazakhstan»* <http://www.zonakz.net/articles/45068>
- 7 *The decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated 22 March, 2013, No. 17 «About holding the extraordinary attestation of contract servicemen of the Border service of Committee of national security of the Republic of Kazakhstan»* //adilet.zan.kz/rus

МЕМЛЕКЕТ ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚ ТЕОРИЯСЫ МЕН ТАРИХЫ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

UDC 323 (574)

G.Z.Kozhakhmetov, M.M.Badanova

E.A.Buketov Karaganda State University (E-mail:marcho_7@mail.ru)

Multiparty system as a basis for forming of sovereign political system of Kazakhstan

This article discusses the political system of the Republic of Kazakhstan, including the formation of a multiparty system. Position of the parties in the state is determined by several regulations. Scientific study of the legal status of political parties is important for the resolution of practical and legal problems of the development of this phenomenon in our society. Background research is that theoretical and practical problems of legal regulation and development of political parties among the priorities and are traditionally the focus of both foreign and domestic legal and political science.

Key words: Republic of Kazakhstan, Commonwealth of Independent States, pathogenesis, multiparty system, political parties.

In the difficult transition of creating a fundamentally new democratic system in republic is becoming more visible process of mutual influence, interdependence of political pluralism and democratization, activity of political parties and the formation of a sovereign state.

At the first stage of democratization of Soviet society there were serious clash of opinion, a struggle for the abolition of Article 6 of the Soviet Constitution that legislated the leading role of the CPSU in the state.

The multiparty system on the territory of Commonwealth of Independent States (CIS) introduced by the Law of the USSR on March 14, 1990 «On Approval of the post of President of the USSR and the Amendments to the Constitution (Fundamental Law) of the USSR», which was approved by the new article in the Constitution of the USSR that admits the existence of the other political parties along with the Communist Party. In fact, the right to exist alternative political parties received only 1 January 1991, when the USSR's Act «On Public Associations» came into force.

However, the multi-party system was actually abstract because none of the newly created political parties could not create real competition of the CPSU for objective reasons, and, consequently, to actually participate in the political life of the country [1; 50].

As the President of the Republic of Kazakhstan N.A. Nazarbaev noted, «... the fundamental turning point opening the way for the establishment of a multiparty system was the collapse of the USSR and its cementing element represented by the CPSU» [2].

Indeed, the establishment of a multiparty system in Kazakhstan has a general rules with the similar processes in other CIS countries.

Almost everywhere there was not just a transition from one-party system to a multiparty, there was an interrelated process of eliminating state-political monopoly of the CPSU, the creation of the new state and its appropriating party system.

At the same time, it is clear that the development of a multiparty system in Kazakhstan has its own characteristics due to the specific historical, demographic, political, ethnic and cultural identity, predetermining the specifics of pathogenesis and functioning of the party system in the country. Thus, to understand the role of political parties in forming the legal states system and civil society in Kazakhstan should make

a point of internal policies of senior management shows focus on the implementation of the national interests of the country through loyalty to political parties and movements and the cooperation with them [3].

The process of creating a multi-party system is difficult and many-sided.

As the scientist S.A. Dyachenko noted: «A multi-party system is not confined to the presence of several registered political parties».

This is the well-organized, well-functioning system in which political parties are on an equal legal conditions, fair compete for the influence over the major groups and sectors of society, it is the system which is provide the principle of rotation of parties in power depending on the clearly expressed will of voters ", a system in which «multiparty means the presence of number of political associations who express and protect diversity existing (or emerging) social interests on the political level» [1; 52].

A number of researchers believe that, firstly, «the classification of political parties and movements of Kazakhstan is difficult by the fact that in addition to the traditional division into «right», «left» and «center» there are a number of organizations in which the preferred direction is the ethnic issues» [4; 172].

Secondly, «the most important factor underlying features of the development and establishment of a multiparty system in Kazakhstan in recent years was specific citizens' consciousness based on a complex and bizarre intertwining of Soviet statist ideology and Asian paternalism ...» [4; 222].

Third, the mentality of Eastern society, entered into a period of modernization, characterized by «commitment to charismatic leaders, hierarchy, personality orientation, the search for consensus» that affects on the formation of democratic institutions.

It is important to have an understanding of the political changes in the last 20 years to understand the nature, content and features of the process of multiparty system formation in the country, its role in the formation of the Kazakh state system, the specificity of their interaction, identify the levels of their interaction.

According to the well-known periodization process in Kazakhstan the forming of public-political system can be divided into five stages

The end of 1986. — beginning of 1990 (the formation of informal associations);

Initial period: 1990–1991 (creation of parties, movements and organizations);

Average period: the period from the end of 1991–1995 (formation of the independent Republic of Kazakhstan, the political differentiation and registration of parties, public associations);

Late stage: 1995–1999 (the formation time of a number political parties);

The present stage is the period, which begins from the second special presidential elections of Kazakhstan.

The role of political parties in the statehood were both positive and negative the causes of which lie in the fact that level of democracy in today's transformed Kazakhstan is still low, while political socialization includes nonrecurring and parallel learning processes of democratic political culture on the one hand and loosing estimates, judgments, political orientations and values inherent in of totalitarian system on the other hand.

Changing the mechanisms of political socialization in the country was complicated by overlaying not only social class, but also of national conflicts in combination with the transformation of the political system on a background of deep systemic crisis. This unique combination of factors had seriously changed man's relationship with the state and its institutions, and imposed its own character on the promotion of the society towards political pluralism

In the first period of the development of socio-political organizations of Kazakhstan had set the prerequisites for the transformation from the quasi-sovereign states in the real sovereign. Since then, many of the social and socio-political groups came in the movement and their interests had gradually structured. Since the same time began the changing of the nature of political and party system of Kazakh society, which, in turn, affected to the formation of a new government.

The club type associations, formed after the December 1986 events, created the prerequisites for dismantling existing Soviet party-state system, new statehood and suitable political system

There were prerequisites for the formation of political society in which civil and protoparties institutions mediate the relationship between citizens and the state in 1988–1990 years in Kazakhstan.

It's necessary to stress that for most social structures of the first period characterized by a strong leaning orientation of opposition to the current government. Although, along with it, arose the associations of citizens consolidating their efforts to support the transformations in society. However, regardless of the direc-

tion and the nature of its activities the associations operated separately in the various regions of the country at this stage. Many of them had no program of action. The population didn't trust them.

The second stage of the development of multifunctional structures of civil society characterized by the kind of surge public activity, its high dynamics, the emergence of new organizations, decay, splits, all kinds of reorganization in public associations.

This had been facilitated by the abolition of Article 6 USSR Constitution on the II Congress of People's Deputies of the USSR in 1990 that enshrined one-party political system and the dominance of the Communist Party.

This step removed the obstacles to institutionalization of political structures and proclaimed permissive policies of the state towards a multiparty system and pluralistic society.

The emergence of different in their orientation of social initiatives, caused by the inclusion of a significant number of citizens in political life, as well as the diversity of their interests, determined the occurrence of historical and educational, national, cultural, peacemaking, anti-war, environmental and other movements and currents.

This period is conditional on dissatisfaction of the opposition with the state of affairs in the state, increased activity of the masses in connection with the elections in the republic and local Soviets of People's Deputies and as result of the desire of social movements and parties to push «their» candidates, the tendency of ethnic communities of Kazakhstan revive folk customs, traditions, spiritual culture and developing in connection with the movement of national-patriotic forces for the independence and sovereignty of the Republic of Kazakhstan.

The appearance of numerous voluntary associations of citizens, in turn, stimulated the creation of an appropriate legislative framework. The ideological and political diversity in the country proclaimed in the Declaration of State Sovereignty of the Kazakh SSR, adopted by the Supreme Soviet of the Kazakh SSR, October 25, 1990, which created legal preconditions of institutionalizing multiparty system. The 1991 Law «On Public Associations in the Kazakh SSR», acknowledged as such «voluntary formation of citizens united on the basis of common interests» [5].

Thus, by early 1991, you can note the appearance of the spectrum of political associations, the main aim of them was to mobilize their own resources, struggle for population's support of their ideas and actions.

The beginning of the middle period of multiparty development coincides with the state independence.

Further development was given to the party and movements which bring to the forefront ethnic values, thereby contributing to the ethno-political differentiation of the Kazakh population.

Significant influence of national-democratic organizations made favor the struggle for giving constitutional status of the Kazakh language

In this context, it seems to pay tribute to the People's Congress of Kazakhstan, the civil movement «Azat», the International antinuclear movement «Nevada-Semipalatinsk» and a number of others, who with simple and understandable slogans and appeals in the interests of majority of the population contributed to the attainment of Kazakhstan state sovereignty. Their main program goals and objectives were: to revive of the Kazakh nation, the full develop of all national and ethnic groups in Kazakhstan, unite of national-patriotic forces to create a legal and multiparty society, create the independent state based on democratic values. The socio-political organizations movant with alternative draft bills on citizenship, migration, the Constitution, etc.

However, during this period the parties were almost «off» from the transfer of political experience and training policy action skills for most of the population.

Such «aggressive» activity of public associations was linked with the deepening socio-economic crisis, increasing political and legal controversies, indecisive and inconsistent, half-hearted actions of the union leadership. The growth of anti-communist sentiment led to the assertion in the socio-political organizations of radical-liberal, or nation-state doctrine.

The ideas to revive the original Kazakh culture, language were lobbied with strong enough in 1990–1991 CM «Azat» and were indicated in the Law «On the State Independence of the Republic of Kazakhstan», adopted in 1991.

However, considering the activities of interformt «Unity» and several other organizations, closed in the narrow ethnic framework led to understanding the necessity to reject the creation of a possible legal framework for the politicization of delicate problems in the sphere of international relations. Therefore, in this Act were laid approaches based on the ideology of national statehood. The development of these approaches create the prerequisite from release of ethnocentrism manifestations.

At once this law carried a strong imprint of a compromise between the main socio-political forces. Thus, in particular, the priority given to individual rights, as opposed to the rights of the nation. At the same time the law «united people of Kazakhstan» is viewed as consisting of all nationalities, united by common historical destiny with the Kazakh nation.

On this stage of the formation of a multiparty we observed the awareness that ethnic issues passed into the background and departure from the populist democracy. There are new parties, new political movements. Moreover, if in the early stages the associations were creating due to civil initiative with loyal attitude of the authorities, then the creation of political parties were involved the mechanisms of their formation as the «bottom» (PDA GDK «Azat») and «top» (SEC, PNKK, PNEK) [2].

Development of a multiparty system was in brand new conditions for the state's sovereignty and independence.

The political pallet in 1993–1995 was considerably diversity and the traditional scheme — «liberal reformers», «national-patriots» — in the new political environment has become inadequate time.

The liberal democratic reforms lead to relationship between party-political and state institutions in the plane of the joint work on the approval of Kazakhstan as the independent state on the global community. This led to the adoption the first Constitution of the Republic of Kazakhstan in 1993. The consensual potential of this Basic Act on the status of the Russian language, citizenship, the presence of the notion of «Kazakh statehood», checks and balances among the branches of government proved insufficient, and in 1994 certain provisions of the Constitution have been criticized that made the political situation in the country complicated. It served as a catalyst of appearance of new political parties and associations.

The main reason for their creation during this period were the personal considerations when in the eyes of the people is determined by the political unification of the personality of its leader, unlike many other states, where most policies are determined by the identity of his party affiliation. This is one of the specific features of partogenesis in Kazakhstan.

During this period in the previous election campaigns in the highest legislative body of the country became apparent his other specifics when voters expressed their preference for the person who is running the line from politics to the party that he represents (if any), and only then to the party program installations. It is known that in western countries this process takes place in the opposite direction: from the realization of their political needs of a particular political party, ability to realize them, and through it — and its candidates.

During this period, political parties, as well as the whole society, in 1995, supported the initiative of the Assembly of Peoples of Kazakhstan to extend the powers of the President of Kazakhstan Nursultan Nazarbaev, and the adoption of the new Constitution of the country, demonstrating unity in support of the strategic direction of development of Kazakhstan as a secular, legal, democratic and the welfare state.

Constitutional recognition of freedom of association, prohibition of restriction of rights and freedoms for political reasons, providing equal legal opportunities to public associations in 1995 ensured the real political and ideological pluralism, real multiparty system.

The impact of these principles great not only for parties, but also spreads wider — the very public policy on democratization of Kazakh society.

Thus, in the political system of the country there is a new political atmosphere. Get out from the shackles of command-administrative system, freed from ideological coloration, from the definition of «Soviet» and «Socialist» before Kazakhstan opened a real prospect of building politically and economically independent state and its entry into the world community. And this step was the strengthening of the political system.

Kazakhstan passed the difficult way from 1991 to 1997 — with the method of trial and error and achievements. Reforming the political system objectively contributed to the formation of real political independence, strengthening the authority of the republic in the international arena. Kazakhstan is unconditionally on the path of democratic change today. Within a short period it was possible to strengthen and develop political, economic system and statehood of the Republic, to achieve recognition in the international arena.

References

- 1 *Dyachenko S.A.* Patrogenesis in Kazakhstan: status, problems and prospects, Almaty: Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, 1997.
- 2 *Nazarbaev N.A.* On the threshold of the XXI century. — Almaty: Oner, 1996. — P. 170.
- 3 *Abdygaliev B.* Features of a multiparty system in Kazakhstan // RAMSZHAMA. November, 1995. — № 45.

4 *Kurtov A.A.* Parties of Kazakhstan and features of the political process in the country // Kazakhstan: realities and perspectives of independent education. — Moscow, 1995. — P. 172.

5 Act of the Kazakh SSR «On Public Associations in the Kazakh SSR», Almaty, 1991.

Ғ.З.Қожахметов, М.М.Баданова

Көп партиялық егеменді Қазақстанның саяси жүйесінің қалыптасуының негізі ретінде

Мақалада Қазақстан Республикасының саяси жүйесінің кейбір мәселелері, сонымен қатар көп партиялықтың қалыптасу кезеңдері қарастырылды. Партиялардың жағдайы мемлекетте бірнеше нормативтік-құқықтық актілермен анықталады. Біздің қоғамдағы заңнамалардың және тәжірибелік мәселелерді шешуде саяси партиялардың құқықтық мәртебесінің ғылыми зерттеуі үлкен маңызға ие. Зерттеу тақырыбының өзектілігі — саяси партиялардың құқықтық реттелуі, дамуының басымдылығы және де шетелдік, сонымен қатар отандық құқықтық, саяси ғылымдардың ортақ назарында болуы.

Г.З.Кожухметов, М.М.Баданова

Многопартийность как основа формирования политической системы суверенного Казахстана

В статье рассмотрены вопросы политической системы Республики Казахстан, в том числе формирование многопартийности. Отмечено, что положение партий в государстве определяется рядом нормативных правовых актов. Определено, что научное исследование правового статуса политических партий имеет большое значение для разрешения практических и законодательных проблем развития данного явления в нашем обществе. Авторами подчеркнуто, что актуальность темы исследования заключена в том, что теоретические и практические проблемы правового регулирования и развития политических партий относятся к числу приоритетных и традиционно находятся в центре внимания как зарубежной, так и отечественной юридической и политической науки.

М.Е.Тургумбаев

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы (E-mail: marlen@ai-line.net)

Наказание и его цели в мусульманском праве

В статье рассмотрены вопросы наказания по действующему классическому мусульманскому уголовному праву, представляющие интерес для научного исследования. Определено, что наказание — один из центральных институтов уголовного права, а проблема цели наказания является одной из сложных в уголовно-правовой науке. Значимость этой проблемы автором обоснована тем, что уголовное право реализует себя, прежде всего, угрозой и применением наказания, достижением целей его применения. Выделено, что в уголовном законодательстве мусульманских стран отсутствует обобщенное теоретическое определение наказания, не закреплены его цели; недостаточно разработано понятие наказания и его цели и в мусульманской доктрине права. На основе анализа и обобщения литературы в статье исследована проблема определения наказания, выявлены характерные для традиционного мусульманского права тенденции в определении его целей.

Ключевые слова: мусульманское право, мусульманская уголовно-правовая доктрина, преступление, наказание, цели наказания, кара, общее предупреждение, частное предупреждение, исправление.

Историческое развитие мусульманского уголовного права показывает его особенность: все основные вопросы уголовного права связаны не с институтом преступления, а с институтом наказания. Современный законодатель в мусульманском мире, приступая к реформированию или кодификации уголовного права, отталкивается именно от вопросов наказания, системы и видов наказания. Наказание в мусульманском уголовном праве — основа для построения особой классификации преступлений, и, следуя построению наказаний, исламские правоведы излагают основные вопросы уголовного права. Институт наказания помогает раскрыть социально-правовую сущность мусульманского уголовного права, его реальное действие, связь уголовного права с иными компонентами нормативного регулирования.

Классическая мусульманская концепция наказания, зародившаяся в Арабском халифате, заключается в том, что преступник лишается физической возможности совершения последующих преступлений либо путем его уничтожения — смертной казни, либо путем членовредительных наказаний, в результате применения которых человек остается жив и свободен, но как преступник становится не опасен. Таким образом, наказание является одним из видов борьбы с преступностью как социальным явлением.

Отсутствие в мусульманском праве единого общепризнанного определения наказания можно объяснить казуистичностью норм шариата и мусульманского права, где редко встречается обобщение правовых категорий. Мусульманским ученым-юристам очень трудно дать общее определение наказания, сложно найти общую основу для выработки общего понятия наказания. Общая доктринальная идея, объединяющая все виды наказания и правила их назначения, выявляется соотносительно с тремя категориями преступлений, известных мусульманскому праву. В каждой из них идея наказания и практика применения наказания, по сути, индивидуальны: одно и то же наказание может назначаться за разные виды преступлений и может иметь разную природу и разные источники.

В мусульманской уголовно-правовой доктрине существуют разные определения понятия наказания. Например, Ахмад Фатхи Бахнаси пишет, что наказание — это заранее установленное законом (а под законом он понимает все источники мусульманского права, включая Коран, Сунну, иджму и т.д.) воздаяние за нарушение указанных в нем запретов с целью предупреждения совершения преступлений как со стороны осужденного, так и со стороны других лиц [1; 175].

Подобное определение наказания можно встретить у большинства арабских авторов. Али Абдель-Кадер Эль-Кахваджи отмечает, что наказание — это воздаяние, определяемое законом и назначаемое судом и заключающееся в преднамеренном причинении боли лицу, признанному виновным в совершении преступления [2; 309, 310].

Ибрагим Килани полагает, что наказание — это возмездие или кара, которую приводят в исполнение государственные органы за нарушение норм шариата, а преступление — это все неправильные действия, запрещенные Аллахом [3; 77].

По мнению сирийского юриста Мухаммеда Аль-Фаделя, наказание — это предусмотренная законом кара, применяемая от имени государства к лицу, вина которого установлена и которое заслужило наказание за совершение преступления, предусмотренного законом [4; 373].

Алжирский автор Исхак Ибрагим Мансур считает, что наказание — это кара, установленная законом и назначаемая судом лицу, признанному виновным в совершении преступления, и состоящая в причинении страданий этому лицу, в ограничении его прав и свобод [5; 129, 130].

Схожая позиция наблюдается у Джунди Абдель-Малека, который также считает, что наказание — это кара, налагаемая на преступника в интересах общества, боль, причиняемая преступнику за нарушение предписания закона [6; 85].

Таким образом, можно отметить, что мусульманское традиционное уголовное право — сложное социальное явление, которое находится в тесной связи с религией ислама, но при этом не соединяется с ней. Мусульманское уголовное право рассматривается как юридическое явление, которое относится к правовой, а не религиозной системе. В связи с этим нормы мусульманского уголовного права отличаются от религиозных правил поведения обеспеченностью принудительной силой государства. Вместе с тем мусульманское право тесно взаимодействует с религиозными и моральными нормами, с обычаями в единой системе религиозно-нормативного регулирования. Сказанное позволяет заключить, что наказание по мусульманскому уголовному праву, прежде всего, — явление сакральное. Оно результат божественного откровения, даровано людям Аллахом через его пророка Мухаммада.

Наказания, предписанные в Коране, нацелены на исправление через устрашение. Смертная казнь, членовредительство, плети — все это должно заставить грешника раскаяться и избежать тем самым кары в загробной жизни. Коранические наказания несут в себе также идею воздаяния, возмездия преступнику. Коранические наказания применяются в назидание другим, что достигается публичным исполнением большинства наказаний. Наказание преступника — это не право государства, а его обязанность, прямо следующая из религиозных догматов. Особенно это проявляется применительно к преступлениям категории «худдуд», где Коран запрещает прощение виновного, возлагая на судью обязанность применить наказание.

Наказание и по своей сути, и по своей цели связано с карой. Сущностью и содержанием наказания в мусульманском праве выступает кара — земное возмездие, воздаяние за причиненное зло: потерпевший и общество должны быть отмыты для восстановления нарушенной справедливости. Кара (возмездие, воздаяние) как промежуточная цель наказания встречается у многих мусульманских авторов [1; 175, 2; 309, 310, 4; 67, 5; 129, 130].

По мнению некоторых авторов, кара создает необходимые условия для достижения других целей, и прежде всего для предупреждения преступлений. Джунди Абдель-Малека полагает, что «наказание неразрывно связано с идеей причинения преступнику боли, хотя она (боль) не является целью наказания. Боль причиняется преступнику только ради достижения конечной цели наказания — защиты общества и обеспечения охраны общественного порядка. Конечная цель наказания отличается от непосредственных целей, которые состоят в предупреждении рецидива (частная превенция) и в удержании других лиц от совершения преступления (общая превенция). Наказание должно сбалансировать достижение обеих этих целей, чтобы одна из них не была принесена в жертву ради достижения другой. В этом смысле частная превенция достигается путем устрашения преступника, его исправления или же исключения из общества, если он окажется неисправимым (здесь имеется в виду назначение наказания в виде смертной казни или пожизненного тюремного заключения), а общее предупреждение — путем устрашения» [6; 123, 124]. На наш взгляд, автор под «болью» подразумевает кару и рассматривает ее как средство достижения иных целей наказания.

Али Абдель-Кадер Эль-Кахваджи рассматривает цель наказания как воздаяние, определяемое законом и назначаемое судом, заключающееся в преднамеренном причинении боли лицу, виновному в совершении преступления. Боль (кара) не является ее самоцелью, а выступает как средство (промежуточная цель) для достижения других целей наказания. Основная цель наказания — это борьба с преступностью. Она достигается с помощью более конкретных целей, таких как осуществление справедливости, общее и специальное предупреждение и исправление преступника. Среди всевозможных целей наказания он видит конечную цель наказания только в исправлении преступника, а все остальные цели вторичны по отношению к этой конечной цели [2; 309, 310].

По мнению Махмуда Наджиба Хусни, преступление представляет собой покушение на справедливость как на общепризнанную социальную ценность, с одной стороны, и посягательство на чувство справедливости у индивидов — с другой. Оба аспекта несправедливости, вызванных пре-

ступным посягательством, должны быть устранены наказанием. Наказание должно восстановить справедливость как социальную ценность и удовлетворить общественные чувства, требующие его применения [7; 197]. Автор различает конечные и непосредственные цели наказания. Под конечной целью наказания он понимает защиту прав и интересов, охраняемых уголовным законодательством, а непосредственные цели наказания, по его мнению, заключаются в восстановлении справедливости (моральная цель наказания) и в предупреждении совершения новых преступлений как со стороны преступника, так и со стороны других лиц (утилитарная цель).

Мухаммед Аль-Фадель выделяет такие цели наказания, как защита интересов общества, направленная на предотвращение совершения преступления лицом, ранее уже совершившим преступление. Воздаянием, применением наказания к лицу, совершившему преступление, оказывается воспитательное воздействие на самого осужденного и на остальных членов общества. Другая цель, выделяемая автором, — это так называемая моральная цель, которая заключается в восстановлении социальной справедливости [8; 70].

Цель общего предупреждения заключается в предупреждении совершения преступлений другими лицами. Предполагается, что и факт применения наказания к конкретному лицу, совершившему преступление, должен оказывать превентивное воздействие на других граждан. В теории уголовного права нет единства мнений о том, на кого воздействует наказание в общепредупредительном плане. Согласно преобладающей точке зрения, общепредупредительное воздействие наказания адресовано лишь тем лицам, которые склонны к совершению преступления. На законопослушных граждан применение наказания к осужденному воздействует главным образом в воспитательном аспекте, создает у них убеждение в том, что такие деяния преступны, формирует непримиримое, негативное к ним отношение.

Мусульманские юристы выделяют две основные цели наказания — общее и частное предупреждение, которые некоторыми авторами противопоставляются друг другу. Например, по мнению Абдель-Кадера Ауды, «наказание по шариату преследует две противоположные друг другу цели. Одна — общее предупреждение: в центр внимания ставится, прежде всего, борьба с преступностью, а личности преступника не уделяется большого внимания. Другая цель — частное предупреждение, заключается в том, что в центр внимания ставятся не преступления и борьба с преступностью, а личность преступника. Мусульманское право вобрало в себя эти две противоположные друг другу цели и попыталось снять эти противоречия следующим образом: защита интересов общества должна быть обеспечена при назначении любого наказания. Поэтому при совершении преступлений, затрагивающих интересы общества, личность преступника игнорируется, а при совершении других преступлений личность преступника учитывается судом при назначении наказания. В этом последнем случае целью наказания является частное предупреждение» [9; 274, 275].

Представление автора о предупредительном значении наказания не бесспорно, поскольку общество защищается в случае как общего, так и частного предупреждения.

При этом в мусульманской уголовно-правовой теории можно наблюдать подход к определению цели наказания в зависимости от его вида. Большинство мусульманских правоведов выделяют три вида наказаний: 1) «хадд» («худдуд») — наказание (наказания), назначаемое за совершение преступлений против Аллаха; 2) «кисас» — возмездие однородным действием и 3) «тазир» — наказание, род которого устанавливается судьей.

Наказания за совершение преступлений категории «худдуд» и «кисас» преследуют цель общего предупреждения. Другая группа наказаний, которые назначаются за преступления категории «тазир», преследует цель частного предупреждения.

В мусульманской уголовно-правовой литературе также представляет интерес подход к определению целей наказания исходя из тех ценностей, которые защищаются применением наказания. В соответствии с нормами мусульманского права наказание направлено на защиту пяти основных ценностей ислама — религии, жизни, разума, продолжения рода и собственности, которые выступают в качестве основных объектов охраны мусульманского права.

Таким образом, наказание по мусульманскому уголовному праву имеет своей целью восстановление социальной справедливости, защиту нравственности, материальных и религиозных интересов общества, его членов. Оно упорядочивает взаимоотношения членов общества и в то же время отношения мусульманина с Аллахом и нормами права.

Мусульманская уголовно-правовая доктрина считает, что, защищая основные ценности исламского общества, наказание является земной мерой ответственности, выражающейся в лишении или

ограничении прав и свобод, преследует цель земного и нравственного исправления человека, предупреждения совершения новых преступлений и кары за совершенное деяние.

Анализ источников мусульманской уголовно-правовой мысли позволяет прийти к выводу, что главная цель наказания, обусловленного природой преступного посягательства на законы, как мирские, так и божественные одновременно, заключается в исправлении виновного, понимаемого как его раскаяние перед Аллахом в совершенных грехах. Религиозный оттенок исправления, в свою очередь, связан с тем, что исправление возможно при применении любого вида наказания, вплоть до смертной казни: умирающий по приговору суда считается исправившимся, если он раскаялся в содеянном перед смертью.

Другая цель наказания заключается в предупреждении, как общем, так и частном. Она достигается жестокостью предписанных мусульманским правом наказаний, публичностью их исполнения и неотвратимостью. Общепредупредительное воздействие наказания адресуется как законопослушным гражданам, воздействуя на них в воспитательном плане, формируя негативное отношение к преступлениям, так и лицам, склонным к правонарушениям. Основной предупредительный потенциал наказаний адресуется морально неустойчивым лицам, которые готовы совершить преступление, но боязнь, страх быть наказанными удерживают их от этого.

С общим предупреждением тесно связана частная превенция, под которой понимается предупреждение совершения новых преступлений уже осужденными лицами. Суть его заключается в том устрашающем и одновременно воспитательном воздействии, которое призвано оказывать наказание.

В мусульманском праве традиционно проводится деление между общим и частным предупреждением. Считается, что наказания за преступления категории «хуздуд» и «кисас» своей строгостью и однозначностью преследуют преимущественно цели общего предупреждения, тогда как наказания за преступления категории «тазир», основывающиеся на свободном судебском усмотрении в приложении к данному человеку, преследуют в основном цель частного предупреждения.

Кара (возмездие, воздаяние), как сущность и одновременно как цель наказания, создает необходимые условия для достижения других целей, и прежде всего цели предупреждения. Представляется, что идея боли (кары) и наказание неотделимы, наказание и по своей сути, и по своей цели связано с карой.

Список литературы

- 1 *Ахмад Фатхи Бахнаси*. Наказание по мусульманскому праву // Цит. по: Мусульманское право. Основные доктринальные труды. XIX–XX века: Пер. с араб. В 3 т. Т. 3: Уголовное право. Уголовный процесс. Судостройство. — Ташкент, 1998.
- 2 *Али Абдель-Кадер Эль-Кахваджи*. Уголовное право. Общая часть. — Бейрут, 1994.
- 3 *Ибрагим Килани*. Учение о мусульманских арабских идеях // Цит. по: Мусульманское право. Основные доктринальные труды. XIX–XX века: Пер. с араб. В 3 т. Т. 1: Источники права. Государственное право. — Ташкент, 1998.
- 4 *Мухаммед Аль-Фадель*. Общие принципы уголовного права. — Дамаск, 1978.
- 5 *Исхак Ибрагим Мансур*. Краткий очерк по криминологии и уголовному праву. — Алжир, 1982.
- 6 *Джунди Абдель-Малек*. Уголовно-правовая энциклопедия // Цит. по: Мусульманское право. Основные доктринальные труды. XIX–XX века: Пер. с араб. В 3 т. Т. 3: Уголовное право. Уголовный процесс. Судостройство. — Ташкент, 1998.
- 7 *Махмуд Наджиб Хусни*. Уголовное право. Общая часть // Цит. по: Мусульманское право. Основные доктринальные труды. XIX–XX века: Пер. с араб. В 3 т. Т. 3: Уголовное право. Уголовный процесс. Судостройство. — Ташкент, 1998.
- 8 *Мухаммед Аль-Фадель*. Общие принципы уголовного права // Цит. по: Мусульманское право. Основные доктринальные труды. XIX–XX века: Пер. с араб. В 3 т. Т. 3: Уголовное право. Уголовный процесс. Судостройство. — Ташкент, 1998.
- 9 *Абдель-Кадер Ауда*. Сравнительный анализ светского и исламского уголовного права // Цит. по: Мусульманское право. Основные доктринальные труды. XIX–XX века: Пер. с араб. В 3 т. Т. 3: Уголовное право. Уголовный процесс. Судостройство. — Ташкент, 1998.

М.Е.Тұрғымбаев

Мұсылман құқықтағы жаза және оның мақсаттары

Қолданыстағы классикалық мұсылман қылмыстық құқықта жаза мәселесі ғылыми зерттеу үшін қызықты болып табылады. Жаза — қылмыстық құқықтың орталықтың институттарының бірі, ал жаза мақсатының мәселесі қылмыстық құқық ғылымының күрделі мәселесі болып табылады. Осы мәселенің мағынасы қылмыстық құқық жаза арқылы және жазаны қолдану оның қолданысының мақсаты арқылы жүзеге асырылады. Мұсылман елдің қылмыстық заңнамасында жазаның жиынтық қағидалы анықтамасы жоқ, оның мақсаттары бекітілмеген. Жаза және оның мақсаты ұғымдары құқықтың мұсылман доктринасында кем әзірленген. Мақалада әдебиетті талдау және жинақтау негізінде жазаның ұйғарымының мәселесі зерттеліп, жаза мақсатының ұйғарымында айқындаудағы мұсылман құқық үшін дәстүрлі үрдістері анықталды.

M.E.Turgumbaev

Punishment and its purpose in Islamic law

Abstract. Questions punishment for the classical Islamic criminal law are of interest for scientific research. Punishment — one of the central institutions of criminal law and the problem purpose of punishment is one of the complex in criminal science. The significance of this problem is determined that criminal law realizes itself primarily threat and punitive, goals its application. In the criminal law of Muslim countries do not have a generalized theoretical definition of punishment, not fixed its purpose. Insufficiently developed the concept of punishment and its objectives in the Muslim doctrine of the law. On the basis of analysis and synthesis of the literature investigated the problem of determining the punishment, which is typical of traditional Islamic law trends in defining the goals of punishment.

References

- 1 Ahmad Fatkhi Bakhnasi. *Tsit. on: Muslim Law. Main doctrinal works*, XIX–XX Eyelid / Lane with the Arab. In 3 vol. Vol. 3: Criminal law. Criminal trial. Judicial system, Tashkent, 1998.
- 2 Ali Abdel-Kader El-Kakhvadzhi. *Criminal law*. General part, Beirut, 1994.
- 3 Ibragim Kilani. *Tsit. on: Muslim Law. Main doctrinal works*. XIX–XX Eyelid / Lane with the Arab. In 3 vol. Vol. 1: Right sources. State law, Tashkent, 1998.
- 4 Mukhammed Al-Fadel. *General principles of criminal law*, Damascus, 1978.
- 5 Iskhak Ibragim Mansur. *Short sketch on criminology and criminal law*, Algeria, 1982.
- 6 Dzhundi Abdel Malek. *Tsit. on: Muslim Law. Main doctrinal works*. XIX–XX Eyelid / Lane with the Arab. In 3 vol. Vol. 3: Criminal law. Criminal trial. Judicial system, Tashkent, 1998.
- 7 Makhmud Nadzhib Husni. *Tsit. on: Muslim Law. Main doctrinal works*. XIX–XX Eyelid / Lane with the Arab. In 3 vol. Vol. 3: Criminal law. Criminal trial. Judicial system, Tashkent, 1998.
- 8 Mukhammed Al-Fadel. *Tsit. on: Muslim Law. Main doctrinal works*. XIX–XX Eyelid / Lane with the Arab. In 3 vol. Vol. 3: Criminal law. Criminal trial. Judicial system, Tashkent, 1998.
- 9 Abdel-Kader Auda. *Tsit. on: Muslim Law. Main doctrinal works*. XIX–XX Eyelid / Lane with the Arab. In 3 vol. Vol. 3: Criminal law. Criminal trial. Judicial system, Tashkent, 1998.

ҚЫЛМЫСТЫҚ ПРОЦЕСС ЖӘНЕ КРИМИНАЛИСТИКА УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

UDC 343.147

L.K.Arenova

E.A.Buketov Karaganda State University (E-mail: www200762@mail.ru)

Actual production issdaiues religious expertise

Study on relevant issues of denominational expertise must be considered from the perspective of, criminal and psychological Sciences, due to their importance in the practical and theoretical aspects. This indicates the determination of the place of faith and religion in a secular society, their influence on the formation and change of human behavior in society, criminal characteristics of crimes of the terrorist and religious extremist their dominant elements where the appointment and production expertise denominational are dominant, because determines that the examination with the national denominational objects list of banned religious organizations.

Key words: denominational expertise, this indicates the determination of the place of faith and religion in a secular society, human behavior in society, criminal characteristics of crimes of the terrorist and religious extremist, their dominant elements where the appointment and production expertise denominational are dominant, because determines that the examination with the national denominational objects list of banned religious organizations.

Research of topical issues of production of religious examination, it is necessary to consider from positions, criminalistic and psychological sciences in connection with their importance in practical and theoretical aspects. It indicates definition of a place of belief and religious views in secular society, their influence on formation and change of behavior of the person in society, the criminalistic characteristic of crimes of a terrorist and religious and extremist orientation of their dominating elements where appointment and production of theological examination are dominating since defines compliance of objects of theological examination with the national list of the forbidden religious organizations.

Study on relevant issues of denominational expertise must be considered from the perspective of criminal and psychological sciences due to their importance in the practical and theoretical aspects. This indicates the determination of the place of faith and religion in a secular society, their influence on the formation and change of human behavior in society, criminal characteristics of crimes of the terrorist and religious extremist their dominant elements where the appointment and production expertise denominational are dominant, because determines that the examination with the national denominational objects list of banned religious organizations.

Theological examination, its appointment and production as process reveals from practical and theoretical positions certain questions of a readiness not only concepts of such examination as a whole, but also its legal status as type of examination, degree of a readiness of concrete recommendations about its appointment and production structure of experts and to their powers and also concerning object of research — the mechanism of recognition of materials, subjects of religious appointment extremist.

Now the questions connected with appointment and production of theological examination are rather debatable and difficult not only from positions of practical execution, but also more a theoretical readiness of the concept of theological examination and the organizational and administrative beginnings in respect of determination of its legal status, subjects of research and determination of compliance of possible objects of theological examination only to the national list of the forbidden religious organizations that considerably limits the tasks set for theological examination.

The religion as need of human life in modern society from the guarantor of spiritual development and pledge of preservation of traditional values, culture, traditions and the right even more often began to be transformed to the tool and motives of the crimes capable to destroy state and society foundations. For example, in September, 2007 the staff of Committee of national security of Kazakhstan elicited the facts of alienation of property of parishioners of Presbyterian Church «Grace» in Karaganda, and also illegal storage of strong psychotropic medicines in the molal building. In this regard criminal case according to Art. 177 of the Criminal code of Kazakhstan (fraud) are brought [1].

In November, 2011 the Saryarkinsky regional court of Astana sentenced six members of the forbidden international extremist party to imprisonment for the terms from four to seven years.

On materials of criminal case it was established that participants of a cell of the forbidden international extremist party planned to arrange some acts of terrorism and to deprive of fellow citizens of secular tenor of life having replaced the republic with the Caliphate. The organizer of a cell a few years ago, having visited Kazan (Tatarstan) where endured a serious brainwash in terrorist group and having returned to RK, I began criminal activity with recruitment of assistants. To the rental apartment under pretexts of household character different people were invited. The comer approved «Islam it well and the Christianity is bad women it is necessary to oblige to wear hijabs and men of a skullcap».

Besides, the idea of exclusiveness a superiority and inferiority of citizens on a religious sign racial accessory and even language was proclaimed. New adherents supplied with the forbidden literature in the Kazakh and Russian languages showed to listeners of video with the terrorists killed with federal armies in the Caucasus".

Also it is reported that intends conversations that «is time to lift revolt were carried out and to arrange jihad and to disorganize police officers to blow up first of all buildings of law enforcement agencies» [1].

According to the expert opinion in actions condemned there are the incentive designs directed on violent change of the constitutional system signs of excitement of race and religious hatred statements of negative and estimated character in relation to other nations contain.

The analysis of the expert-political scientist testifies that the withdrawn forbidden materials have no relation to Islam and its canons were treated in a wrong way.

On May 17, 2011 as a result of bomb explosion in the building of KNB department of the Aktyubinsk area three persons suffered the suicide bomber died on the spot [1].

It should be noted that manifestation of interest to the religious sphere from society, I increased now enough. First of all, it is caused, the social and economic and political changes which have happened in the last decades in the Republic Kazakhstan which significantly affected a moral and psychological condition of society.

Interest to religious activity, the freedom of worship meaning interest by various religious trends and cults of nonconventional nature of expansion in the territory of CIS countries for the purpose of a set of adherents that entailed strengthening of religious activity in society increased. It promoted sharp increase in growth of religious associations including a destructive orientation there were many religious centers, mystical cults, in particular Islamic sense arisen on the basis of Islam.

The adherent [from lat.adeptus — reached] is treated in two definitions, as let into secrets of any doctrine, a religious cult, sect, and as the jealous adherent of any doctrine. [2; 308]

According to the National center of culture and religions at ADR as of January 1, 2012 in Kazakhstan work 4479 religious public associations, including 2756 — Muslim, 1256 — Protestant, 303 — orthodox, 87 — Catholic, 27 — Judaic, 5 — Buddhist. Nonconventional religious faiths is over 2 000 [3].

Many nonconventional religious organizations of various confessional orientation, Protestant and evangelical (Adventists of the Seventh Day, Grace, Jehovah's Witnesses), east religions (Bakhai, Societies of consciousness of Krishna, Aum Sinrike), scientific cults (Scientology, Dianetics, New age), Satanists and a youth counterculture, Islamic type (Al-Qaeda, Alya Ayat, Ata жол, Brothers Muslims, Boz Gurd, Hizb-ut-Tahrir al-islami, the Taliban, Jamia of Mujahideens of Central Asia), appeared in recent years not only in the Republic of Kazakhstan, but the former Soviet Union countries, as a rule, use such forms of activity which not only violate the rights of the personality, but have signs of concrete criminal actions and destructive.

Now the national list of the forbidden in Kazakhstan terrorist and extremist structures included 15 organizations among which only «Aum Senrike» treats east religion and the others of an Islamic orientation.

However, threat of distribution of nonconventional religious and cult ideas is noted not only from the above religious structures which activity, carries, obviously, destructive character, but also the religious organizations which aren't entering the national list though concerning which are available not only materials

of checks of law enforcement agencies, but also the brought criminal cases on various criminal manifestations.

As a rule, activity of the nonconventional religious organizations is connected with physical and psychological abuse over the personality and does irreparable harm to mental and physical health of the person and also poses serious threat of national state security of the state.

Activity of the nonconventional religious organizations has latent character, including on distribution of professed ideas by means of printing editions, audio recordings and the video records illustrating dogma and practice corresponding to it including church services, religious practices, ceremonies and pilgrimage, audio-and video records theological and is religious — the educational contents (except animation, fiction (art) films), containing grants on religion training, and also materials and literature of the religious contents, subjects of religious appointment.

However, the religion as spiritual need the ideological component of the state is the fixed constitutional law on a freedom of worship and is legislatively given opportunity for activity of the religious organizations, including, nonconventional character. It defines not only relevance and the social importance of research of the phenomena of manifestation of religion and its influence on society, but also generates a number of complex problems regarding permitted and forbidden in similar activity that formed the basis for emergence of such action as theological examination.

Theological examination, its appointment and production as process of state regulation in the sphere of religious activity and its territorial divisions allows to reveal from practical and theoretical positions certain problem questions of a readiness not only the concept of theological examination as a whole, but also its legal status as type of examination, degree of a readiness of concrete recommendations about its appointment and production, structure of experts and to their powers, and also concerning object of research — the mechanism of recognition of materials, subjects of religious appointment extremist.

Production religious examination carried out in order to establish compliance with the constituent documents and other documents religious and spiritual (religious) educational programs information materials of religious content and religious objects to the current legislation in the state [4]. However, at the present stage in the Republic of Kazakhstan, as well in other CIS countries, religious expertise has no definite legal status are not included in the list of forensic examination which is rather doubtful in its production and the appointment of persons of competence in accordance with legislative expert research requirements. Currently, in the Republic of Kazakhstan religious expertise does not have the legal status that has no established rules of law provisions of its subjects, as well as the totality of their rights and responsibilities. Also religious expertise is not included in the official list of forensic examinations in the Republic of Kazakhstan is not one of the types of forensic examinations, which significantly differs from other types of forensic (eg, mental health, forensic, handwriting, etc.). It profanes it characterizes as dilettantism which significantly reduces the severity of the findings to a greater extent for those interested in passing the examination of religious organizations that serve such structures cause for disputes not only in court but also in the media. This factor will prevent the achievement of objectives of the criminal process and makes it impossible to establish the truth in criminal cases without the use of objective findings of expert studies. Involvement of NGOs and scholars to conduct religious examination also lacked a theoretically nor legal nor practical basis that violates the principles of the production of any kind of expertise and the more theological.

Involvement in the production of religious expertise of public associations, which are public, is unacceptable. This is due to the fact that the composition of public associations includes contingent expressing their civic stance and not sufficiently versed in matters of special knowledge required for expert assessment on matters of religion, religious outlook, various articles of faith religious structures as well as consideration of the human factor as subjective beginning. Typically, associations are not professional or community groups and therefore not having the necessary scientific competence for the formal evaluation of submissions. Possible uses knowledge of theologians is also doubtful since regardless of religious affiliation theologians expressed own personal spiritual point of view that may be different from the official position directly denominations such as the official opinion of the Russian Orthodox Church, the Roman Catholic and Greek-Roman Church or Spiritual Administration of Muslims. In this sense, one must also consider that the specific religious groups, so-called traditional, culture-, world religions, in accordance with applicable law can not be the only actors involved in conducting religious expertise. Otherwise, it is a manifestation of human rights and freedoms in the activities of other religious faiths and denominations, which are inherently non-traditional. Empowering participation in the various kinds of Religious Studies confessions, is a violation of the principle of objectivity. Moreover, in accordance with the constitutional rules RK separation of reli-

gion and state and religious groups may not participate in public affairs and expert activities carried out by public authorities. For the purpose of objective complete and comprehensive research facilities religious expertise more efficiently and effectively conduct religious examination charging independent experts of the number of scientists in various fields, namely, theologians, psychologists, lawyers and other professionals depending on the issues raised are employees of higher educational institutions and research institutes. Official explanation of religious norms concepts individual Christian or a Muslim cleric this is not the official position of the Church or of the Spiritual Administration of Muslims. In this regard it is necessary to attract only the formal structures of the clergy culture-faiths who can objectively justified to express an official position on the object represents. In addition, religious expertise should be officially recognized as one of the types of forensic examination to formal recognition of the legal status and exclusion of erroneous research object and therefore a member of the state expert institutions such as the Center for Forensic. In this sense, attracting scholars and researchers of higher education institution, research institutes in various fields is also quite effective not only in the development and definition of the concepts religious expertise, but also in the research plan. The whole process of action in accordance with the legislation of Kazakhstan for the production of an expert study comes from established principles, where the most significant in terms of practical and theoretical acts completeness and objectivity, independence, scientific validity, competence, versatility, professional ethics. Opinion is obtained evidence which showed the presence or absence of evidence of interest in the resolution of an issue that later became the basis for deciding whom it may concern. Religious expertise is sufficient for effective process of identification, detection and investigation of crimes related to the activities of non-traditional religions, denominations and cults, including terrorism-related, which is a specific feature that distinguishes it from other kinds of expertise. However, the greatest impact the objectivity and religious expertise reaches when carried out in combination with other types of expertise namely forensic psycho-physiological processes and human forensic psychiatric examination.

Objects of religious examination in accordance with the current legislation of the Republic of Kazakhstan is a constituent and other documents of religious organizations including religious materials and religious objects. It should be noted that the objects religious examination in the first place must be identified with a particular religious movement as it meets the requirements of completeness of the study, and also contributes to the control of the religious situation in the state, detection and prevention training and committing socially dangerous acts. Submissions to explore different and by the actual production rules religious expertise. These include founding documents submitted for registration and re-registration of religious associations; religious documents; and religious education programs; informational materials of religious content; — religious objects [4].

These objects for example, theoretical or practical religious literature Publishing production items of religious significance religious cult destination depending on the religious affiliation — objects of religious symbols and paraphernalia including all varieties of crosses, Panagia, medallions, memorials, awards and medals religious organizations, substances and items needed for the sermons and religious rituals, temple decoration objects and architectural elements of the temple, sacred objects, objects of worship, clothing and headgear for religious purposes, special auxiliary items required for the storage, installation, operation and movement items submitted for religious examination is fairly general and not to specify that can greatly complicate their interpretation and meaning in religious cult activity. Thus all objects religious examination can be divided into different groups and subgroups such as Items for religious space the locations of worship praying (for example, Muslims — five daily prayer reading) items required in the administration of worship and prayer, as well as rituals and ceremonies Support Services items on worship and exaltation of prayer; Publishing materials (book production, guidelines, manuals, etc.), audio and video. Typically, these objects attributable to Religious Studies differ comprehensive and informative about their true purpose. Given that the activities of non-traditional religions, denominations and cults is mostly latent character and being in possession and materials will also be wearing a hidden disguised character usually under the guise of scientific literature and psychological tests. Special place in this regard occupy unconventional Protestant and evangelical religious organizations («Grace Church», «Jehovah's Witnesses», «Seventh-day Adventists», «New Life», etc.) and scientific cults («Scientology», «Dianetics») that typical selfish motive in their activities under the mask and portray ideas and religious sermons, for example, a fairly common theme common spiritual family universal love and forgiveness, non-material values, personality, love for humanity and worth of the human person in the world, etc. A significant amount of non-traditional religious groups belong to Protestant, evangelical Presbyterian and nontraditional religious groups whose activities and existence is not forbidden by the current legislation of the Republic of Kazakhstan, which makes the contradiction be-

tween their activities about which criminal proceedings are instituted and free access to publishing editions of religious associations. For example, the National Security Committee of Kazakhstan revealed facts that the alienation of property congregation of the Presbyterian Church «Grace» in Karaganda, in connection with the criminal case under Article 177 of the Criminal Code (fraud), as well as illegal possession of potent psychotropic drugs in the prayer house. Also, the materials were found containing propaganda signs exclusivity and superiority of one over the other creeds, incite sectarian strife. Also, September 7, 2007, 14 pastors hunger strike protesting against them excitation of criminal case and conducted a search of the building of the church and in the homes of its ministers. Three ministers of the church: archbishop, his sister and administrator — are suspected of committing a crime under Article 165 of the Criminal Code (treason). The reason for checking the Presbyterian Church began to transfer large sums of money to her private businessman who is suspected of treason and is currently in remand prison in Alma-Ata [1]. It should be noted that the above example, like many other similar criminal facts lead to the conclusion that considering the activities of non-traditional religious communities in this aspect of the question determines the mismatch in the national list of prohibited Kazakhstan terrorist and extremist structures and distributed materials, including literature, Audi \ video materials. Inconsistency in this case between not a banned organization and literary publications, video and audio contained in sermons and general activities of such non-traditional religious structures.

This factor is particularly characteristic in relation to the Protestant and evangelical non-traditional religious organizations, Eastern religions and scientific cults whose activities are signs of extremism namely the use of their religious practices based on non religious ideas can cause life-threatening health (particularly mental health), morality rights and freedoms of man and citizen as well as a threat to security of the state and society as a whole that is legally defined as religious extremism. In this regard religious expertise should be carried out not only in respect of non-traditional materials and objects of religious organizations under the ban and a national list but also in terms of already registered passing another re- engaged in religious activity and regardless of sectarian religious or religious affiliation. This is due to the fact that religious organizations carry out their activities in accordance with the registration (eg as Grace Church, Jehovah's Witnesses, etc.) are signs of the illegality of their actions. Ensuring the examination made by the authorized body, which acts Agency for Religious Affairs of the Ministry of Culture of the Republic of Kazakhstan the functions and powers which are in interfaith harmony ensuring citizens' rights to freedom of religion and interaction with religious associations. Deciding on the appointment and conduct religious examination of the Justice Department initiated areas at registration or re-registration of religious associations or in order to establish compliance with the constituent documents and other documents religious and spiritual (religious) educational programs information materials of religious content and religious items legislation Republic of Kazakhstan.

Conducting religious expertise provided by the authorized body namely the Agency for Religious Affairs and its implementation rests with the experts of the Expert Council of Development Studies of the religious situation in the above agency belonging to the Ministry of Culture of the Republic of Kazakhstan. At the same time the production of expertise could be drawn from government agencies religious scholars lawyers and other professionals in the field of freedom of conscience. However, decision on conducting religious expertise Department of Justice and supported by the Agency for Religious Affairs and holding the Expert Council as a division of one of the subordinate structures of the Ministry of Culture is in doubt. Primarily, this is due to the fact that religion as a component of national life should be controlled by the government and the resolution of issues in the whole religion should exercise judicial power and the above mentioned powers, you must pass the Supreme Court of the RK or regional courts authority to determine the mechanism for the recognition of objects religious expertise not inconsistent with the law of the state (including extremist). Thus, the above position for the religious expertise to the following conclusions. First, religious expertise is one type of forensics, as it has to the research problem and defined the terms of its subjects and accordingly, to be determined its legal status. In addition, religious expertise has specific features that identify prevent and counteract crimes related to the activities of non-traditional religions, denominations and cults. Secondly, the need to implement religious expertise with regard to its specific characteristics is what it should have officially secured legal status forensics and held exclusively with independent experts that is disinterested knowledgeable persons — scientists respective issues raised profile and namely theologians, lawyers, linguists, psychologists and other persons, to be comprehensive, which completely eliminates the participation of public associations. Theologians religious organizations can be encouraged to participate in Religious Studies just as professionals in the profile, due to the need arises and on certain issues relating to the industry in theology. In addition, religious expertise should be carried out, not only in relation to objects

(objects of constituent documents, documents of religious content, religious education programs, information materials) for the first time with the registration as a religious association, but also religious associations, re-passing, regardless of religious or cult affiliation. Third, religion, as a component of national life should not only be controlled by the government agencies, but also by the regulatory mechanisms, the power to define objects that are not inconsistent with the law of the state (including extremist) should be transferred to the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan or regional courts.

References

- 1 По материалам официального сайта www.knb.kz
- 2 Словарь иностранных слов. Изд. 13. — М.: Рус. яз., 1986. — С. 308.
- 3 Данные национального центра культуры и религии агентства по делам религий МК РК // www.normativ.kz
- 4 Постановление Правительства Республики Казахстан от 7 февраля 2012 года № 2091 «Об утверждении Правил проведения религиоведческой экспертизы и о признании утратившими силу некоторых решений Правительства Республики Казахстан» // www.kazpravda.softdeco.net

Л.К.Аренова

Діни сараптама: өндірістің көкейкесті сұрағы

Мақалада ең өзекті мәселе болып табылатын діни сараптама сұрағын зерттеуді психологиялық-криминалистикалық тұрғыдан ғана емес, сондай-ақ оны теориялық, көп жағдайда тәжірибелік тұрғыдан қарастырған жөн. Бұл көзқарас зайырлы мемлекетке сенім мен діни көзқарастардың ықпал ету дәрежесін, сонымен қатар әлеуметтік ортадағы адамның мінез-құлқы өзгеріске ұшырап қалыптасуын, себебі бұлар діни-экстремистік және лаңкестік бағытта жасалған қылмыстардың басты өлшемдері болып есептелгендіктен, анықтауға мүмкіндік береді. Бұл тұрғыда діни сараптаманы тағайындау мен өндіріске алу негізгі болып табылады.

Л.К.Аренова

Религиоведческая экспертиза: актуальные вопросы производства

В статье отмечено, что исследование вопросов религиоведческой экспертизы целесообразно рассматривать с психолого-криминалистических позиций в связи не только с их теоретическими аспектами, но и, в большей степени, с их практической значимостью. Доказано, что данное положение позволяет определить степень влияния религиозных воззрений и веры на светское общество, а также на формирование и изменение поведения человека в социальной среде. Назначение и производство религиоведческой экспертизы доминирующих элементов психолого-криминалистической характеристики преступлений террористической и религиозно-экстремистской направленности являются основными, так как определяют соответствие ее объектов национальному перечню запрещенных религиозных объединений.

References

- 1 *According to the official site www.knb.kz*
- 2 *Dictionary of foreign words. Edition of 13, Moscow «Russian Language» in 1986, p. 308.*
- 3 *According to the National Centre for Culture and religion Agency for Religious Affairs Republic of Karelia.*
- 4 *Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan dated February 7, 2012 № 2091 «On Approval of the Rules of the religious examination and invalidation of certain decisions of the Government of the Republic of Kazakhstan».*

M.Gergovsky

Sofia University, Bulgaria (E-mail: www200762@mail.ru)

Psychological diagnosis of the criminal behavior and risk assessment among homicide (men and women)

This study is the psycho-diagnostic analysis and risk assessment of criminal behavior of offenders of the homicide, both of men and women in Bulgaria. It examines: 1) the demographic characteristics of these offenders of both sexes, as well as corresponding sentences under legislation (the Bulgarian Criminal Code); and 2) problems considering mainly the aspects of the offenders personalities, their motivation and behavior based on the MMPI-2 and survey. Parallel to this analysis is made an attempt for predicting the probability of serious social damage/recidivism of the above mentioned offenders on the basis of two American models («HCR – 20» and «SARA») of risk assessment. The results show that their crimes were realized due to the negative socio-economic conditions in which our country (i.e. Bulgaria) is in conjunction with their disharmonious interactions.

Key words: psycho-diagnostic analysis, homicides, offenders, criminal psychology, victims of violence, witnesses.

The current work is an attempt for doing a comparative psycho-diagnostic analysis and risk assessment among offenders of homicides, both male and female, in situational aspect. Problems considering mainly the aspects of the offenders personalities, their motivation and behavior are analyzed in the paper. Parallel to this analysis is made an attempt for predicting the probability of serious social damage/recidivism of the above mentioned offenders on the basis of two models of risk assessment (by applying American instrumentation). Therefore, an integral and corresponding review of the criminologists and criminal psychologists' publications is made, and the paper also contains citations related to important particularities of the criminal behavior of committers of specific crimes.

Relevance. The problem of the identity of the offenders of the homicide is among the most relevant in the criminal psychology and has a particular place of a world-wide scale in the theory of criminal personality. The scientific interest is oriented to the process of formation of the individual and the disclosure of the worst factors of criminality that influence its formation process.

The number of the annually convicted (2001–2011 y.) for homicide in Bulgaria has the average of 193 cases [1], out of which 180 men and 13 women. Those data show that the ratio of the homicides, according to the sex of their offenders, is 14:1 for the men.

Definition of homicide according to the Bulgarian Criminal Code is «taking the life of one person by another». The same definition is applied in the USA, while in FBI is applied the Megargee' definition (1982:94): «Murder is the unlawful taking of human life. It is a behavioral act that terminates life in the context of power, personal gain, brutality, and sometimes sexuality» [2]. However, the juridical definition of homicides in the USA reads differently [3] — «The criminal act need not be the sole cause of death, but only a recognizable causal factor. The legal definition of homicide also requires that the death occur within a year and a day from the time the injury was inflicted». And in the UK the suicide is also considered a homicide [4].

1. Chronology of research. In 1928 in the USA (Illinois State) is introduced the assessment of criminal offences or recurrence as a method for predicting future crimes. Presented in such way, the «risk assessment» is recorded with consistently integrating the prognosis of recurrence and planning the sentence of the convicted [5]. The risk assessment was quickly implemented by psychological and clinical institutions subject to the justice system.

Similar is the approach of Marvin Wolfgang, in a study of two groups of young people (born in 1945 and in 1958 in Philadelphia) — described is the accidental (situational) offense [5]. That study presents the relations of factors for recidivism and the initiation of stricter sanctions for antisocial crimes and their reduction.

In this respect, the future risk of violent behavior is important from a legal prospect. In practice, predicting the likelihood of future violence will limit the release in society of those convicted for homicide.

Court juries, in serious criminal cases, take into consideration whether a convicted killer presents him/herself as a future danger [6]. Psychologists are required to have the right competence for predicting the risk in relevance to the specific legal context.

The first studies of «risk assessment» are done by the American Psychiatric Association (1970–1971), which claims that the «risk assessment» in psychiatric clinics is subjective. On this basis, psychiatrists are against the «risk assessment» — «it was not ethical» [7] or «the precision of the evaluation is subjective» [8]. In later studies were introduced more precise methods for both short-term forecasts (with greater accuracy) for possible damages and also for long-term forecasts for possible violent actions [9].

2. The system for «risk assessment» (introduced in 2002 in Bulgaria) determines the probability of a convicted to re-offend [10]. The system indicates the degree of risk in causing serious damage to the very person or to others. Costanzo and Krauss arrive to the same conclusion.

«The risk assessment» for committing new crimes marks the «zone of needs» [11]. It is the anti-criminogenic needs of the convicted which must be satisfied in order to prevent future criminal behavior. The risk degree is composed by static (past and present criminal offense) and dynamic (alcohol and drug abuse, emotional or psychological factors, interpersonal behavior and way of reasoning) risk indicators. Static risk indicators result from the socio-economic conditions. In behavioral aspect, static is the «psychopathic» aspect of behavior, and dynamic are «impulsiveness» and «irresponsibility».

3. Methodology for «risk assessment» of convicted with a final sentence enforced. For assessing the risk we have applied the following methodologies: 1) «Historical Clinical Risk Management – 20» (HCR-20); and 2) SARA (Spousal Assault Risk Assessment). HCR-20 belongs to the structured professional judgment (SPJ) models for «risk assessment» with reference to violence (Webster, Douglas, Eaves, & Hart, 1997), similar is SARA (the assessment is done after single offence cases and is not considered as a recurrence, but only as social damage). In both instrumentations, the «static» and «dynamic» factors which influence the situational dynamics are measured. In addition, those measurements do not have a specific time frame requirement where during a specified period the predicted criminal behavior of the convicted could occur. The researcher is not obliged to summarize the various categories. Therefore, he/she can choose to give higher value to a certain factor which he/she considers appropriate for each item [6]. Both instrumentations are suitable for MMPI-2.

The information accumulated for each convicted is to certain degree subjective and it is necessary to interpret it professionally in order to design a faithful profile of the needs, the risk of recurrence/re-offence and possible harms [12].

4. Research base.

During the research of offenders homicide (men and women) were used (participants are between 22 and 74 years old): analysis of the archives, MMPI-2, survey and non-standard interview [13].

5. Respondents.

The respondents in the current work are as follows: convicted males for homicide (experimental group) residing in the Central Sofia Prison and convicted females for homicide (control group) residing in the prison in the city of Sliven.

5.1. Demographic data.

The respondents were 61 in total — 45 men (73,8 % of the population) and 16 women (26,2 % of the sample). Their age is between 22 and 74, and among the women, between 25 and 64. The majority (more than 70 %) of those convicted was born or are residents of the capital-city Sofia.

5.1.1. General characteristics.

5.1.1.1. Family status. The respondents fall into four groups: 1) single — 28 respondents (45,9 %); 2) married — 23 respondents (37,7 %); 3) divorced — 4 respondents (6,6 %); and 4) widows/widowers — 6 respondents (9,8 %).

5.1.1.2. Respondents with heirs. Sector distribution according to the parameter. Respondents with children are 24 (39,3 %), and those childless — 37 (60,7 %).

5.1.1.3. Professional occupation. The data presented (profession/occupation — income providers) refer to the before-the-crime period — 37 respondents (60,7 %) were employed, and 24 respondents (39,34 %) were unemployed.

Educational level. Sector distribution according to the parameter: 1) with «incomplete primary school education» — 4 respondents (6,6 %); 2) with «primary school education» — 6 respondents (9,8 %); 3) with «secondary school education» — 24 respondents (39,3 %); 4) with «high school education» — 19 respondents (31,1 %); and 5) with «vocational high school education» — 8 respondents (13,1 %).

5.1.1.5. Distribution of the respondents under Criminal Code (BG).

5.1.1.5.1. Perpetrators of crimes under Art. 115 of the Bulgarian Criminal Code (article 96, vol.1, Criminal Code of the Republic of Kazakhstan). There are 30 respondents that fall into this group (49,2 %). They have a relatively unstable family ambience. Do not feel guilt with reference to their crime.

5.1.1.5.2. Perpetrators of crimes under Art. 116 of the Bulgarian Criminal Code (article 96, vol. 2, Criminal Code of the Republic of Kazakhstan) [14]. The group is composed by 29 respondents (47,5 %). Among the majority is observed an unstable family ambience. Do not feel guilt with reference to their crime.

5.1.1.5.3. Perpetrators of crimes under Art. 118 of the Bulgarian Criminal Code (article 98, vol. 1, Criminal Code of the Republic of Kazakhstan). The group is composed by 2 respondents (men — 3,3 %) at the age of 67. Had a balanced family ambience. Do not feel guilt with reference to their crime.

6. Empirical data resulting from the current research and result analysis.

According to the above mentioned, the objective of the current research is connected to the personality typology of the homicide and the designing of a summarized personality profile of those convicted for homicide.

6.1. Results under MMPI-2.

For the entire population of homicide offenders, the following behavioral and personal characteristics can be observed: the crime committers possess a clear organization (psychopathic tendencies — 52.5 %) in relation to planning their lifestyle. This indicator represents the persistency of their leadership antisocial actions (among some even pathological) against the social norms. Dementia does not define a situational behavior or attitudes of the respondents. With reference to dementias, it could be claimed that «neuroticism» (55,7 %), «schizoid» (52,5 %) and «social self-perception» (57,4 %) are elements of their anti-norms personal disposition (external locus of control; emotional rigidity, limited friends' environment, stubbornness reaching the levels of rigidity, which corresponds to autonomy and pretensions; egocentric; restless, unstable, wayward and irritable, which behavior stimulates their aggressiveness/hostility in their interactions and various situations) and emotional focusing under stress.

6.2. Results of the interview questionnaire

The experienced violent actions by crime committers we describe in two categories: victims and witnesses. In both categories, we distinguish five types of violence against them: «threats», «slapping, hitting, punching», «beatings» and knife/firearms attacks.

6.2.1. Experienced home violence.

The corresponding share of the respondents which provided data is within the range 23 % to 37,7 % from the sample.

Comparative characteristics. The victims of the three types of home violence have a more pronounced share than the witnesses. The male sample has prevalence among those subjected to «threats» and «slapping, hitting, punching» in both categories; in the female sample it prevails only among the victims of «beatings», differently from the male who were greater among the witnesses.

As for the frequent acts of violence (in corresponding shares among the respondents) data are as follows: 1) daily violence — the majority of victims are women, and the witnesses — men; 2) frequent acts of violence — prevail the female victims of violence, and among men — the witnesses; and 3) casual acts — the victims of violence and witnesses are mainly from the male population. The female population is most often a victim of violence by the father or husband; but witnesses mainly see violent acts by the father towards the mother. Among the males — victims of violence and witnesses of violent actions by the father.

6.2.2. Experienced violence at school.

The corresponding share of the respondents which provided data is within the range 3,3 % to 32,8 %.

Comparative characteristics. The victims of violent actions in school environments are significantly less than the witnesses in the corresponding share. In both categories are prevalent the males.

The data at frequent acts of violence (in corresponding share of the respondents) are: 1) daily — women have prevalence in both categories: victims of violence and witnesses; 2) frequent acts of violence — are observed only among the male sample where among the victims of violence, prevalent acts are «slapping, hitting, punching» and among the witness — the «threats» and «slapping, hitting, punching»; and 3) casual acts — the victims and witnesses are mainly from the male population in the three types of violence. The perpetrators of violent acts are classmates of the convicted.

6.2.3. Experienced violence in the community/headquarter.

The corresponding share of the respondents which provided data is within the range 8,2 % to 23 %.

Comparative characteristics. The victims of violent acts in their community are less than the witnesses in corresponding shares. In the three types of violent acts, the male sample is prevalent.

For the frequent acts of violence (in corresponding share of the respondents) the data are as follows: 1) daily — the female group has prevalence both as victims of violence and witnesses; 2) frequent acts of violence — it is observed only in the male group — victims of violence and witnesses; and 3) casual acts — prevalence has the male sex in the three types of violent forms — victims of violence and witnesses. The perpetrators of violent acts in the majority of cases (more often among the men) are acquaintances, followed by friends, neighbors and strangers.

6.2.4. Experienced Violence resulting from knife attacks.

The corresponding share of the respondents which provided data is within the range 13,1 % (witnesses) to 24,6 % (victims).

Comparative characteristics. The victims of violence of knife attacks have a greater corresponding share than the witnesses of similar attacks. The male group has prevalence in both categories.

For the frequent acts of violence (in corresponding share of the respondents) the data are as follows: 1) daily — victims only among the male group; 2) frequent acts of violence — it is observed only among the male group for the witnesses, and among the victims the number of cases is equally distribution between the two sexes; и 3) casual acts — prevalence has the male sex where the victims of violence are more than the witnesses. The same ratio refers to the female sex.

6.2.5. Violence experienced as a result of a firearm attack.

The corresponding share of the respondents which provided data is within the range 13,1 % (witnesses) to 23 % (victims).

Comparative characteristics. The victims of firearm attacks have greater corresponding share than the witnesses of such attacks. The male population has prevalence over the female one in both categories.

For the frequent acts of violence (in corresponding share of the respondents) the data are as follows: 1) frequent acts – it is observed only among the victims of violence, and its occurrence is equally distributed among the two sexes; and 2) casual acts — prevalence has the male sex where the victims are more than the witnesses. The same is valid for the female sex.

Conclusions. Based on the quantitative data we could claim that the main factor generating violence among the offenders of homicide, and which is also reflected into their personality, emotional and social adaptability to social norms, is their disharmonic family environment. Their criminal behavior is a lot less influence by factors outside the family world (school and neighborhood ambience). Nevertheless, it should be mentioned that violence in the school and neighborhood ambience influences not only the educational status of the offenders, but also their raising, their value system formation and their way of life. Those two types of environments, among some of the convicted have led to the forming of antisocial behavior, self-interested determination in interactions with people, use/abuse of alcohol/amphetamines. Among 1/6 of the convicted it is observed that they had lived in a misbalanced ambience (family, school and society). According to the above presented data, homicide offenders were attacked more often with knives than with firearms.

6.3. Data on «Risk assessment».

The «Risk assessment» values of the risk among homicide offenders is calculated accumulating a sum of values that mark corresponding levels (low, medium, high) where as base reference is the «HCR – 20» and for comparative values — «SARA». The accumulated sums could mark two levels, where the higher and correspondingly the lower value depend on the particular profile of the offender. For this reason, for example, with a value of 19 in «HCR – 20» an offender could have a medium risk level, whereas another — with a higher value. It is due to the type of selected methodology factors.

6.3.1. Results in «HCR – 20».

The information presented is on the following historical criteria: historical factors, clinical factors and risk management.

Conclusions. Based on the data accumulated we could claim that in their majority, homicide offenders with high probability will reoffend again and will demonstrate future criminal behavior, where the male population predominates. Recidivism is possible mainly among the convicted of clear asocial/antisocial and/or hooligan lifestyle, in particular when released. The conclusion comes in contrast to social damage, where the re-offence is possible also due to provocation/frustration in situational aspect regardless of the fact whether the respondent is in prison or free (mainly due to lack of emotional, personality and social maturity of the convicted).

6.3.2. Results according to «SARA».

The data presented is on the following criteria: criminal past, psychological-social relations, history of husband-wife interactions, present/following crimes, other considerations (specification of all risk factors that are not classified elsewhere) and risk of partner's violence. As shown above, in accordance to the SARA methodology, we have analyzed victims who have experienced partner's violence, regardless of whether the victim is their spouse/an intimate partner.

The data gathered include 14 (23 %) respondents, and there are 8 (13,1 %) female and 6 (9,8 %) male respondents.

Conclusions. The majority of homicide offenders show low probability for a future violent act against their spouse/intimate partner, and the female population is predominant. At the other extreme is the male sample that in their future intimate contacts would do violent acts. Based on those characteristics we can assume that regardless of the smaller share of males (due to missing data on husband-wife interactions), the probability of their future, social damage offence is higher.

Characteristics. In both methodologies for «risk assessment» at the high scale levels predominant is the male group with equal value coefficients. In «SARA» only of the male convicts (aged 26 and 63) showed high coefficient values (value of 20–23) for a future violent re-offence. Both individuals in «HCR-20» have greater coefficient values (25 and 24 correspondingly), which describes them as highly probable future violent/offenders despite the environment where they would «correct» their criminal behavior. Based on the data, we can confirm the conclusions of both instrumentations that homicide offenders of male sex, under the influence of their personality, emotional and social immaturity, in combination with relatively low education levels, social stats, damaged family and friends' ambience, when unemployed can do very serious social damage and probably recidivistic acts.

The problems connected to the criminal behavior of homicide offenders needs a profound and systematic consideration. Psychological anomalies and deformations in interpersonal relations which have led to a similar criminal act often cannot be seen as single acts or from a single/constant point of view because their crimes are due mainly to the negative social-economic conditions present in our state, i.e. Bulgaria, in combination with their disharmonic interaction. For this reason, more than 1/3 of the presented population has committed crimes only in their personal interest.

The psychological diagnosis in various typologies, based on the analyses of criminal behavior, results from their historical significance and specific application for our specific aim to understand the various types of criminal behaviour in their social and situational aspect.

Criminalization in early age. They youngsters commit criminal acts, on one hand, due to personality (egocentric type of motivation) or emotional immaturity (negative I/self-image and misbalance of the functioning self-assessment in combination with alcohol and/or amphetamines abuse), and on another — due to lack of adequate influence for them of socially acceptable behavior. They result from a disharmonic social identity initiated by deteriorated social (mainly family and less school or community) relations in combination with low education levels and low professional realization. The above mentioned negative characteristics are less present among the adults (lack of family balance in combination with alcohol abuse) and more common among the young (up to 36) which confirms the age for which are typical asocial (accompanied by amphetamines use) and antisocial acts. However, among those convicted, the majority are of Gypsy origin (among both sexes). The personality integrated units presented here express themselves in socially dangerous behavioral models and have continuous criminal career, especially among the male sample convicts having past sentences for violent acts (hooligan acts and thefts).

Educational level. The majority (above 55 %) of the group have not completed Secondary school as educational level. The majority of the convicts are between 23 and 40 for both sexes. More than 60 % (37 respondents) of the homicide offenders have worked and possess professional qualification/occupation, where the unemployed of almost permanent lack of employment, which can provide the existential minimum for their social survival, are less than 40 % (24 respondents); such lack of employment has been the indicator of confrontation in their interactions.

Isolation is a source of catalysis to the problems of personality and psychological health among the homicide offenders. The research has shown an extremely worrying picture of problems in the personality characteristics of the convicted — hostile attitudes, schizoid, aggressive behavior, lack of skills to combat

anger; lack of skills for comprehending their problems, for reasoning with reference to the possible consequences of their behavior. Among some of them is observed a clear permanent presence of self-organization combined with leadership skills when it comes to planning their asocial/antisocial way of life. The essential role in forming/developing criminal behavior is that of the social influences (as a negative factor — criminal surroundings, as a positive — therapeutic programmes) modelling such behavior formation. Among the convicts is typical a misbalanced family environment and disharmony in interpersonal relations. The already mentioned negative personality characteristics also result, for some of the convicts, from the difficult socialization among the various respondents and that generates conflicts. Some of the homicide offenders, in particular those of male sex, benefit by the above mentioned European directives (state financial support) and see the prison as a free-of-charge hotel/pension with all its advantages instead of leading a full of insecurities life in society.

During the recent years, the treatment of these people has improved greatly, not only in terms of medical cure but also as correction-therapeutic programs in cognitive-behavior model; homicide offenders also participate in those programs.

The risk assessment with reference to future social damage and recidivism in social aspect depends on the differences and characteristics of the various social groups. The factors that influence future, social damage acts and, in extreme cases, re-offences, in our state, Bulgaria, are the following: lack of guilt for the current or past crimes, especially if done out of self-interested or hooligan motives, lack of harmony in the home/family ambience (lack of a partner and/or permanent housing) and missing perspectives for professional occupation. In the light of the description presented in the present research, the probability value of the assessment under «HCR-20» of high values is in the range of 19–30, which shows a tendency of above average to high level of probability for future, social damage acts and possible re-offence. The value coefficients are typical for more than 45 % of the total population where dominant are the males, and those values refer to homicide offenders of all age groups.

References

- 1 29.11.2013 г. 18,30 h. <http://www.nsi.bg/otrasal.php?otr=25&a1=839&a2=840&a3=848&a4=853#cont>
- 2 Douglas J.E., Burgess A.W., Burgess A.G., Ressler R.K. (2006). *Crime Classification Manual: A Standard System for Investigating and Classifying Violent Crimes*. Jossey Bass, San Francisco, CA.
- 3 Brown S.E. Esbensen, Finn-Aage, & Geis, G. (1991/2010). *Criminology: Explaining crime and its context* (7th ed.). Lexis Nexis, Anderson Publishing. New Jersey. USA. — P. 393.
- 4 Allen & Simonsen (1998) in Crissman, J.K. (2003). «Homicide, Definitions and Classifications of». <http://www.deathreference.com/Gi-Ho/Homicide-Definitions-and-Classifications-of.html>
- 5 Holley G., Ensley D. (2002). Recidivism. In D. Levinson (Ed.) *Encyclopedia of Crime and Punishment* (Vol. 3). Sage Reference Publications, International Educational and Professional Publisher Thousand Oaks. London. — P. 1352–1357.
- 6 Costanzo M., Krauss D. (2012). *Forensic and legal psychology: psychological science applied to law*. Worth Publishers. New York.
- 7 Hayes R., Barnett M., Sullivan D., Nielsse O., Large M., Brown C. (2009). Justifications and rationalizations for the civil commitment of sex offenders. *Psychiatry, Psychology and Law*, 16. — P. 141–149.
- 8 Edens J., Buffington-Vollum J., Keilin A., Roskamp P., Anthony, C. (2005). Predictions of future dangerousness in capital murder trials: Is it time to disinvent the wheel? *Law and Human Behavior*, 29. — P. 55–87.
- 9 Lieberman J., Krauss D., Kyger M., Lehoux M. (2007). Determining dangerousness in sexually violent predator evaluations: Cognitive-experiential self-theory and juror judgments of expert testimony. *Behavioral Sciences & the Law*, 25. —P. 507–526.
- 10 Professional methodology and documentation on the implementation of evaluation of the offender in the execution of punishments. (2004). «Prison», Bk 4. Sofia.
- 11 Campbell. T.W. (2007). *Assessing Sex Offenders: Problems and Pitfalls*. Second ed. Charles C. Thomas. Publisher, LTD. Springfield. Illinois. USA.
- 12 Ganchevski B. (2011). *Psychodiagnostics on criminal behavior*. Publishing House «Albatross». Sofia.
- 13 Flannery D.J., Singer M.I., van Dulmen, M., Kretschmar J.M., Belliston L.M. (2007). Exposure to violence, mental health, and violent behavior. In D.J. Flannery A.T.Vazsonyi, I.D.Waldman, (Eds). *The Cambridge handbook of violent behavior and aggression*. Cambridge University Press. New York. USA.
- 14 29.11. 2013 г. 19, 30 h. http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1008032&sublink=960000

М.Герговский

Қылмыстық іс-әрекеттің психологиялық диагностикасы және қылмыскерлер (ерлер және әйелдер) арасындағы тәуекелге баруды бағалау

Мақалада Болгариядағы қылмыстық тәртібімен қылмысқа кінәлі ер және әйелдердің психологиялық-диагностикалық талдау мен тәуекелге баруы бағаланған. Сонымен қатар 1) заңнамаға сәйкес (Болгарияның Қылмыстық кодексі) екі жынысты қылмыскерлердің демографиялық сипаттамасы; 2) тұлғалардың ерекшеліктері, олардың мінез-құлығы, ынталарына байланысты сұрақтар қарастырылған. Тәуекелге баруды бағалау үшін «HCR – 20» және «SARA» американдық үлгінің нәтижелері көрсетілген.

М.Герговский

Психологическая диагностика преступного поведения и оценка рисков среди убийц (мужчин и женщин)

В статье даны психолого-диагностический анализ и оценка рисков, связанных с преступным поведением лиц (мужчин и женщин), виновных в убийствах в Болгарии. Рассмотрены: 1) демографические характеристики преступников обоих полов, а также предложения в соответствии с законодательством (Уголовный кодекс Болгарии); 2) вопросы, связанные, главным образом, с особенностями их личности, мотивации и поведения. Показаны результаты использования американской модели («HCR – 20» и «SARA») для оценки риска, свидетельствующие о воздействующей роли социально-экономических условий.

УДК 340.134:347.963

Р.М.Жамиева¹, В.Е.Сухотерин¹, Б.А.Жакупов²¹Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова;²Карагандинская академия им. Б.Бейсенова МВД РК (E-mail: roza_mus@mail.ru)

Некоторые вопросы законодательного регулирования прокурорского надзора в Казахстане

В статье проанализировано действующее законодательство с точки зрения соблюдения норм юридической техники, ясности в используемых дефинициях. Рассмотрены направления и отрасли прокурорского надзора, их связь с предметом надзора. Отмечено, что на разных этапах развития законодательства о прокурорском надзоре они прямо или косвенно находили отражение в самом тексте законодательного акта, но формулировка была различной. Исследовано содержание деятельности прокуратуры, сущности и задачи прокуратуры и прокурорского надзора, предмет и объект прокурорского надзора с позиций законодательного регулирования этих понятий. Показаны выявленные в Законе «О прокуратуре Республики Казахстан» недостатки с точки зрения использования юридического языка и несоответствия некоторых положений Конституции РК.

Ключевые слова: прокурорский надзор, направления деятельности прокуратуры, отрасль прокурорского надзора, объект и предмет надзора, сущность и цели надзора.

Действующий Закон Республики Казахстан «О Прокуратуре» [1] отражает конституционные основы о сущности и задачах прокуратуры и прокурорского надзора. Статья 4 анализируемого закона закрепляет основные направления и содержание деятельности органов прокуратуры. На разных этапах развития законодательства о прокурорском надзоре основные направления деятельности прокуратуры прямо или косвенно находили отражение в самом тексте законодательного акта, но их формулировка была различной. Например, в «Положении о прокурорском надзоре в СССР» от 24 мая

1955 г. [2] в ст.3 было закреплено: «Генеральный прокурор СССР и подчиненные ему прокуроры осуществляют возложенные на них задачи путем: 1) надзора за точным исполнением законов всеми министерствами и ведомствами, подчиненными им учреждениями и предприятиями, исполнительными и распорядительными органами местных Советов депутатов трудящихся, кооперативными и иными общественными организациями, а равно надзора за точным соблюдением законов должностными лицами и гражданами; 2) привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступлений; 3) надзора за соблюдением законности в деятельности органов дознания и предварительного следствия; 4) надзора за законностью и обоснованностью приговоров, решений, определений и постановлений судебных органов; 5) надзора за законностью исполнения приговоров; 6) надзора за соблюдением законности содержания заключенных в местах лишения свободы». Нетрудно убедиться, что в приведенной норме говорилось о направлениях прокурорского надзора, однако из ее буквального прочтения вытекает, что речь шла только о способах решения задач высшего надзора. На самом же деле, речь идет именно о направлениях, ибо отдельные главы данного Положения названы «Надзор за исполнением законов учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами», «Надзор за исполнением законов в деятельности органов дознания и предварительного следствия», «Надзор за законностью и обоснованностью приговоров, решений, определений и постановлений судебных органов», «Надзор за соблюдением законности в местах лишения свободы».

В Законе о прокуратуре СССР от 30 ноября 1979 г. [3] впервые на законодательном уровне была реализована попытка сформулировать основные направления деятельности прокуратуры. Статья 3 указанного Закона провозглашала, что «прокуратура СССР в соответствии с возложенными на нее задачами действует по следующим основным направлениям:

- надзор за исполнением законов органами государственного управления, предприятиями, учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами (общий надзор);
- надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия;
- надзор за исполнением законов при рассмотрении дел в судах;
- надзор за соблюдением законов в местах содержания задержанных, в местах предварительного заключения, при исполнении наказаний и иных мер принудительного характера, назначаемых судом;
- борьба с нарушениями законов об охране социалистической собственности;
- борьба с преступностью и другими правонарушениями, расследование преступлений, привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление, обеспечение неотвратимости ответственности за преступление;
- разработка совместно с другими государственными органами мер предупреждения преступлений и иных правонарушений;
- координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступлениями и иными правонарушениями;
- участие в совершенствовании законодательства и пропаганде советских законов».

Обращает на себя внимание, что при закреплении основных направлений деятельности органов прокуратуры законодатель не определил критерии, положенные в их основу. Отмечая это обстоятельство, С.Г. Березовская указывала, что «основные направления деятельности прокуратуры неравнозначны и могут быть классифицированы на четыре вида. Первый вид, включающий в себя первые четыре направления, представляет отрасли прокурорского надзора. Второй вид включает пятое и шестое направления, характерные для всей работы органов прокуратуры в борьбе с нарушениями законов об охране социалистической собственности и борьбе с преступностью. Седьмое и восьмое направления охватывают организационно-профилактические мероприятия и составляют третий вид основных направлений. Четвертый вид составляют два важных участка работы — участие в совершенствовании законодательства и участие в пропаганде советских законов» [4; 37, 38].

Первым на столь существенный недостаток законодательства откликнулся В.М. Савицкий, который подчеркнул: «Не вызывает сомнений, что при разработке любой классификации в основу ее должен быть положен один наиболее существенный критерий (признак). Если критериев несколько, то они утрачивают качество критерия, и классификация становится произвольной. Так произошло... и при выборе критерия для определения основных направлений прокурорской работы» [5; 24]. Полемизируя с С.Г. Березовской, В.М. Савицкий отмечал: «Как могут быть неравнозначны основные направления? Ведь основное — всегда основное и в этом смысле обладает абсолютно одинаковой цен-

ностью. Отмеченная автором... неравнозначность основных направлений свидетельствует только об одном: в ст. 3 Закона смешаны основные направления деятельности прокуратуры и различные пути и способы их реализации, что, конечно, далеко не одинаково по социальному содержанию» [5; 27, 28].

Мы столь подробно остановились на законодательном регулировании основных направлений деятельности прокуратуры советского периода, чтобы попытаться дать ответ на вопрос, учтены ли в Законе РК «О Прокуратуре» недостатки и ошибки законодательства тех лет. Отчасти мы должны дать утвердительный ответ, так как ст.4 рассматриваемого закона называется «Основные направления и содержание деятельности органов прокуратуры». Тем самым законодатель как бы объединил всю многогранную деятельность прокуратуры в указанные понятия «Основные направления» и «содержание деятельности» органов прокуратуры. Действительно, прокуратура осуществляет не только высший надзор за законностью в государстве, но и другие виды деятельности. Однако насколько удачным оказалось такое объединение? Для ответа на данный вопрос необходимо привести содержание ст. 4 Закона в редакции до 29.12.2010 г., когда в неё были внесены изменения и дополнения.

«В целях обеспечения верховенства Конституции и законов, защиты прав и свобод человека и гражданина, осуществляя высший надзор за точным и единообразным применением Конституции, законов и указов Президента Республики Казахстан и иных нормативных правовых актов, прокуратура от имени государства:

- 1) выявляет и принимает меры к устранению нарушений Конституции, законодательных актов и актов Президента Республики;
- 2) осуществляет надзор за законностью оперативно-розыскной деятельности, дознания и следствия, административного и исполнительного производства;
- 3) представляет интересы государства в суде;
- 4) опротестовывает законы и другие правовые акты, противоречащие Конституции и законам Республики;
- 5) в порядке и в пределах, установленных законом, осуществляет уголовное преследование;
- 6) формирует государственную правовую статистику с целью обеспечения целостности, объективности и достаточности статистических показателей, ведет специальные учёты, осуществляет надзор за применением законов в сфере правовой статистики и специальных учётов».

В преамбуле данной нормы были сосредоточены две важнейших категории: цели и сущность прокурорского надзора. Однако закономерно встает вопрос: здесь были закреплены цели органов прокуратуры или цели прокурорского надзора?

Дело в том, что прокуратура не в состоянии обеспечить верховенство Конституции и законов вне рамок осуществления прокурорского надзора. Только в процессе осуществления надзора за точным и единообразным применением Конституции и законов достигается цель обеспечения верховенства Конституции и законов. Вторая часть преамбулы, дееспричастный оборот «осуществляя высший надзор за точным и единообразным применением Конституции, законов и указов Президента Республики Казахстан и иных нормативных правовых актов», характеризовала сущность прокурорского надзора и способы достижения приведенной выше цели.

В самом тексте статьи обращают на себя внимание пп. 1 и 4. Прокуратура принимает меры к устранению нарушений Конституции, законодательных актов и актов Президента Республики в различных формах и различными способами: путем принесения протеста, внесения представления, предписания или разъяснения закона. Поэтому указание в п.4 о том, что прокуратура опротестовывает законы и другие правовые акты, можно считать излишним. Здесь можно было бы ограничиться лишь одним принципиальным положением о том, что прокуратура может опротестовывать законы в случае их противоречия Конституции РК. Немаловажно и то, что опротестование законов является не основным направлением деятельности прокуратуры или прокурорского надзора, а исключительным полномочием Генерального прокурора РК. Поэтому содержание п. 4 охватывается содержанием п. 1 ст. 4. Далее, при сопоставлении преамбулы данной нормы с отдельными ее пунктами мы приходили к выводу о серьёзных стилистических погрешностях. В частности, речь идет о тавтологии, когда в преамбуле используется дееспричастный оборот «осуществляя надзор», а п. 2 закрепляет, что прокуратура «осуществляет надзор за законностью оперативно-розыскной деятельности... и т.д.». Упрощая эти два положения, мы получаем: «Осуществляя высший надзор, ... прокуратура... осуществляет надзор». Но и это еще не все. В соответствии с Уголовно-процессуальным законом прокурор является стороной обвинения в главном судебном разбирательстве. «Прокурор, участвующий в рассмотрении уголовного дела судом, представляет интересы государства путем поддержания обвинения и является

государственным обвинителем» (п. 1 ст. 62 УПК РК). Однако, анализируя ст.4 Закона о прокуратуре, мы неизбежно приходим к выводу, что, осуществляя высший надзор, прокуратура представляет интересы государства в суде, т.е. представительство интересов государства в суде есть форма осуществления прокуратурой надзора, но никак не направление её деятельности. Мы уже отмечали, что деятельность прокуратуры включает в себя не только осуществление высшего надзора за законностью, но и иные виды деятельности. Например, формирование государственной правовой статистики является одним из направлений деятельности прокуратуры, но не прокурорского надзора. Однако, по мнению законодателя, этот вид деятельности прокуратуры является одним из направлений прокурорского надзора. Используя уже знакомый нам способ логического толкования, мы неизбежно прочитаем: «Осуществляя высший надзор, прокуратура...формирует государственную правовую статистику». Вывод очевиден: в будущем при разработке нового закона о прокуратуре нужно избежать отмеченных логических и стилистических недостатков анализируемой нормы.

Анализируемая ст. 4 Закона говорит об основных направлениях деятельности органов прокуратуры. Следовательно, можно предположить, что в деятельности прокуратуры имеются и другие, неосновные (факультативные?) направления. В связи с этим необходимо заметить, что ст. 9 Закона о прокуратуре предусматривает образование специализированных прокуратур, которые являются неотделимым элементом всей системы органов прокуратуры. Пункт 3 ст. 48 этого же Закона уточняет, что под специализированными прокуратурами понимаются военные, природоохранные, транспортные, а также прокуратуры специальных объектов. Иными словами, законодатель признает, что обеспечение законности в Вооруженных силах РК является одним из таких основных направлений деятельности прокуратуры, следовательно, требуется образование специализированной военной прокуратуры. Законодатель признает, что обеспечение законности в сфере применения природоохранного законодательства является одним из важнейших направлений деятельности прокуратуры — настолько важным, что предусматривает образование специализированных природоохранных прокуратур. Однако ст. 4 не называет эти направления основными, как, впрочем, и другие специализированные направления деятельности прокуратуры.

К числу направлений деятельности прокуратуры относилось и такое, которое по закону отнесено к компетенции Генеральной прокуратуры. В соответствии со ст. 12 Закона о прокуратуре Генеральная прокуратура взаимодействует с другими республиканскими правоохранительными органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и следствие, в обеспечении законности и правопорядка и координирует их деятельность. Однако было бы заблуждением утверждать, что взаимодействие с другими правоохранительными органами и координация их деятельности присущи только и исключительно Генеральной прокуратуре. Практически все нижестоящие прокуратуры выполняют аналогичную работу на своём уровне.

При анализе Закона о прокуратуре нельзя обойти вниманием еще один примечательный факт. Как известно, глава 4 Закона о прокуратуре регламентирует надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, интересов юридических лиц и государства. В данной главе закреплены задачи и пределы надзора, полномочия прокурора при осуществлении данного надзора. Причем изучение данной главы наводит на мысль о том, что рассматриваемый надзор является самостоятельным направлением прокурорского надзора, его отраслью. К сожалению, данное направление, являющееся, безусловно, основным, ст. 4 Закона о прокуратуре не рассматривала в качестве такового и даже о нем не упоминала. Этот парадоксальный факт отмечает и Е.С. Мерзадинов, который утверждает, что «выделение данного надзора в самостоятельный вид надзора, определение его задач и полномочий прокурора фактически означают, что он является одним из основных направлений деятельности на современном этапе, то есть составляет одну из его функций» [6; 15].

Ныне действующая редакция ст. 4 Закона РК «О Прокуратуре» закрепляет следующие основные направления и содержание деятельности органов прокуратуры: «В целях обеспечения верховенства Конституции и законов Республики Казахстан, защиты прав и свобод человека и гражданина прокуратура от имени государства:

- 1) осуществляет высший надзор за точным и единообразным применением Конституции, законов и указов Президента Республики Казахстан и иных нормативных правовых актов;
- 2) выявляет и принимает меры к устранению нарушений Конституции, законов, указов Президента Республики Казахстан и иных нормативных правовых актов;
- 3) опротестовывает законы и другие правовые акты, противоречащие Конституции и законам Республики Казахстан;

- 4) осуществляет надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, законных интересов юридических лиц и государства;
- 5) осуществляет надзор за законностью оперативно-розыскной деятельности;
- 6) осуществляет надзор за законностью дознания и следствия;
- 7) осуществляет надзор за законностью административного производства;
- 8) осуществляет надзор за законностью исполнительного производства;
- 9) участвует в нормотворческой деятельности государственных органов в пределах своей компетенции;
- 10) представляет интересы государства в суде;
- 11) в порядке и пределах, установленных законом, осуществляет уголовное преследование;
- 12) формирует государственную правовую статистику с целью обеспечения целостности, объективности и достаточности статистических показателей, ведет специальные учеты, осуществляет надзор за применением законодательства в сфере правовой статистики и специальных учетов;
- 13) координирует деятельность по обеспечению законности, правопорядка и борьбы с преступностью;
- 14) осуществляет надзор за применением законов в сфере международного правового сотрудничества;
- 15) осуществляет иные функции, определенные настоящим Законом, иными законами Республики Казахстан и актами Президента Республики Казахстан».

Как видно, действующая редакция ст. 4 Закона РК «О Прокуратуре» носит более развернутый характер, включает в себя новые положения, в определенной мере раскрывающие многогранную деятельность органов прокуратуры на современном этапе. Вместе с тем, отмечая вполне определенные недостатки, о которых говорилось выше, часть которых сохранилась и в новой редакции (деятельность специализированных прокуратур по-прежнему не относится к основным направлениям), находим, что в анализируемую норму включен новый термин — «функции», что ещё более порождает вопросы.

В Законе РК «Об административных процедурах» от 27.11.2000 г. (по состоянию на 21.07.2011 г.) [7] в п. 2–1 ст. 1 закреплено: «Под компетенцией государственного органа понимается совокупность установленных полномочий государственного органа, определяющих предмет его деятельности;

под задачами государственного органа понимаются основные направления деятельности государственного органа;

под функциями государственного органа понимается осуществление государственным органом деятельности в пределах своей компетенции».

Первый вопрос, который неминуемо возникает при сопоставлении данной нормы с названием ст. 4 Закона РК: что же закреплено в ст. 4 — направления деятельности прокуратуры или её задачи? Во-вторых, если п.15 говорит об осуществлении «иных функций», то, вероятно, положения предыдущих 14 пунктов также являются функциями и название данной статьи должно звучать по-другому — «Основные задачи и функции прокуратуры», «Компетенция прокуратуры»?

Указанными недостатками в определении основных направлений деятельности прокуратуры, на наш взгляд, их перечень не исчерпывается, налицо вполне определенные недостатки языка Закона РК «О Прокуратуре».

Поясним сказанное на примерах. В теории прокурорского надзора отчетливо прослеживается различный подход в определении объекта и предмета надзора. При таких условиях, как нам кажется, нужно было крайне осторожно оперировать спорными понятиями и стараться избегать их включения в текст закона. Однако некоторые главы, регламентирующие вопросы осуществления прокурорского надзора в различных отраслях, такие как «Надзор за оперативно-розыскной деятельностью», «Надзор за законностью следствия и дознания», «Надзор за законностью административного производства», «Надзор за законностью исполнительного производства», начинаются со статей, посвященных определению содержания и предмета надзора в данных направлениях. Обращает на себя внимание название главы 6 «Надзор за оперативно-розыскной деятельностью». Здесь, безусловно, мы обнаруживаем искажение ст. 83 Конституции РК, ст.ст. 1 и 4 Закона РК «О Прокуратуре», в соответствии с которыми прокуратура осуществляет надзор за законностью оперативно-розыскной деятельности, а не за самой оперативно-розыскной деятельностью. Из названия главы исчез ключевой термин «законность», отражающий сущность прокурорского надзора, и смысловое содержание данного направления прокурорского надзора потеряло логическую форму, а пределы надзора в данной отрасли утрати-

ли свое очертание. С целью приведения данного положения в соответствие с Конституцией РК Законом РК от 29.12.2010 г. название главы 6 Закона РК «О Прокуратуре» было совершенно справедливо изменено на «Надзор за законностью оперативно-розыскной деятельности».

Далее, ст. 34 Закона о прокуратуре, регламентируя содержание и предмет надзора за законностью оперативно-розыскной деятельности, достаточно верно, на наш взгляд, отражает теоретические аспекты о предмете надзора. Но уже в ст. 37, посвященной правовой регламентации содержания и предмета надзора за законностью следствия и дознания, в недоумении читаем, что прокурор осуществляет надзор за законностью актов и деятельностью органов дознания и следствия. Здесь с сожалением вновь приходится напоминать, что понятия «деятельность» и «законность деятельности» — это совершенно разные по своему этимологическому, смысловому, логическому и сущностному значению понятия. Потребовалось 15 лет с момента принятия Закона РК «О Прокуратуре», чтобы привести содержание ст. 37 в соответствие с теоретическими основами прокурорского надзора и Конституцией РК.

Отдельно необходимо сказать о таком направлении прокурорского надзора, как «Надзор за законностью административного производства» в связи с организацией административных судов в нашей республике. Административные суды призваны рассматривать дела об административных правонарушениях, а также заявления о незаконных актах и действиях органов исполнительной власти, в том числе жалобы на наложенные административные взыскания. Административные суды осуществляют правосудие в форме административного судопроизводства. Поэтому существующее направление рассматриваемого положения прокурорского надзора ставит прокуратуру в двусмысленное положение, ибо может сложиться мнение, что прокуратура в суде будет осуществлять надзор за законностью деятельности судов в форме административного производства, а это категорически недопустимо. Видимо, для наименования данного направления деятельности прокуратуры необходимо находить другие формулировки, чтобы не было никаких сомнений о независимости административных судов и судей, работающих в таких судах. Во-вторых, даже беглое ознакомление со ст.40 Закона РК «О Прокуратуре» приводит нас к выводу, что авторы главы о надзоре за законностью административного производства не были осведомлены о позиции разработчиков других глав проекта по вопросу о предмете прокурорского надзора и по-другому трактовали предмет прокурорского надзора. Можно упрекнуть депутатов парламента, не обративших внимания на очевидную нелепость. Только этим невразумительным объяснением можно было оправдать закрепленное в ст. 40 («Предмет надзора») положение, что «прокуратура осуществляет надзор за законностью административного производства в целях:

1) обеспечения точного и единообразного применения законодательства об административных правонарушениях, а также при рассмотрении дел и определении мер взыскания за совершенное административное правонарушение;

2) восстановления нарушенных прав и законных интересов человека и гражданина, должностных лиц и организаций при применении законодательства об административных правонарушениях;

3) обеспечения гражданам права на обжалование любого акта, связанного с производством по делам об административных правонарушениях;

4) принятия мер к виновным в нарушении законности при применении законодательства об административных правонарушениях».

Формулировки, закрепленные в настоящей статье, совершенно определенно показывают, что речь идёт именно о целях надзора в данном направлении прокурорского надзора, а не о предмете и содержании надзора. Именно поэтому ст. 40 данного Закона в редакции от 29.12.2010 г. стала называться «Цели надзора».

Следующий важный момент, на который необходимо обратить внимание при анализе Закона РК «О Прокуратуре», вытекает из содержания отдельных глав, регламентирующих основные направления деятельности органов прокуратуры. Только применительно к надзору за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, интересов юридических лиц и государства закон формулирует и закрепляет задачи надзора, а при регламентации других направлений задачи не указываются. Между тем в каждом направлении деятельности прокуратуры — надзор за законностью оперативно-розыскной деятельностью, надзор за законностью следствия и дознания, надзор за законностью административного производства, надзор за законностью исполнительного производства, уголовное преследование — закон закрепляет только полномочия. Очевидно, что полномочия предоставляются для решения конкретных задач, но каких именно, закон не уточняет. Эти задачи находят своё закреп-

ление в приказах Генерального прокурора РК отраслевого характера. Но насколько такой подход соответствует принципу законности в организации и деятельности органов прокуратуры? Тем более, что приказы Генерального прокурора Республики Казахстан отраслевого характера меняются с необъяснимой частотой и периодичностью.

На наш взгляд, было бы вполне правильным, чтобы при регламентации основных направлений деятельности прокуратуры в отдельных главах закона были зафиксированы задачи надзора в каждом направлении. В истории законодательства о прокуратуре подобная практика известна и критических недостатков в такой практике не наблюдалось. Для реализации данных предложений нет никаких препятствий. Напротив, учет высказанных недостатков и рекомендаций лишь придаст законодательству о прокуратуре стройность и логическую завершенность.

Список литературы

- 1 Закон Республики Казахстан «О Прокуратуре» от 21 декабря 1995 года № 2709 // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1995. — № 24. — Ст. 156.
- 2 Положение о прокурорском надзоре в СССР: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 мая 1955 года // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1955. — № 9. — Ст. 222.
- 3 Закон СССР «О прокуратуре СССР» от 30 ноября 1979 года // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1979. — № 49. — Ст. 843.
- 4 Прокурорский надзор в СССР: Учебник / Под ред. Б.А.Галкина. — М.: Юрид. лит., 1982. — 303 с.
- 5 *Савицкий В.М.* Об основных направлениях деятельности советской прокуратуры // Проблемы совершенствования законодательства об охране прав граждан в сфере борьбы с преступностью. — Ярославль, 1984. — С. 23–28.
- 6 *Мерзудинов Е.С.* Прокурорский надзор в Республике Казахстан за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. — Алматы: Баспа, 2001. — 160 с.
- 7 Об административных процедурах: Закон Республики Казахстан от 27 ноября 2000 года № 107-II // Ведомости Парламента РК. — 2000. — № 20. — С. 379.

Р.М.Жәміева, В.Е.Сухотерин, Б.А.Жақыпов

Қазақстандағы прокурорлық қадағалауды заңдылық реттеудің кейбір мәселелері

Мақалада әрекет етуші заңнаманы заңдық техника нормаларының сақталуы жағынан қолданылатын дефинициялардағы анықтылықтың сақталуы талданды. Прокурорлық қадағалаудың бағыттары мен салалары және олардың қадағалау пәнімен байланысы қарастырылды. Прокурорлық қадағалау туралы заңнаманың дамуының әр түрлі кезеңдерінде олар тікелей және жанама түрде заңдық актінің мәтіндерінде көрініс тапты, бірақ олардың тұжырымдамасы әр түрлі болды. Прокурорлық қызметтің мазмұны, прокуратураның және прокурорлық қадағалаудың міндеттері, заңдық әрекет етудің аясынан алғандағы прокурорлық қадағалаудың пәні мен объектілері зерттелді. «Қазақстан Республикасының прокуратурасы туралы» Заңда заңдық тілді қолданудағы кемшіліктер мен ҚР Конституциясының кейбір нормаларын қолданудағы сәйкессіздіктер анықталды.

R.M.Zhamieva, V.E.Sukhoterin B.A.Zhakupov

Legal bases of barrister's activities

The legislation currently in force is analyzed from the point of view of observance of legal technique's norms, observance of clearness in used definitions. Directions and branches of public prosecutor's surveillance their connection with a surveillance's subject are considered. It is noted, that they directly or indirectly found reflection in the text of the act at different stages of development of the legislation about public prosecutor's surveillance, but their formulation was various. The activity's contents of the Prosecutor's Office, the gist and the tasks' of it and of prosecutor's surveillance, its subject and object from position legislative regulations these concepts are researched. The lacks are come to light in the law «About Public Prosecutor's Office of Republic Kazakhstan» and are revealed from the point of view of use legal's language and discrepancy for some positions of Constitution RK.

References

- 1 *Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR*, 1995, 24, Article 156.
- 2 *Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR*, 1955, 9, Article 222.
- 3 *Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR*, 1979, 49, Article 843.
- 4 *Prosecutorial Supervision in the USSR: A Textbook* / Ed. B.A. Galkin, Moscow: Legal. lit., 1982, 303 p.
- 5 Sawitskii V.M. *Problems of improving the legislation about e protection of citizens' rights in the fight against crime*, Yaroslavl, 1984, p. 23–28.
- 6 Merzadinov E.S *Prosecutorial Supervision in the Republic of Kazakhstan for the rights and freedoms of man and citizen*, Almaty: «Baspa», 2001, 160 p.
- 7 *Bulletin of the Parliament of the RK*, 2000, 20, Article 379.

УДК 343:371.15

Б.Р.Сембекова

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова (E-mail: www200762@mail.ru)

Профессиональное общение как способ собирания и исследования доказательств

Статья посвящена вопросам раскрытия, расследования и предупреждения преступлений путем исследования методов, способов и средств установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, определения эффективных методов собирания, исследования доказательств для получения полной, объективной и достоверной информации в ходе поисково-познавательной деятельности субъектов доказывания. Автором в качестве эффективного метода собирания и исследования доказательств выделено профессиональное общение, которое определяется исследованием психологических механизмов воздействия на участников уголовного процесса.

Ключевые слова: процесс доказывания, криминалистические методы, профессиональное общение, оказание психологического воздействия, установление психологического контакта.

Профессиональная деятельность юриста обусловлена взаимодействием участников уголовного и гражданского процессов между собой как субъектов доказывания при реализации и принятии решений, определении методов, способов и средств обеспечения поисково-познавательной деятельности, создании условий для получения достоверной, полной и объективной информации, направленных на защиту прав государства, общества и гражданина. Решение профессиональных задач зависит от взаимодействия юристов как субъектов доказывания, как представителей власти, несущих ответственность за реализацию принципов справедливости, гласности и объективности при осуществлении правосудия, при производстве досудебного и судебного производства, при реализации прокурорского надзора, при проведении нотариальных сделок, при обеспечении права на защиту, предоставляя адвокатские услуги, и т.д. То есть сфера юридической деятельности многогранна, имеет процессуальный характер, обеспечивает правовое регулирование отношений взаимодействующих объектов, предметов и субъектов.

Обеспечение правового регулирования отношений в ходе профессиональной деятельности связано с определением форм и способов взаимодействия при решении организационных, коммуникативных, поисковых и удостоверительных задач, направленных на установление объективно-субъективных факторов любого события, явления и процесса. Эффективной формой взаимодействия при решении профессиональных юридических задач является общение, обеспечивающее получение информации для установления фактических данных, для определения условий и обстоятельств формирования и развития межличностных отношений, субъектно-объектных отношений, раскрывающих направленность действий субъектов взаимодействия.

Общение, как форма взаимодействия субъектов при решении профессиональных задач, обеспечивает выбор способов и средств получения достоверной, полной и объективной информации в ходе

установления обстоятельств, причин и условий совершения тех или иных действий или бездействий, причин и условий формирования и развития межобъектных и межсубъектных отношений. Одной из профессиональных задач юристов является доказывание, т.е. установление связей между обстоятельствами, совокупность которых составляет предмет исследования по каждому делу, которое определяется собиранием, исследованием, оценкой доказательств и использованием их с целью достоверного установления обстоятельств уголовного дела [1; 77].

Достоверность установления обстоятельств в процессе доказывания обеспечивается получением полной и объективной информации и ее обменом, для чего необходимы эффективные методы решения этих задач, одним из которых является общение. Общение как метод собирания и исследования доказательств способствует выявлению информационной базы, определению способов получения информации и обмена ею, созданию благоприятных условий для их реализации и применения познавательных процессов программирования, диагностирования, моделирования в ходе поисково-познавательной деятельности субъектов доказывания.

Итак, общение рассматривается как форма взаимодействия субъектов, как метод собирания и исследования доказательств, определяет условия и обстоятельства реализации и применения способов воздействия на участников уголовного процесса, получения достоверной, полной и объективной информации на основе исследования закономерных процессов отражения и проявления взаимодействующих объектов, предметов и субъектов. То есть профессиональное общение осуществляется на основе применения научно обоснованных приемов, способов и средств воздействия, которыми являются оказание психологического воздействия, установление психологического контакта, применение метода наблюдения, использование закономерных процессов формирования и развитие причинно-следственных отношений в механизме преступной деятельности.

Механизм преступной деятельности — это процесс отражения и проявления индивидуально-личностных свойств субъектов взаимодействия, характерных особенностей взаимодействующих объектов и предметов, информирующих о характере преступного деяния, для исследования которого необходимо использование психологических средств воздействия, таких как: оказание психологического воздействия, установление психологического контакта, применение метода наблюдения, раскрывающих системность и последовательность собирания и исследования доказательств. Психологи определяют общение как сложный многоплановый процесс установления и развития контактов между людьми, порождаемый потребностями в совместной деятельности и включающий в себя обмен информацией, выработку единой стратегии взаимодействия и понимания другого человека [2].

Общение как процесс установления и развития контакта для получения достоверной, полной и объективной информации в ходе собирания и исследования доказательств создает оптимальные условия для выполнения управляющей функции субъектов доказывания при решении задач организационного, коммуникативного, удостоверительного характера, исходя из внутренних регулирующих основ личностной активности участников уголовного процесса. Иными словами, профессиональное общение заключается в предоставлении эффективных средств достижения целевой направленности субъектов доказывания на основе конкретной реальной ситуации взаимодействия, в создании благоприятных условий для собирания и исследования доказательств путем выявления, закрепления и оценки причинно-следственных отношений, пространственно-временных факторов.

Профессиональное общение реализуется способами оказания психологического воздействия, установления психологического контакта, определяясь установлением фактических данных на основе применения методов планирования, программирования, моделирования, прогнозирования в ходе собирания и исследования доказательств, т.е. целенаправленным, последовательным и системным подходом к решению задач уголовного судопроизводства, которое сопровождается оказанием противодействия, сокрытием доказательств, предоставлением ложных сведений, в силу чего мы и акцентируем внимание на сфере уголовного судопроизводства, использовании профессионального общения субъектов доказывания в ходе решения задач уголовного судопроизводства. Решение задач уголовного судопроизводства сопровождается конфликтным взаимодействием, определяемым применением агрессии, использованием насильственных методов достижения цели исходя из корыстных побуждений и т.д., которые определяют применение профессионального общения в ходе собирания и исследования доказательств при установлении условий и обстоятельств формирования и развития преступной деятельности.

Таким образом, одним из условий применения профессионального общения является оказание психологического воздействия на участников уголовного процесса. Оказание психологического воз-

действия рассматривается нами как процесс формирования благоприятных условий в ходе раскрытия, расследования и предупреждения преступлений субъектами доказывания, при которых участники процесса по собственной воле, без насилия выдают информацию, соответствующую фактическим данным при обеспечении контроля над объективной возможностью для личности реализации этого выбора. В психологической науке психологическое воздействие рассматривается как атрибутивная составляющая социомической профессии (человек-человек), представляющая собой целенаправленное изменение психических переменных личности (группы) и на этой основе изменение поведения в значимом для субъекта воздействии направлении [3].

Анализ психологической литературы свидетельствует о том, что оказание психологического воздействия является весьма допустимым и правомерным средством воздействия на участников уголовного процесса при выполнении управляющей функции субъектов доказывания, определяющих эффективные методы и способы решения непосредственных промежуточных и конечных задач в ходе установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. Оказание психологического воздействия обусловлено анализом конкретной следственной ситуации, раскрывающейся условиями и обстоятельствами объективно-субъективного характера, которые определяют допустимые методы и способы воздействия на участника уголовного процесса путем использования сложившихся обстоятельств или создания условий для изменения поведения противоборствующей стороны, наблюдающей за невербальными средствами передачи информации.

Оказание психологического воздействия обеспечивается в ходе поисково-познавательной деятельности субъектов доказывания применением метода установления психологического контакта, который определяет условия и обстоятельства воздействия на участника взаимодействия. Психологический контакт направлен на установление успешного межличностного общения взаимодействующих сторон путем создания условий взаимопонимания, доверия и деловой активности.

Установление психологического контакта, являясь условием межличностного общения, определяет пути сближения субъектов взаимодействия, направленные на определение фактических данных события преступления. Как условие межличностного общения в процессе поисково-познавательной деятельности субъектов доказывания, установление психологического контакта начинается с анализа индивидуально-личностных свойств участников уголовного процесса, информирующих об устойчивых проявлениях особенностей, черт конкретной личности, которые определяют выбор эффективных методов и способов воздействия для получения полной, достоверной и объективной информации в ходе доказывания.

Информационная основа о личности участника уголовного процесса определяется сведениями о социально-демографических, социально-ролевых, социально-психологических особенностях изучаемого; его индивидуальным «портретом», как результатом анализа ценностных ориентаций, мотивационного ядра личности, субъективного отношения к правовым ценностям и правоохранительным органам [4]. Итак, для установления психологического контакта необходимо познание личностной активности участников уголовного процесса, проявляемой поведенческо-психологическими особенностями, такими как эмоциональное состояние, цели, мотивы, намерения, занятая позиция (противодействие, содействие, уклонение) [5].

Интересными являются психологические исследования, где отмечается, что на успешность процесса профессионально-психологического контакта большее влияние оказывают индивидуально-психологические особенности следователя, чем допрашиваемого. Особенно значимым является личностный фактор экстраверсии-интроверсии следователя. Следователи-экстраверты более успешно устанавливают профессионально-психологический контакт с допрашиваемым лицом, для них характерен гуманистический стиль общения на допросе. А следователи-интроверты склонны к использованию манипулятивного стиля общения в процессе допроса [6].

В установлении психологического контакта роль субъекта доказывания значима с точки зрения практического применения психологических механизмов, составляющих основу тактического обеспечения проведения следственных, судебных действий, оперативно-розыскных мероприятий, направленных на получение достоверной, полной и объективной информации, исходя из условий и обстоятельств криминальной ситуации, из личностных особенностей участников уголовного процесса. Но, несмотря на многообразие ситуаций межличностного взаимодействия в ходе раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, самое эффективное проявление личностной активности субъектов доказывания в ходе общения с участниками уголовного процесса — это доброжелательность, что подтверждается и исследованиями в психологической науке [6].

Проявление доброжелательности является основой установления психологического контакта, создающего благоприятные условия для оказания воздействия на участников уголовного процесса, формирования позитивных межличностных отношений, заключающихся в принятии друг друга как личностей, понимающих неприемлемость конфликтного решения вопросов, связанных с конкретным делом, несмотря на различие их интересов [7].

Оказание психологического воздействия в ходе поисково-познавательной деятельности субъектов взаимодействия обеспечивается установлением психологического контакта, определяющего благоприятные условия выбором тактических приемов, места и времени проведения следственных действий, использованием для получения информации невербальных средств ее передачи. В криминалистической литературе отмечается, что созданы предпосылки для выделения и оценки в ходе следственного общения всех существующих средств невербальной коммуникации: мимики, жестов и иных телодвижений, поз, проявлений пространственной ориентации, модуляций голоса и т.д. Выделена классификационная основа невербальной коммуникации исходя из волевого участия человека при передаче информации и из того, какая система играет ведущую роль при их восприятии [8].

Невербальные средства в ходе поисково-познавательной деятельности играют информационную роль. Их необходимо познать и использовать в ходе доказывания путем оценки в конкретной ситуации взаимодействия в ходе общения. Профессиональное общение заключается в оказании психологического воздействия на участников уголовного процесса, которое осуществляется путем наблюдения за поведением для получения информации о намерении, желании, стремлении субъекта взаимодействия, его эмоционально-волевом состоянии, проявляемых невербальными средствами передачи информации. Оценка невербальных средств передачи информации в ходе проведения следственных действий способствует решению их непосредственных задач, определению методов, способов получения достоверной, полной и объективной информации в ходе доказывания. Психологи считают, что чтение невербальных сигналов является важнейшим условием эффективного общения. Профессор Бердвислл проводил исследования относительно доли невербальных средств в общении людей. Он установил, что в среднем человек говорит словами только в течение 10–11 минут в день, что каждое предложение в среднем звучит не более 2,5 секунды и что словесное общение в беседе занимает менее 35 %, а более 65 % информации передается с помощью невербальных средств общения [9].

Невербальное общение как язык поз и жестов включает в себя следующие подсистемы:

- 1) пространственная подсистема (межличностное пространство);
- 2) взгляд;
- 3) оптико-кинетическая подсистема:
 - внешний вид собеседника,
 - мимика (выражение лица),
 - пантомимика (позы и жесты);
- 4) паралингвистическая, или околоречевая, подсистема, включающая:
 - вокальные качества голоса,
 - его диапазон,
 - тональность,
 - тембр;
- 5) экстралингвистическая, или внеречевая, подсистема, к которой относятся:
 - темп речи,
 - паузы,
 - смех и т.д. [10].

Все эти системы невербального общения несут информативную нагрузку. Выявляются они только при целенаправленном восприятии сигнальных знаков, определяющих истинное отношение субъектов взаимодействия друг к другу, использование которых в процессе доказывания способствует выполнению управляющей функции в собирании и исследовании доказательств и даче правильной оценки сложившейся ситуации взаимодействия.

Выполнению управляющей функции в ходе собирания, исследования доказательств способствует использование речи в процессе общения для оказания психологического воздействия. Например, воздействующая сила слова, речи необходима при использовании метода убеждения, а также при реализации принципов обоснованности, аргументированности, мотивированности. Поэтому анализ собственной речи и речи собеседника в процессе поисково-познавательной деятельности субъек-

тов доказывания является действенным и эффективным механизмом получения полной, объективной и достоверной информации.

В криминалистической литературе отмечается существование ряда факторов, которые влияют на продуктивность общения и могут быть оценены как с позиций психологии, так и с позиций лингвистики. К ним относят:

- 1) предмет общения (на допросе обсуждаются обстоятельства, касающиеся преступного посяательства, что само по себе не связано с приятными переживаниями для собеседников);
- 2) официальность обстановки, дистантность участников общения;
- 3) обязательность общения (она заключена в отсутствии, как правило, обоюдного желания вступить в общение, с другой стороны, проявляется в невозможности произвольно прервать общение);
- 4) уникальность собеседника и ситуации общения [11].

Анализ невербальной информации в поисково-познавательной деятельности субъектов доказывания способствует определению эффективных методов и способов получения достоверной, полной и объективной информации и в ходе судебного исследования, которые создают благоприятные условия для принятия тактических решений в ходе проведения перекрестного допроса. Заслуживают внимания следующие положения тактических рекомендаций по проведению перекрестного допроса свидетелей в суде, предложенные Д.Д.Котсирилосом:

1. Оставляйте наиболее важные вопросы к концу допроса.
2. Задавайте простые и понятные для обычных граждан вопросы.
3. Не приводите допрос к дословному пересказу свидетелем показаний, данных в ходе прямого допроса, как если бы он отрепетировал свои показания и неспособен воспроизвести деталей произошедшего.
4. Никогда не теряйте самообладания.
5. Подчеркивайте то, что имеет значение для укрепления вашей позиции.
6. Затрагивайте лишь те обстоятельства, которые позволят указать на слабость показаний свидетеля.
7. Ни при каких обстоятельствах не оскорбляйте и не унижайте свидетеля. Это особенно важно при рассмотрении дела с участием присяжных заседателей.
8. Никогда не задавайте «опасных» вопросов без соответствующей подготовки свидетеля. Один за другим задайте вопросы, требующие утвердительного ответа, и лишь после предложите финальный вопрос, также предполагающий утвердительный ответ [12; 3].

Использование тактических рекомендаций в ходе судебного процесса обусловлено умением применять их субъектами доказывания на основе целенаправленного восприятия невербальных сигналов, информирующих об индивидуально-личностных свойствах субъектов взаимодействия в условиях межличностного общения. Межличностное общение в ходе судебного процесса обусловлено уголовно-правовыми, гражданско-правовыми, уголовно-процессуальными и гражданско-процессуальными отношениями, конфликтным взаимодействием, отстаиванием своих позиций стороной обвинения и стороной защиты в ходе судебных прений, осуществлением правосудия, которое будет эффективным только при выполнении субъектами доказывания управляющей функции в ходе собирания, исследования, закрепления и оценки доказательств.

«Формирование внутреннего убеждения, — отмечает А.Р.Белкин, — характеризует психическое состояние субъекта доказывания, поэтому по праву может считаться одним из элементов психологических основ доказывания» [1; 115]. Внутреннее убеждение, как элемент психологической основы доказывания, является определяющей основой оценки доказательств, которая отражается в процессе принятия и реализации решений субъектов доказывания. Процесс принятия и реализации решений, как уголовно-правового и уголовно-процессуального характера, так и тактических, обусловлен формированием внутреннего убеждения, связанного с воздействующими факторами оказания психологического воздействия, т.е. одним из воздействующих факторов оказания психологического воздействия является убеждение. Психологи исходят из того, что:

- содержание убеждающего воздействия должно быть хорошо продумано и соответствовать законам формальной логики;
- конкретное в его содержании всегда воспринимается убедительнее абстрактного;
- чем динамичнее убеждающее воздействие, чем ярче и разнообразнее содержащиеся в нем факты, тем больше оно привлекает внимание;
- лучше воспринимается то, что близко интересам и потребностям объекта воздействия;

- лучше осмысливать то, что преподносится небольшими смысловыми частями (блоками);
- лучше усваивается то, что вызывает эмоциональный отклик у объекта воздействия;
- лучше воспринимается, осмысливается и усваивается та информация, которая преподносится в соответствии с национальными особенностями восприятия объекта. Влияние убеждающего воздействия во многом зависит от того, как подобрана, построена и подана его аргументация. Убеждение ни в коем случае не может сводиться к простому изложению той информации, в истинности которой стремятся убедить людей, и к последующему приведению доводов в ее подтверждение, как того требуют правила формальной логики. Существует гораздо больше способов убеждать людей [13].

Убеждение как метод психологического воздействия в процессе собирания, исследования, закрепления и оценки доказательств определяет условия и обстоятельства межличностного взаимодействия тактическими средствами доказывания для решения задач осуществления принципа состязательности в ходе судебных прений стороной защиты и стороной обвинения, правосудия, обеспечивающие системное исследование доказательств на основе объективности, обоснованности и мотивированности.

Обеспечение принципов уголовного процесса в поисково-познавательной деятельности субъектов доказывания реализуется тактическими средствами, основанными на психологических механизмах убеждающего воздействия, которые определяются аргументирующими основами. То есть в ходе поисково-познавательной деятельности субъектов доказывания способы собирания, исследования и оценки доказательственной информации обусловлены обеспечением принципов объективности, достоверности, аргументированности и достаточности, направленные на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, путем использования профессионального общения как тактического средства обеспечения процесса доказывания.

Список литературы

- 1 *Белкин А.Р.* Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. — М.: Норма, 2007. — 528 с.
- 2 Профессиональные коммуникации юриста <http://www.tinlib.ru/shpargalki/ritorika/p41.php>.
- 3 *Еремеев С.Г.* Психологическое воздействие следователя на участников уголовного судопроизводства, его правомерность и допустимость: Дис. ... канд. психол. наук. — М., 2010. — 278 с.
- 4 *Полстовалов О.В.* Процессуальные, нравственные и психологические проблемы криминалистической тактики на современном этапе: Дис. ... д-ра юрид. наук. — Уфа, 2009. — 642 с.
- 5 *Аминов И.И.* Психологическое изучение собеседника в профессиональном общении сотрудника органов внутренних дел: Дис. ... канд. психол. наук. — М., 2000. — 255 с.
- 6 *Воробьева Е.А.* Профессионально-психологические особенности контактности следователей в условиях допроса: Дис. ... канд. психол. наук. — М., 2003. — 266 с.
- 7 *Москвин Е.О.* Тактико-психологические приемы следователя: Основы формирования и воздействия: Дис. ... канд. юрид. наук. — Воронеж, 2003. — 239 с.
- 8 *Семенов В.В.* Процессуальные и криминалистические проблемы использования невербальной информации при расследовании преступлений: Дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2003. — 240 с.
- 9 *Кнапп М.Л.* Невербальные коммуникации. — М.: Наука, 1978. — 245 с.
- 10 *Бороздина Г.В.* Психология делового общения. — М.: Деловая книга, 1998. — 247 с.
- 11 *Заяц И.В.* Использование лингвистических познаний при расследовании преступлений. Дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2000. — 230 с.
- 12 *George J. Cotserilos, Meeting the Prosecution's Case: Tactics and Strategies of Cross-Examination, 62. — The Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science. — Vol. 62. — № 2. Northwestern University School of Law, 1971. — 12 p.*
- 13 Факторы эффективного убеждения. — [ЭР]. Режим доступа: <http://www.xaker.name/forvb/archive/index.php/t-24452.html>

Б.Р.Сембекова

Кәсіби қарым-қатынас дәлелдемелерді жинау мен зерттеудің әдісі ретінде

Мақала дәлелдеу субъектісінің іздестірушілік-танымдық қызметі барысында алынған сенімді, объективті толық ақпараттарды алудың тиімді әдісі есебінде дәлелдемелерді жинау мен зерттеудің мақсаты ретінде дәлелдеуге жататын мән-жайларды қалыптастыру арқылы қылмыстың алдын алу, тергеу, ашу сұрақтарына арналған. Автор дәлелдемелерді жинау және зерттеудің тиімді әдісі, сондай-ақ қылмыстық іс жүргізу қатысушыларына әсер етудің психологиялық зерттеу тетігі ретінде кәсіби қарым-қатынасты алып қарастырды.

B.R.Sembekova

Professional communication as a way of collecting and research of proofs

Article is devoted to questions of disclosure, investigation and the prevention of crimes by research of methods, ways and means of establishment of the circumstances which are subject to proof, definition of effective methods of collecting, research of proofs for receiving full, objective and reliable information during search cognitive activity of subjects of proof. As an effective method of collecting and research of proofs professional communication which is defined by research of psychological mechanisms of impact on participants of criminal trial is allocated.

References

- 1 Belkin A.R. *The proof theory in criminal legal proceedings*, Moscow: Norm, 2007, 528 p.
- 2 *Professional communications of the lawyer* <http://www.tinlib.ru/shpargalki/ritorika/p41.php>.
- 3 Eremeev S.G. *The dissertation on competition of a scientific degree of the candidate of psychological sciences*, Moscow, 2010, 278 p.
- 4 Postovalov O.C. *The dissertation on competition of a scientific degree of the doctor of legal Sciences*, Ufa, 2009, 642 p.
- 5 Aminov I.I. *The dissertation on competition of a scientific degree of the candidate of psychological sciences*, Moscow. 2000, 255 p.
- 6 Vorobyova E.A. *The dissertation on competition of a scientific degree of the candidate of the psychological*, Moscow, 2003, 266 p.
- 7 Moskvina E.O. *The dissertation on competition of a scientific degree of the candidate of jurisprudence*, Voronezh, 2003, 239 p.
- 8 Semenov V.V. *The dissertation on competition of a scientific degree of the candidate of jurisprudence*, Saratov, 2003, 240 p.
- 9 Knapp M.L. *M.'s nonverbal communications*, Moscow: Nauka, 1978, 245 p.
- 10 Borozdina G.V. *Psychology of business communication*, Moscow: Business book, 1998, 247 p.
- 11 Zayats V. *The dissertation on competition of a scientific degree of the candidate of jurisprudence Saratov*, 2000, 230 p.
- 12 George J. *The Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science*, 62, 2. Northwestern University School of Law, 1971, 12 p.
- 13 *Factors of effective persuasion*, [ER]. Access mode: <http://www.xaker.name/forvb/archive/index.php/t-24452.html>

Г.Б.Султанбекова

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова (E-mail: gulia-sultan@mail.ru)

Некоторые вопросы деятельности прокуратуры в сфере экологической безопасности

В статье рассмотрены проблемные вопросы надзорной деятельности прокуратуры в сфере экологической безопасности. Проанализирована практика прокурорского надзора за применением законов об охране природы и рациональном использовании ее ресурсов. Отмечено, что функционирование органов прокуратуры сегодня вносит значительный вклад в обеспечение верховенства Конституции Республики Казахстан и утверждение принципа законности в экологической сфере. Определено, что указанная деятельность еще не в полной мере является комплексной и совершенной. Выделена задача выявления теоретических основ обеспечения права на благоприятную окружающую среду и оптимизации полномочий прокуратуры в системе защиты данного конституционного права. Автором подчеркнуто, что сегодня как никогда востребовано повышение активности реагирования прокуратуры на нарушения экологических прав граждан.

Ключевые слова: прокуратура, надзор, экологическая безопасность, экологические права, направление, законность, охрана природы, природоохранное законодательство, экологический паспорт, экологический мониторинг.

Одним из приоритетных направлений надзорной деятельности считается надзор в сфере экологической безопасности. На современном этапе налажен эффективный механизм прокурорского надзора за применением законов об охране природы и рациональном использовании ее ресурсов. В Казахстане действует сеть природоохранных прокуратур. Прокуроры предотвращают и пресекают экологические правонарушения, принципиально ставят вопросы об ответственности виновных лиц и взыскании причиненного ими материального ущерба.

В 2012 г. было проведено 1225 проверок применения законодательства об охране природы, по результатам которых выявлено 12 966 нарушений законности, из них устранено 10 427. В целях устранения выявленных правонарушений органами прокуратуры внесено 1 408 представлений, отменено и изменено 157 незаконных актов. По актам прокурорского реагирования к различным видам ответственности привлечены 4 604 лица (к дисциплинарной — 1379, административной — 3205 и материальной — 20), возбуждено 46 уголовных дел. Также судами республики удовлетворено 84 иска на сумму свыше 1,005 млрд тенге. По мерам прокурорского реагирования взыскано в доход государства свыше 20,3 млрд тенге. Для уяснения роли органов прокуратуры в данном вопросе можно отметить, что это 54 % взысканных сумм и 43 % привлеченных лиц к административной ответственности в сравнении с показателями работы Министерства охраны окружающей среды за аналогичный период [1].

Вместе с тем практика прокурорского надзора должна постоянно анализироваться и совершенствоваться с учетом насущных государственных задач, изменения законодательства и сложной экологической ситуации в стране и мире. Прокурорам следует системно прорабатывать широкий спектр вопросов, влияющих на экологическую безопасность: нарушения лесного, водного законодательства, промышленной безопасности, загрязнение почвы, атмосферного воздуха и др.

Мобилизация потенциала и максимально эффективное использование накопленного прокурорского опыта позволят добиться надлежащего осуществления органами управления и контроля возложенных на них полномочий. Мониторинг экологической ситуации свидетельствует о недостатках и упущениях в системе экологического контроля, что усугубляет «болевы точки» и приводит к серьезному ущербу окружающей природной среды, нарушениям прав граждан в этой сфере.

В настоящее время в Казахстане действует более 10 законодательных и около 70 подзаконных актов в области охраны природы и использования природных ресурсов. Наиболее важными из них являются Законы Республики Казахстан «Об охране природы», «Об охраняемых природных территориях», «О воде и водопользовании», «О недрах», «Об охране атмосферного воздуха», «Об охране и использовании животного мира», «Об охране и использовании растительного мира», «О лесе», «О безопасности гидротехнических сооружений», «Об отходах» и др. [2; 56].

В ежегодном Послании Главы государства народу 17 января 2014 г. Президент страны еще раз затронул вопросы создания центра изучения и внедрения лучшего мирового опыта по поиску и созданию энергии будущего и зеленой экономики, говорил о переводе общественного транспорта на экологически чистые виды топлива [3].

Для успешного развития Республика Казахстан должна строго придерживаться баланса экономических, социальных и экологических аспектов. Стремясь стать государством с высокими стандартами жизни населения, Казахстан должен все в большей степени становиться чистой и зеленой страной, со свежим воздухом и прозрачной водой, как об этом сказано в Стратегии развития Казахстана.

Важный участок прокурорского надзора — деятельность по предотвращению нарушений законов об отходах производства и потребления. Состояние законности в этой сфере остается неудовлетворительным. Удельные показатели потребления воды, энергии и других ресурсов на единицу производимой продукции в Казахстане в 5–10 раз выше, чем в развитых странах мира. Большинство полигонов для складирования и захоронения отходов исчерпали свой ресурс и являются реальной угрозой окружающей среде и здоровью населения.

Природоохранный надзор реализуется через полномочия, предусмотренные Законом Республики Казахстан «О Прокуратуре». Особенности природоохранного надзора детализированы в Инструкции «Об организации прокурорского надзора за применением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина в социально-экономической сфере», утвержденной приказом № 60 Генерального прокурора Республики Казахстан от 01.10.2010 г. [4; 87].

Согласно приказу приоритетами определены:

- 1) обеспечение законности при строительстве в водоохраных зонах;
- 2) выявление и пресечение фактов незаконного предоставления права пользования природными ресурсами;
- 3) адекватное возмещение ущерба, причиненного окружающей среде;
- 4) проведение проверок по приоритетным отраслям надзора в данной сфере;
- 5) соблюдение законности при расходовании средств, выделенных на природоохранные мероприятия, а также при взимании платы за пользование природными ресурсами и загрязнение окружающей среды;
- 6) обеспечение сохранности ООПТ, редких и находящихся под угрозой исчезновения животных и растений (а также иные мероприятия, направленные на восстановление наиболее благоприятных для жизнедеятельности экологических условий).

Независимо от тематики проводимой проверки Генеральным прокурором поручено в ходе проверок законности деятельности недропользователей в обязательном порядке проверять вопросы охраны окружающей среды, особенно в части ее загрязнения.

Кроме того, приказом поручено уделять особое внимание вопросам:

- 1) соблюдения в ходе исполнения контрактных обязательств экономических интересов государства, в том числе по уплате налогов и других платежей в бюджет;
- 2) выполнения обязательств по участию в социально-экономическом развитии региона и его инфраструктуры;
- 3) выполнения обязательств по привлечению казахстанских кадров и по закупу товаров, работ и услуг казахстанского происхождения.

Сеть специализированных природоохранных прокуратур доказала оправданность ее существования и оперативность при решении задач укрепления природозащитной законности, а также экологического правопорядка в стране, что обуславливает необходимость их дальнейшего сохранения, укрепления и совершенствования.

Деятельность природоохранных прокуратур дает определенные положительные результаты: она сдерживает еще большее распространение нарушений законов об охране природы; за счет предприятий (организаций) — загрязнителей окружающей среды, а иногда и виновных должностных лиц государству частично возмещается причиненный ущерб; непосредственные виновники привлекаются к административной, дисциплинарной или иной ответственности.

Определенный вклад при осуществлении прокурорского надзора за законностью в деятельности государственных органов и природопользователей вносит и Карагандинская природоохранная прокуратура. Проводятся результативные проверки по приоритетным направлениям надзора — применение законодательства об охране атмосферного воздуха, земель, водных ресурсов, лесного и животного мира, о недрах и недропользовании, сфере предпринимательства, законодательства, направленного

ного на борьбу с коррупцией, применение административного законодательства уполномоченными органами в области охраны окружающей среды и законодательства о государственных закупках.

Большие опасения вызывает загрязнение атмосферного воздуха и водной среды в Караганде и Карагандинской области.

Карагандинская область по количеству выбросов в атмосферный воздух на одного жителя занимает одно из первых мест в республике и характеризуется наличием большого числа техногенных загрязнителей, среди которых предприятия угольного и стального департаментов «МитталСтил Темиртау», ТОО «Корпорация «Казахмыс», предприятия теплоэнергетики и горнодобывающей промышленности.

В 2013 г. объем промышленных выбросов от предприятий Карагандинской области составил 1225,5 тыс. тонн — это около 35–38 % от выбросов веществ в атмосферный воздух общереспубликанского показателя. Из них:

- сернистый ангидрид — 806,6 тыс. тонн;
- диоксид азота — 32,8 тыс. тонн;
- объем твердых частиц — 199,76 тыс. тонн;
- объем угарного газа — 180,1 тыс. тонн.

В области отмечено более 5000 источников выбросов загрязняющих веществ в атмосферу.

Вызывает обеспокоенность и состояние водных ресурсов по всей республике, в том числе по Караганде и Карагандинской области.

Взять, к примеру, озеро Балхаш. Это самое крупное озеро, расположенное на территории нашей области. В озере обитает 20 видов рыб, из них 6 свойственны для самого озера (илийская и балхашская маринка, балхашский окунь, пятнистый и одноцветный губач и гольян), остальные акклиматизированы в нем человеком: сазан, шип, восточный лещ, аральский усач, сибирский елец, карп, линь, судак, сом, осман и другие. Главные промысловые рыбы — сазан, судак, балхашский окунь, маринка, лещ.

Основными загрязнителями озера являются населенные пункты и промышленные предприятия, находящиеся в водосборной его площади. Другим фактором, влияющим на ухудшение качества воды, является площадной смыв пахотных земель, находящихся в водосборной площади. Результатом хозяйственной деятельности человека явилось то, что в результате безвозвратно изъятых объемов воды, загрязнения органическими веществами и бытовым мусором произошло ухудшение качества воды, интенсивное развитие водорослей, что, в конечном итоге, привело к интенсивному заилению и обмелению озера. При таком отношении к озеру его ждет незавидное будущее, впрочем как и другие водоемы.

В работе Карагандинской природоохранной прокуратуры в последнее время наблюдается рост выявленных нарушений закона, рассмотренных представлений и отмечается активизация работы прокуратуры по привлечению виновных лиц к дисциплинарной и административной ответственности.

Указанное повышение показателей стало возможным в результате правильного планирования работы прокуратуры, а также активизации деятельности ее работников. Издан обновленный экологический паспорт поднадзорного региона, который содержит подробный анализ экологической ситуации и наиболее проблемные сферы применения природоохранного законодательства.

Так, по итогам 2013 г. проверкой применения законодательства об охране атмосферного воздуха в ГУ «Карагандинское областное территориальное управление охраны окружающей среды» и на предприятиях АО «АрселорМиттал Темиртау» (стальной департамент, г. Темиртау) и ПО «Балхашцветмет» ТОО «Корпорация Казахмыс» (г. Балхаш) выявлены нарушения действующего законодательства.

По итогам проверки внесено 5 представлений об устранении нарушений закона в адрес уполномоченного органа в области охраны окружающей среды и санитарно-эпидемиологического надзора, привлечено к административной ответственности 5 юридических лиц и 21 должностное лицо на общую сумму 1 040 660 тенге. В настоящее время ущерб взыскан в полном объеме.

Кроме того, по представлениям прокуратуры АО «АрселорМиттал Темиртау» и ПО «Балхашцветмет» ТОО «Корпорация Казахмыс» уполномоченным органом в области охраны окружающей среды предъявлено требование по возмещению ущерба, причиненного окружающей среде на общую сумму 1 244 725 тенге. Сумма предъявленного ущерба взыскана в полном объеме. (Из докладной записки о проделанной работе Карагандинской природоохранной прокуратуры за 2013 г.) [5].

Несмотря на положительные подвижки в работе природоохранной прокуратуры г.Караганды, еще свежи в памяти события, когда тысячи птиц, пролетавших над Балхашом, погибли. Эксперты не придумали лучшего объяснения народу, что погибли «неценные» породы птиц — вороны, галки. Они посчитали, что природе не нанесено существенного вреда. При этом ученые будто забыли о том, что выбросы, производимые ПО «Балхашцветмет» ТОО «Корпорация «Казахмыс», являющегося одним из крупных природопользователей, доля выбросов которого составляет 50 % от объема по области, очень вредны для людей, там проживающих. Основными веществами, загрязняющими атмосферу, являются: сернистый ангидрид, диоксид азота, неорганическая пыль, диоксид серы, зола угля, выбросы от конверторных и доменных цехов предприятий, неорганизованные выбросы и газ метан, который отрицательно влияет на состояние озонового слоя. Газообразные составляющие загрязняющих веществ выбрасываются в атмосферу напрямую — без улавливания в каких-либо очистных установках. До недавнего времени в Балхаше родителям малолетних детей медики рекомендовали носить малышей на руках, так как на уровне 1,5 метра оседали вредные для организма человека вещества. Это продолжалось до тех пор, пока в Балхаше не открыли цех по производству серной кислоты. Трудно подсчитать, какой вред нанесен жителям города за время, пока не был открыт этот цех.

Конечно, прокуратура реагирует на нарушения закона в сфере экологии, наносимые названным выше производственным объединением. К примеру, в сравнении с 2011 г. в 2013 г. валовые выбросы ПО «Балхашцветмет» уменьшились на 68,0 тыс. тонн, в том числе: твердые — на 2,41 тыс.тонн и газообразные — на 65,76 тыс.тонн.

Высокие темпы освоения природных богатств республики оказывают негативное влияние на окружающую природную среду, в связи с чем прокуратура разрабатывает планы мероприятий по системному осуществлению надзора в этой сфере, создает рабочие группы для проверки применения Закона «Об охране окружающей среды» и законов, регулирующих общие вопросы охраны окружающей среды, особенно по проблемам охраны недр и недропользования. Анализ состояния и результаты проверок природоохранного законодательства показывают, что из-за отсутствия со стороны как отечественных, так и иностранных природопользователей должного внимания к вопросам оздоровления окружающей среды, к нарушению законов и нерациональному использованию природных ресурсов, загрязнению воздуха ухудшается экологическая ситуация в республике.

У контролирующих и правоохранительных органов возникают проблемы при проверке соблюдения законодательства о недрах и недропользовании и охране окружающей среды. Одной из таких проблем является отсутствие методики расчета ущерба, нанесенного окружающей среде при разливе нефти и нефтепродуктов в море, как в случае загрязнения Каспийского моря в результате утечки нефти из законсервированной скважины на месторождении «Юго-Западный Тажигали».

Согласно п.1 ст.86 Закона Республики Казахстан «Об охране окружающей среды» юридические лица, причинившие вред окружающей среде, здоровью граждан, имуществу организаций, граждан и государства вследствие нарушения законодательства об охране окружающей среды, обязаны возместить вред в соответствии с действующим законодательством [6; 45].

Однако до сегодняшнего дня не утверждена методика расчета ущерба, нанесенного окружающей среде в случае разлива нефти и нефтепродуктов в море, в связи с чем отсутствует механизм реализации действующего природоохранного законодательства.

Даже нормы Конституции, касающиеся принципа бережного отношения к окружающей среде и обязанности сохранять природу, предусмотренные ст.38 Конституции Республики Казахстан, по мнению некоторых авторов, носят декларативный характер. Авторы считают, что этот принцип декларативен, потому что не имеет присущего только этому принципу механизма правовой реализации. Можно понять напыщенность, ясно просматриваемую практически во всех международных актах: их преамбулы имеют крайне пафосный характер. Это связано с тем, что международные нормы не имеют санкций и исполняются только добровольно. Здесь пафосность — средство внушить сторонам, подписавшим международный договор, его значимость и тем самым обеспечить повышение эффективности его исполнения.

Одним из языковых правил юридической техники является отсутствие пафосности, декларативности правового документа.

Желание правотворческого субъекта поднять значимость правового документа порой приводит к правовой демагогии. Это, конечно, крайняя форма идеологизированности правового документа и самая опасная. В.М.Баранов определяет правовую демагогию как намеренное (иногда обманное) воздействие на чувства и знания людей посредством различных форм односторонней либо грубо извра-

щенной подачи правовой действительности для достижения собственных порочных целей, обычно скрывааемых под видом пользы для народа и благосостояния государства [7; 22, 23].

Несмотря на активность, проявляемую органами прокуратуры, нарушения природоохранного законодательства продолжают иметь место. Так, часто в Карагандинской области выявляются факты самовольной рубки зелено-растущего леса в Каркаралинском государственном национальном природном парке. Вопросы нарушения природоохранного законодательства в части незаконной вырубке лесов и вывоза древесины за пределы республики приняли такой распространенный характер, что даже стали предметом рассмотрения на расширенном заседании Координационного Совета правоохранительных органов. Выявляются факты отстрела диких животных, занесенных в Красную книгу Республики Казахстан. В ряде мест деятельность предприятий по недропользованию осуществляется незаконно, без предоставления такого права, в доход государства не поступают специальные платежи.

Несовершенство законодательства, пробелы в законодательстве об охране окружающей среды ведут к различным правонарушениям. Необходимо четко разграничить полномочия государственных органов в сфере экологии, тогда и прокуратуре легче будет осуществлять надзор в этой сфере.

В республике не существует специального закона, регулирующего доступ к экологической информации. Экологическое законодательство не содержит четких положений об обязанностях государственных органов и должностных лиц по сбору экологической информации и ответственности за ее наличие. Не существует также четких и подробных рекомендаций, предписывающих государственным органам и должностным лицам порядок предоставления экологической информации.

Одни из наиболее перспективных направлений повышения роли прокуратуры в укреплении природозащитной законности — совершенствование надзора за применением законодательства об охране окружающей среды органами государственного управления и контроля, местного самоуправления, пересмотр сложившейся практики взаимоотношений прокуратуры и органов экологического контроля.

В связи с тем, что задача оздоровления окружающей среды решается совместными усилиями правоохранительных, природоохранных и многих других органов, руководителей коммерческих организаций и граждан, прокуроры призваны совершенствовать механизм взаимодействия с ними. Прокуроры стараются добиться скоординированности природоохранной деятельности, организуя единый фронт борьбы с экологическими правонарушениями, максимально используя при этом возможности других органов и общественности в работе по предупреждению нарушений экологического законодательства.

В целом законодательство Республики Казахстан вполне гарантирует возможность участия общественности в решении вопросов, связанных с окружающей средой. В настоящее время просто необходимо наработать практику и механизмы такого участия.

Поскольку надзор за применением природоохранного законодательства в настоящее время представляет большую сложность в связи с принятием в последние годы значительного количества законодательных и нормативных актов, было бы актуально и целесообразно разработать соответствующие методические рекомендации для использования в практической деятельности органов прокуратуры по осуществлению ими прокурорского надзора.

Деятельность органов прокуратуры будет по-настоящему эффективной, когда она будет осуществляться в условиях гласности и демократии.

Для совершенствования деятельности прокуратуры в сфере экологической безопасности могут быть приняты следующие меры:

- выделение в Законе РК «О Прокуратуре» надзора за применением природоохранного законодательства в качестве направления деятельности органов прокуратуры;
- активизация работы прокуратуры по разрешению жалоб и заявлений граждан; по надзору за соблюдением международных актов, касающихся вопросов охраны окружающей природной среды.

Для повышения результативности борьбы с экологической преступностью и решения многих экологических проблем было бы плодотворным развивать сотрудничество органов прокуратуры Республики Казахстан и аналогичных структур стран ближнего зарубежья в области контроля за применением природоохранного законодательства.

Одним из перспективных направлений сотрудничества правоохранительных органов, в том числе и органов прокуратуры, может стать создание с участием представителей стран СНГ временных и постоянных рабочих групп по контролю реализации совместных экологических программ, надзору

за применением законодательства применительно к охране природных комплексов, представляющих интерес для двух или нескольких государств СНГ.

Список литературы

- 1 <http://www.zakon.kz/4575556-aktualnye-voprosy-i-analiz-praktiki.html>
- 2 Байсалов С.Б. Природа и закон. — Алма-Ата, 1996. — 133 с.
- 3 Послание Главы государства Нурсултана Назарбаева народу Казахстана. Казахстанский путь – 2050: Единая цель, единые интересы, единое будущее // Индустриальная Караганда. — 2014. — 18 янв. № 6 (21527). — С. 2.
- 4 Инструкция «Об организации прокурорского надзора за применением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина в социально-экономической сфере», утвержденная приказом Генерального прокурора Республики Казахстан от 1 октября 2010 года № 60. Прокурорский надзор: Сб. нормативных правовых актов. — Алматы: ЮРИСТ, 2013. — 117 с.
- 5 www.karaganda.prokuratura.kz
- 6 Жоргенбаев М.А. Негативная сторона освоения природных богатств // Закон и время. — 2001. — № 3. — С. 45.
- 7 Баранов В.М. О правовой демагогии. Нижегородские юридические записки: Сб. науч. тр. Вып. 3. — Н.Новгород, 1997. — С. 22–23.

Г.Б.Султанбекова

Экологиялық қауіпсіздік саласындағы прокуратура қызметінің кейбір мәселелері

Мақалада экологиялық қауіпсіздік саласындағы прокуратура қадағалау қызметінің кейбір мәселелері қарастырылған. Қоршаған ортаны және ресурстарды тиімді қолдану туралы заңдардың қолданылуына прокурорлық қадағалау тәжірибесі талданды. Экологиялық саласында заңдылық принципін бекітуі және Қазақстан Республикасының Конституцияның нормаларының жоғару тұруы бүгін прокуратура органдарымен жүзеге асырылып отыр. Бірақ осы қызмет кешенді және жетілген болып табылмайды. Сол себепті прокуратураның алдына келесі міндеттер қойылады: бұл қолайлы қоршаған орта қамтамасыз ету құқығына теоретикалық негіздерін айқындау және осы конституциялық құқықты қорғау үшін прокуратура өкілеттігін оңтайландыру. Қазіргі заманда азаматтардың экологиялық құқықтарын қорғау үшін прокуратураның ықпал етуін жоғарлату қажет.

G.B.Sultanbekova

Some questions of activity of prosecutor's office in the sphere of ecological safety

The article deals with issues of prosecutors oversight in the area of environmental safety. Practice of public prosecutor's supervision of application of laws on conservation and rational use of its resources is analyzed. Functioning of prosecutorial today makes a significant contribution to the supremacy of the Constitution of the Republic of Kazakhstan and the affirmation of the principle of legality in the environmental field. However, this activity is not yet fully integrated and is perfect. Because of this, there is the task of identifying the theoretical foundations of the right to a healthy environment and optimizing powers of the procuracy in the protection of this constitutional right. Today more than ever increase of activity of reaction of prosecutor's office on violations of the ecological rights of citizens is very demanded.

References

- 1 <http://www.zakon.kz/4575556-aktualnye-voprosy-i-analiz-praktiki.html>
- 2 Baysalov S.B. *Nature and the law*. Alma-Ata, 1996, 133 p.
- 3 *Message of President Nursultan Nazarbayev to the people of Kazakhstan. Kazakhstan's Way – 2050: A common goal, common interests, common future*. Industrial Karaganda . January 18, 2014, 6 (21527), p. 2.
- 4 *Instruction «On the organization of prosecutorial oversight of implementation of the laws, the rights and freedoms of man and citizen in the socio-economic sphere», approved by the order of the Prosecutor General of the Republic of Kazakhstan dated October 1, 2010 number 60*. Prosecutorial supervision: Collection regulations, Almaty: Lawyer, 2013, 117 p.
- 5 www.karaganda.prokuratura.kz

6 Zhorgenbaev M.A. *Law and time*, 2001. 3, p. 45.

7 Baranov V.M. *On legal demagoguery. Nizhnyi Novgorod legal note: Collection of scientific papers. Issue 3, Nizhny Novgorod, 1997, p. 22–23.*

ӘОЖ 343.14

Е.Т.Нұрмағанбет

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы
(E-mail: ermek004@mail.ru)

Қылмыстық іс жүргізудегі адвокат-қорғаушының дәлелдемелерді жинауға қатысудағы өзекті мәселелер мен ұсыныстар

Мақала адвокат-қорғаушының қылмыстық іс жүргізу субъектілері арасындағы ерекше маңызға ие қатысушы екені белгілі. Себебі айыпталушының, сезіктінің немесе жәбірленушінің құқықтары мен бостандықтарын қорғауда үлкен рөл атқаратыны сөзсіз. Сол себепті осы әрекеттерді жүргізу барысында дәлелдемелер жинау және дәлелдеу процесіне қатысудағы үлкен мәселелер мен ауқымды іс-шаралар ұсынылады. Жалпы, дәлелдеме және дәлелдеу — қылмыстық процестің маңызын анықтайтын негізгі мәселелер. Оларға көптеген зерттеулер арналған. Сондықтан дәлелдемелерді жинау туралы мәселелерді қарастыру аса қажет.

Кілт сөздер: адвокат, қорғаушы, дәлелдеме, дәлелдеу, сезікті, қылмыстық іс жүргізу.

Қазақстан Республикасы Президентінің «біз Конституциямыздың әлеуетін барынша пайдалануымыз қажет» дей келіп, «біз баршаға барынша мүмкіндіктер беретін қоғам: әрбір адамның жеке басы мен бостандығын құрметтейтін, өзіне-өзі қызмет етуге жағдайы жоқ жандарды қамқорлыққа бөлейтін, қандай еңбекті болса да қадірлейтін, ана мен баланы қорғайтын, зейнеткерлерге қамқор болатын, ардагерлер мен отан қорғаушыларды ардақ тұтатын қоғам құруды аяқтауға тиіспіз» деген сөздерінен құқықтық, зайырлы мемлекет құруды мақсат еткен кез келген қоғамның әрбір азаматы өзінің құқықтарын жақсы білумен қатар, оларды батыл қорғауға талпынуы заңды құбылыс екенін түсінуге болады. Ендеше адамның өз мүддесін, талап-тілегін, қанағаттандыруы үшін тәуелсіз қоғамдық ұйымдардың жәрдеміне жүгінетіні ақылға сыйымды [1]. Ал азаматтардың заңды құқықтары мен бостандықтарын қорғауға жағдай жасайтын ұйымдардың бірі — адвокатура саласына тән десек, қате айтпаған болар едік. Сол адамның құқықтары мен бостандықтарын қорғауда сол адвокаттардың дәлелдемелерді жинауға қатысуда көптеген келеңсіз жайттарға қалып жатады. Соған байланысты теория немесе тәжірибе жағынан болсын кішкене тоқталып кетсек.

Жалпы, дәлелдеме және дәлелдеу — қылмыстық процестің маңызын анықтайтын негізгі мәселелер. Қылмыстық процесте дәлелдеу мәселелерін зерттеу әр уақытта өзінің актуалдылығын жоғалтпайды, ол өмірмен тығыз байланысты, қоғамды қылмыстан қорғауға бағытталған тәжірибелік қызмет десек болады.

Дәлелдемелерді жинау мәселелеріне байланысты, қазіргі таңда көптеген даулар мен келіспеушіліктер туындап жүр.

Сондықтан дәлелдемелерді жинау туралы мәселелерді қарастыру аса қажет деп санау керек.

Дәлелдемелерді жинау маңызын анықтау үшін дәлелдеудегі оның орны және ішкі құрылымын талдауға салу керек, тану қызметінің жалпы жақтары судьямен, прокурормен, тергеушімен жүзеге асырылады.

Қазіргі әрекет етуші Қылмыстық іс жүргізу кодексінің 125-бабында көрсетілгендей, дәлелдемелерді жинау тергеу және сот іс-әрекеттерін жүргізу жолымен сотқа дейінгі іс жүргізу және сот талқылауы процесінде жүргізіледі. Дәлелдемелер жинау оларды табуды, бекітуді және алуды қамтиды. Тараптардың өтініштері бойынша немесе өз бастамашылығы бойынша қылмыстық процесті жүргізуші орган іс жүргізуіндегі Қылмыстық іс бойынша кодексте белгіленген тәртіппен жауап алу үшін немесе сарапшы ретінде қорытынды беру үшін кез келген адамды шақыруға; Кодексте

көзделген іс жүргізу әрекеттерін жүргізуге; Қазақстан Республикасының заң актілерінде белгіленген коммерциялық, банктік және заңмен қорғалатын өзге де құпияны құрайтын мәліметтерді жария етуге қойылатын талаптарды сақтай отырып, ұйымдардан, олардың басшыларынан, лауазымды адамдардан, азаматтардан, сондай-ақ жедел іздестіру қызметін жүзеге асыратын органдардың іс үшін маңызы бар құжаттар мен заттарды табыс етуді талап етуге; уәкілетті органдар мен лауазымды адамдардан тексерулер мен тексерістер жүргізуді талап етуге құқылы. Кодексте белгіленген тәртіппен іске қатысуға жіберілген қорғаушы заң көмегін көрсету үшін қажетті дәлелдерді ұсынуға және мәліметтерді жинауға, оның ішінде олардың келісімімен адамдардан сұрауға, сондай-ақ он күн ішінде ол құжаттарды немесе олардың көшірмелерін беруге міндетті ұйымдардан анықтамалар, мінездемелер және өзге де құжаттар сұратып алуға; қорғауындағы адамның келісімімен заң көмегін көрсетуге байланысты туындаған шешуді қажет ететін мәселелер бойынша арнаулы білімі бар адамдардың пікірін сұрауға құқылы. Сезікті, айыпталушы, қорғаушы, жеке айыптаушы, жәбірленуші, азаматтық талапкер, азаматтық жауапкер және олардың өкілдері, сондай-ақ кез келген азаматтар мен ұйымдар дәлел бола алатын ауызша да, жазбаша да нысандағы мәліметтерді, сондай-ақ заттар мен құжаттарды ұсынуға құқылы.

Теориялық тұрғыда дәлелдемелерді жинаудың өз маңызды жақтарын тану қызметі ретінде байқайды. Дәлелдемелерді құрудың процессуалдық фазаға дейінгі кезеңі, егер оны айналым процесі ретінде қарастырсақ, дұрыс түсінуі мүмкін. Зерттеуші оқиғалар материалдық объектілерді әр түрлі қылып өзгерту ретінде туындауы арқылы қоршаған орта жағдайларымен өзара әсер етпеуі мүмкін емес.

Дәлелдемелерді жинау — ол сот тергеу органдарының белсенді қызметі, дәлелдеу процесінің қажетті элементі. Процессуалдық және криминалистік әдебиеттерде дәлелдемелерді жинау маңызы әр түрлі болып анықталады.

С.М. Жалыбиннің анықтауы бойынша, әр түрлі құжаттарды табу, алу, сақтау, бекіту әрекетінің жиынтығы ретінде дәлелдемелерді жинау түсінігінің мазмұны табылады [2].

Ал С.А. Шейфер болса, дәлелдемелерді жинау түсінігіне оларды табумен бекітуді кіргізбеген, табуды, жинауды, бекітуді және дәлелдемелерді зерттеуді бір қатарда қарастырған [3].

М.С. Строговичтің көрсетуі бойынша, дәлелдеу процесі дәлелдемелерді табудан, оларды қараудан және процессуалдық бекітуден, тексеруден және бағалаудан құралады деген [4].

Біздің ойымызша, осы жоғарыда көрсетілген пікірлердің ішінде А.И. Винбергтің ойы дұрыс сияқты. Дәлелдемелерді жинау кешенді түсінік болып табылады. Ол дәлелдемелерді сақтау және алу, табу, бекіту әрекеттерін қамтиды.

Дәлелдемелерді табу — дәлелдемелік мағынасы бар сол және басқа да фактілік мәліметтерге көңіл аудару, оларды іздеу және шығарып алу. Тек оларды жинаушы тұлғаға белгілі болған дәлелдемелерді ғана жинауға болады.

ҚР Қылмыстық іс жүргізу кодексінің 126-бабына сәйкес дәлелдемелерді бекіту көрсетілген. Іс жүзіндегі деректер олар іс жүргізу іс-әрекеттерінің хаттамаларында көрсетілгеннен кейін ғана дәлелдеме ретінде пайдаланыла алады [5].

Анықтау және алдын ала тергеу барысында хаттамаларды жүргізу жауаптылығы тиісінше анықтаушы мен тергеушіге, ал сотта сот отырысының төрағалық етушісі мен хатшысына жүктеледі.

Тергеу және сот іс-әрекеттеріне қатысушыларға, сондай-ақ тараптарға сот талқылауында бұл іс-әрекеттердің барысы мен нәтижелері көрсетілген хаттамалармен танысу, хаттамаларға толықтырулар мен түзетулер енгізу, осы іс-әрекеттерді жүргізудің тәртібі мен шарттары жөнінде ескертулер мен қарсылықтар айту, хаттамадағы жазбаларға өз редакциясын ұсыну, анықтаушының, тергеушінің немесе соттың назарын іс үшін маңызы болуы мүмкін мән-жайларға аудару құқығы қамтамасыз етілуі тиіс. Хаттамаға тергеу және сот іс-әрекеттеріне қатысушыларға олардың құқықтары түсіндірілгені туралы белгі қойылады.

Ауызша айтылған толықтырулар, түзетулер, ескертулер, қарсылық білдірулер, өтінімдер және шағымдар хаттамаға енгізіледі, ал жазбаша нысанда жазылғандары хаттамаға қоса беріледі. Сызылып тасталған немесе көшіріліп алынған сөздер немесе басқа түзетулер туралы хаттаманың соңына қол қою алдында ескерту жасалады.

Тергеу іс-әрекетінің хаттамасымен танысқан адамдар хаттаманың әр бетіндегі мәтіннің соңғы жолының астына және оның соңына өзінің қолын қояды. Сот отырысы хаттамасының бөлігімен танысу кезінде әр беттің аяғына және осы бөліктің соңына қол қойылады.

Анықтаушы, тергеуші немесе сот ескертулермен немесе қарсылық білдірулермен келіспеген жағдайда ол туралы қаулы шығарады.

Заңдарда көзделген жағдайларда процеске қатысушылардың біреуі немесе басқа да адамдар тергеу іс-әрекетінің хаттамасына қол қоюдан бас тартқан кезде анықтаушы немесе тергеуші өзінің қолымен куәландыратын хаттамаға ол туралы белгі соғады.

Сот отырысының хаттамасында жазылған соттың іс-әрекеті туралы жазбаларға заңда көзделген жағдайларда қол қоюдан бас тартылса, ол хаттамада сот отырысына төрағалық етуші мен хатшы өз қолдарымен куәландыратын белгі соғылады.

Хаттамаға қол қоюдан бас тартқан адам бас тартуының себебін түсіндіруге құқылы және бұл түсіндіру хаттамаға енгізілуі тиіс.

Егер іс жүргізу іс-әрекетіне қатысушы өзінің дене кемшілігінің салдарынан хаттаманы өзі оқи алмаса немесе оған қол қоя алмаса, онда оның келісімімен оның қорғаушысы, өкілі немесе ол адам сенетін басқа азамат хаттаманы дауыстап оқиды және оған қол қояды, ол туралы хаттамада белгі қойылады.

Дәлелдемелерді бекіту үшін хаттамалар жасаумен қатар дыбыс жазу, бейнежазба, киноға түсіріп алу, фотоға түсіру, құймалар, таңбалар, жоспарлар, кестелер дайындау және ақпаратты бейнелеудің басқа да әдістері қолданылуы мүмкін. Тергеу іс-әрекетіне немесе соттың талқылауына қатысушының дәлелдемелерді бекітудің көрсетілген әдістерін қолданғандығы туралы тиісінше тергеу іс-әрекеті хаттамасына немесе сот отырысының хаттамасына пайдаланылған ғылыми-техникалық құралдардың техникалық сипаттамасы келтіріле отырып, белгі соғылады.

Фонограммалар, бейнежазбалар, кинофильмдер, фотосуреттер, құймалар, таңбалар, жоспарлар, кестелер тергеу немесе сот іс-әрекетінің барысы мен нәтижелерін басқа да бейнелеулер хаттамаға қоса беріледі. Әрбір қосымшада оған қатысты тергеу немесе сот іс-әрекетінің атауы, орны, күні көрсетілген түсіндірме жазба болуға тиіс. Бұл жазбаны іс бойынша сотқа дейінгі іс жүргізу барысында анықтаушы немесе тергеуші және қажет болған жағдайларда, куәгерлер, ал сотта сот отырысының төрағалық етушісі мен хатшысы өз қолдарымен куәландырады. Сонымен қатар жиналған және бекітілген дәлелдемелер зерттелуге жататыны белгілі, ҚР ҚІЖК 127-бабында: «Іс бойынша жиналған дәлелдемелер жан-жақты және объективті зерттеуге жатады. Зерттеу алынған дәлелдемелерді талдауды, оны басқа да дәлелдемелермен салыстыруды, қосымша дәлелдемелер жинауды, дәлелдемелерді алу көздерін тексеруді қамтиды».

Қылмыстық істер бойынша дәлелдемелерді бағалау да аса маңызды мәселе екендігі айтылып жүр. Оның қорытындысы бойынша арнайы нормативтік қаулылар қабылдау ұйғарылды. Өйткені мұның азаматтардың конституциялық құқығы мен мүддесін сотта қорғауды қамтамасыз етуде маңызы жоғары болмақ. Еліміздің Жоғарғы Соты ТМД елдері арасында бірінші болып республикадағы соттардың қылмыстық істер санаты бойынша қылмыстық ізге түсу және айыптау органдарының сотқа жіберген дәлелдемелеріне баға беруге байланысты сот тәжірибесін талдап, шолу жасаған еді. Осы орайда аталған нормативтік қаулыда тергеу органдарының күшімен алынған заңдылықтардың сотта міндетті түрде анықталуға байланысты көптеген аспектілері айқындалған. Әсіресе дәлелдемелерді жинау барысында заң талаптары дұрыс сақталған ба, айыпталушыны қорғау құқығын қамтамасыз етуде және арызданушы жақтың шағымын тексеру бойынша барлық шаралар қолданылған ба, тергеуде заң талаптары дұрыс жүргізілген бе деген сауалдар сотта жан-жақты қаралуы, ескерілуі тиіс екендігіне назар аударылды.

Жалпы адвокаттар сот процесінде сырттан қараған адамға екінші деңгейдегі адам секілді болып көрінеді, өзінің қорғауындағы адамның санатында бағаланады. Осының өзі адвокатуралық қызметке деген халықтың сенімін жоғалтып, сот ісінің біржақты айыптау бағытымен жүргізілетіндей әсер қалдырып жүр. Сондықтан адвокаттардың мәртебесін әлі де көтеру керек сияқты.

Қорғаушылардың екінші деңгейдегі қызметкер болып көрінуі, біздің ойымызша, себебі мынада. Қылмыстық істерді жүргізу заңы тараптардың бәсекелестігі және тең құқылық идеясын қылмыстық сот ісінде бекіткен (ҚР ҚІЖК 23-б.). Бәсекелестік ретінде айыпталушының қорғалуға деген құқығын ғана түсінуге болмайды, бұл сонымен бірге ақиқатты іздеу әдісі мен айғақтарды зерттеу тәсілі де болып табылады. Өкінішке қарай, қазақстандық қылмыстық процесте, әсіресе сотқа дейінгі сатыда осы функцияларды не қорғалушы, не айыпталушы жеткілікті түрде жүзеге асыра алмайды, себебі біздің қылмыстық процесте қылмысты дәлелдеуде тергеушінің, анықтаушының және прокурордың рөлі басым болатындығы айтылады. Адвокаттың дәлелдеуге қатысу мәселесі нормативті актілерде

жеткіліксіз реттелгендіктен, қылмыстық процеске тартылған адамдардың бостандықтары мен құқықтары едәуір бұзылады.

Заң актілері тергеушіге айыптау және ақтау дәлелдемелерін жинауды жүктейді. Алдын ала тергеудің негізгі міндеті — сот үшін материал жинау. Осылайша тергеуші бір мезгілде бір-біріне мүлдем қарама-қайшы функциялар атқаруға міндетті. Тергеушінің айыптау жағына еліту мүмкіндігі аса жоғары. Қылмыстық істі қозғаған кезде ол айыпталушыға қарсы бұлтартпайтын шараларды тауып, айыптауды біржақты тұжырымдайды. Сөйтіп, тергеуші өзінің шешімінің тұтқынына айналады. Сондай-ақ тергеуші өз жұмысының сапасын бағалау жүйесіне орай, дәлелдемелер жинауда әр кезде объективті бола бермейді, соған байланысты қылмыстық істі тоқтату, оның тарапынан жіберілген қателік ретінде бағаланады және тергеушіге тағылған айып-кінә болып саналады.

Сайысудың негізі қылмыстық процестің сотқа дейінгі кезеңінде қалыптасуы керек. Екі жақ та сотқа айыптау және ақтау дәлелдемелер жиынтығымен тең болып келуі тиіс. Қолданыстағы заңға сәйкес қорғаушы тарапына қарағанда, сотқа дейінгі сатыда дәлелдемелер жинаған айыптаушының қолында көбірек материал болады. Нәтижесінде сотта қорғаушының рөлі көбінесе тергеушінің жұмысындағы кемшіліктерді іздеумен ғана болады. Көп уақытты сол алады. Квалификациялық құқықтық көмек мәселелері бойынша заң жобасында, дәлелдемелер жинау жөніндегі адвокаттың өкілеттігіне қатысты бірқатар өзгертулер қарастырылған.

Көбіне адвокаттардың мәлімдеген өтініштері мен шағымдары прокуратура, тергеу органдары, тіпті сот процестерінде де еленбей қалып жатады. Бұған себеп адвокаттардың жинаған дәлелдемелері мен деректерінің салмақсыздығы ма, жоқ қазіргі кездегі қорғаушылардың кәсіби біліктілігінің төмендігі ме деген сауалдарда туып жатады. Бұған көптеген ғалымдар мен тәжірибеде жүрген біраз қызметкерлерде өз ойларын айтып жүр.

Мысал ретінде Адвокаттар одағының президенті А. Түгелдің айтуынша: «Адвокаттардың берген өтініштерінің барлығын бірдей қылмыстық қудалау органдары мен сот органдарының қанағаттандыра бермейді. Кейбір кездерде адвокаттардың жолдаған өтініштері мүлде қаралмайды, тіпті ешқандай негізсіз қайта қайтарылып жатады. Бұл олардың салмақсыздығынан немесе сауатсыз құрастырылғандығынан емес. Мәселе адвокаттың кез келген өтініші мен қолдауы алдын ала тергеудің де, сол сияқты соттық тергеудің де процесін тежейтіндігінде. Әдетте сотқа қатысушылар процестің тез бітуін қалайды. Қорғалушылардың келтірген дәйекті дәлелдері, сауатты жазылған қолдау хаттары тергеу жұмысына елеулі кедергі келтіреді, сондай-ақ тергеу барысын өзгертіп, бұрынғы пікірлерді бұзуы мүмкін. Осы мәселені шешу мақсатында біз адвокаттардың нақты дәлелдер келтірілген қолдау хаттарын қанағаттандыруды қамтамасыз ететін тиімді процессуалдық механизмін қалыптастыруды ұсынып отырмыз. Мәселен, қорғалушы тараптың барлық қолдау хаттарын қараудың міндеттілігі нормасы туралы Қазақстан Республикасының «Адвокаттық қызмет туралы» Заңына өзгерту енгізуді сұрап отырмыз. Қолдау хатты қанағаттандырмай, негізсіз кері қайтарған жағдайда сотқа және прокурорға, сондай-ақ алдын ала тергеу органдарының лауазымды тұлғаларына қатысты қатаң шаралар қолдану мүмкіндігі де сол ұсынысымызда қарастырылған деп пайымдап жатыр» [6].

Жалпы адвокаттардың дәлелдемелер жинауға қатысуының ашылмаған біраз астары мен мәселелері жетерлік. Сондықтан, біздің ойымызша, осы дәлелдемелер жинауда «Адвокаттық қызмет туралы» Заңды қайта қарап, біраз толықтырулар енгізу қажет деп санаймыз. Яғни, осы Заң бүгінгі заманның тамыр бүлкілін дөп басып, қорғаушылардың мәртебесін көтеруге келгенде дәрменсіздеу сияқты көрініп жүр.

Әдебиеттер тізімі

1 Қазақстан экономикалық, әлеуметтік және саяси жедел жанару жолында: ҚР Президентінің Қазақстан халқына Жолдауы. — Астана, 2005. — 18 ақп.

2 Жалыбин С.М. Защита прав граждан в уголовном судопроизводстве. — Алматы: Жеті жарғы, 2002. — С. 158.

3 Шейфер С.А. Собрание доказательств в советском уголовном процессе. — Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1986. — С. 38.

4 Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. — Т. 1. — М., 1968. — С. 470.

5 Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Казахстан / Ред. М.Ч.Когамов. — Алматы: Жеті жарғы, 2008.

6 [ЭР]. Режим доступа: <http://www.advokatura.kz/articles/653/>

Е.Т.Нурмаганбет

**Проблемы и предложения по участию адвоката-защитника
в доказывании по уголовному процессу**

В статье рассмотрены теоретические проблемы деятельности адвоката-защитника в собирании доказательств. Отмечено: для того чтобы разрешить уголовное дело, нужно доказать в законном порядке виновность или невиновность лица, в отношении которого ведется уголовное дело. Определено, что в этой связи в литературе вполне обоснованно пишут: доказывание — это основной элемент, сердцевина уголовного процесса. Показано, что в науке уголовного процесса идут дискуссии относительно возможности участия адвоката-защитника в доказывании по уголовному делу. Таким образом, автор в статье определено, что, несмотря на законодательное закрепление права защитника участвовать в собирании доказательств, отсутствие механизма его осуществления не позволяет в полной мере реализовать такие конституционные принципы, как состязательность и право обвиняемого на защиту.

E.T.Nurmaganbet

**Problems and the offer participation of the lawyer defender
in proof on criminal trial**

In this article the author considers the problem of representation by counsel — defense counsel in proving criminal cases, including those discussed activities of the submission and the gathering of evidence, and the opportunity to change the rules of modern legislation. This article discusses the theoretical issues and activities of defense counsel involved in the gathering of evidence. To resolve the criminal case, to prove legally guilt or innocence of the person against whom the criminal case. In this regard, the literature is justified write that proof — this is the basic element, the core of the criminal process. In science, the criminal proceedings are discussions about the possibility of the participation of defense counsel in proving a criminal case. Thus, despite the legal right to participate in the gathering of the defense evidence, the lack of a mechanism for its implementation does not allow to fully implement the constitutional principles such as competition and the defendant's right to a defense.

References

- 1 *Message of the President of the Republic of Kazakhstan N.A. Nazarbaev to the people of Kazakhstan*. Kazakhstan on the way of the accelerated economic, social and political modernization. City of Astana. February, 2005.
- 2 Zhalybin S.M. *Protection of the rights of citizens in criminal legal proceedings*, Alma-Ata: Zheti Zhargy, 2002, p. 158.
- 3 Sheyfer S.A. *Collecting of proofs in the Soviet criminal trial*, Saratov: Publ. house the Saratov State University, 1986, p. 38.
- 4 Strogovich M.S. *Kurs of the Soviet criminal trial*, Moscow, 1968, 1, p. 470.
- 5 *The comment to the Code of criminal procedure of the Republic of Kazakhstan* / Edition M.Ch.Kogamov, Alma-Ata: Zhety-Zhargy, 2008.
- 6 [ER]. Access mode: <http://www.advokatura.kz/articles/653/>

АЗАМАТТЫҚ ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ АЗАМАТТЫҚ ПРОЦЕСС ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

UDC 347.19 (410)=20

K.Mekhrabi

Linkage & Mind LLP, London, UK (E-mail: kulzhan@hotmail.com)

How far have the principles articulated by the House of Lords in *Salomon V.A. Salomon & sons Ltd [1897] ac 22* been developed since the decision? To what extent does the current approach accord with modern business practice?

This essay examines evolution of corporate legal personality and limited liability concepts and their relevance to modern business practice. It will also deal with issues of when a company's legal personality is ignored and when the veil is lifted. It is not merely about disregarding the corporate personality, but also about imposing just and reasonable limitations on the exercise of the privilege of independent capacity.

Key words: corporate law, corporate personality, corporation, legal entity, enterprise, limited liability principles, Solomon principles.

The epoch-making decision of the House of Lords in *Salomon v Salomon* [1] was the first English case to strongly affirming the principles of separate legal personality and limited liability, causing a far-reaching impact [2]. Perhaps the most important and often cited decision to this day, the significance and reach of *Salomon* cannot be overstated. These principles form the very foundations of modern business and corporate law [3].

Notwithstanding various attempts by both the legislature and the judiciary to circumvent the principles, the ruling has, with few exceptions, stood the test of time. Since the decision in *Salomon's* case, the complete separation of the company and its members has never been doubted. However, despite theoretical unanimity on the practical need for the principles, from a practical perspective, the separate legal personality of a corporation causes some difficulties [4].

This essay examines evolution of corporate legal personality and limited liability concepts and their relevance to modern business practice. It will also deal with issues of when a company's legal personality is ignored and when the veil is lifted. It is not merely about disregarding the corporate personality, but also about imposing just and reasonable limitations on the exercise of the privilege of independent capacity.

The starting point is that upon incorporation a company becomes a separate legal entity with the rights, duties, obligations and liabilities that could normally be associated only with a natural person and at law it is distinct from and independent of its shareholders. This is the fundamental attribute of corporate personality, from which all the other practical consequences flow. As a separate legal person, a registered company is capable of suing and being sued [5], it has perpetual succession [6], it can enter into contracts in its own name and it has power to acquire, hold and dispose of property [7], it can contract with its controlling member [8] and can be the debtor, creditor or surety of a member. Moreover, a corporation can enter into flexible financing arrangements by creating a floating charge. Finally, although, not always necessary, the liability of a limited company is limited [1], i.e. a company is exclusively liable for obligations incurred on its behalf.

Salomon was followed in subsequent cases, notably *Lee v Lee's Air Farming Ltd*, where the wife of the majority shareholder and practically a sole member of the corporation successfully claimed compensation as the wife of an «employee who lost his life in course of employment», and *Macaura v Northern Assurance Co* which highlight the reality of the separate corporate identity and take it a step further in stressing the distinction between a company's identity and that of its shareholders. Thus the position of law regarding

the separate legal personality of a company has been deeply entrenched in the very roots of the common law tradition.

However, modern practice, with the growth of commercial enterprise, has resulted in principles being abused by shrewd entrepreneurs. Corporate structures have sometimes been used to bend the law and avoid lawful duties and liabilities. The regulatory response to this has been the creation of statutory exceptions ignoring the separate legal personality in certain circumstances [9]. Although judicial invasions have also been made, there is still uncertainty of where the thin line between lifting the veil and disregarding the corporation's existence lies.

The culmination point in this context is *Adams v Cape* [10], the case that is probably cited just as often as *Salomon* itself. The core decision was that «the court is not free to disregard the principle of *Salomon v Salomon* merely because it considers that justice so requires» underlying the separate legal identity of each group member. Although, sometimes the courts give justice primacy over the «legal efficacy of the corporation» and pierce the veil, as on issuing *Mareva* injunctions [11] or in *Re A Company* [12], there appears to be a change of attitude and direction by the 1990's, whereby *Adams* seems to resist further attempts to erode the *Salomon* principle, promoting certainty at the expense of justice. The judgements in *Re Polly Peck International Plc (In Administration)* [13] and *Yukong v Rendsberg* [14] reiterate this position despite scope for perceived injustice. The earlier case of *Creasey v Beachwood Motors Ltd* [15], where the corporate veil was lifted in order to prevent a company's attempt at avoiding to settle an unfair dismissal claim, was set aside in *Ord v Belhaven* [16] following *Adams*. The law now pursuant to *Ord* is that corporate personality can only be ignored where the corporate form is being used for some «manifestly improper or fraudulent purpose» and the principles on which the veil would be pierced are very inelastic. Thus a bona fide group restructuring *lis pendens* was held to be perfectly legitimate, despite the subsidiary having no assets left to meet its contingent liabilities. The case of *Williams v Natural Life Health Foods* [17] also serves to reiterate the separate entity and limited liability principles by highlighting the difficulty in lifting the corporate veil in order to sue the Managing Director. The concerns expressed by *Moritt V.C.* in *Trustor AB v Smallbone (No 2)* [18] further validates the position that the corporate veil cannot be lifted merely because justice requires it and that the only remedy for a plaintiff is to go under the narrow exception of fraud [1] or evading an existing fully crystallised contractual/legal obligations as in *Jones v Lipman* [19] or *Gilford Motor* [20].

In *Gilford Motor*, in which the defendant attempted to evade his obligations under a contract not to compete with the claimants, but carried on a competing business with a company owned by his wife, it was held that the company was a sham used to try to evade the contractual obligations. In *Jones*, the defendant company was described as «...a sham...to avoid recognition by the eye of equity». This is possibly one of the vaguest, although often-used exceptions to limited liability. Gower, while noting the difficulties associated with determination of when a facade is used, believes that it is the only true instance of lifting the veil, because unlike agency/group companies/statutory exceptions where the independent existence is not denied but the practical effect on rights and liabilities is as if it had been, here there is an express rejection of the former [21]. Lord Cooke, on the contrary, takes a more conservative view questioning whether «sham» is an exception, since if the company is deemed to not exist, then the concept of piercing its veil is jurisprudentially unimaginable and a «spurious concept» [22]. Thus its use should be very restricted [23] since unhampered usage as in *Jones* proves that the very act of granting a remedy against the company proves that it was not a sham.

The so-called agency relationship can be identified as the most commonly proposed exception to the separate legal personality principle. As decided in *Salomon*, if a company is acting as an agent for another party the corporate veil may be lifted. The courts, however, appear reluctant to determine that a principle-agent relationship exists with respect to an individual controlling shareholder, whereas they have demonstrated less reluctance when the alleged agency is between a holding company and its subsidiary. Perhaps, this is because such a situation offers more opportunity for holding company management to unfairly take advantage of limited liability. The vast majority of decisions concerning group companies, however, orbit around the *Salomon* principles, thus underlying the separate legal identity of each group member.

This has led to a lot of debate with regard to what has become known as the single economic unit. Sometimes, corporate groups with various subsidiaries that are in essence all separate legal entities were not considered as such. This started with *DHN Food Distributors* [24] where the court «looked at the business realities of the situation rather than confining itself to narrow legalistic views» prompting scholars to suggest that courts may disregard the separate legal identity of all companies involved and to recognise them as one main company whenever it is «just and equitable to do so» [17]. The source of confusion was Lord Den-

ning's reliance on Professor Gower's observation that there was a «general tendency» to ignore the separate legal personality within a group and look at it as a single economic entity which completely contravened the ruling in *Adams*. Although DHN was approved in *Amalgamated Investment v TCIB* [25] and in *Lewis Trusts v Bambers Stores*, the Court of Appeal, in the latter case of *Multinational Gas* [26] indicated that DHN was an aberration. Indeed, English courts soon returned to the *Adams* position and further cases have reasserted the importance of the separate entity principle as enunciated in *Salomon*, notably the decisions in *Re Polly Peck*, *Yukong and Ord*.

However, the question whether these principles created 100 years ago are capable of generating and controlling modern corporate groups remains open. Is it appropriate to uphold separation and limited liability in legal entity shareholders, or should this be privilege of natural persons?

From practical prospective, a creditor of a single company can easily identify the shareholders and assets of the company and assess the risk of his loss should the company be unable to pay its debt. However, problems may arise with the corporate group, where the creditor may find himself in a position that while intending to deal with a major company with many assets, he is in fact dealing with a subsidiary with the minimum share capital and assets even though the directors and shareholders remain the same. Due to the concept of a separate legal personality, he will be unable to recover any debt owed by the subsidiary from the group as a whole unless he is able to show an agency relationship [27] or that the subsidiary is a mere façade that allows the courts to pierce the corporate veil. The rationale behind this is that creditors should or would have known about the state of affairs before transacting with the company as the company accounts are public records.

Although voluntary creditors may create protection for themselves by putting a price that reflects the amount of risk they are exposed, or guarantees given by a parent company, or «cross guarantees» whereby each company forming part of the group guarantees not only its own indebtedness but also that of the other companies forming the group, involuntary creditors remain unprotected. The unfortunate effect of limited liability for tort victims is that it enables a corporate group to ensure that a subsidiary that is likely to commit the tort, and hence be liable for damages, has the least assets and its liquidation would have little detrimental effect on the group as a whole [28].

Few writers note that the typical function of the limited company today is substantially different to that for which it was originally intended or anticipated. Muchlinski claims that the idea of the separate legal entity doctrine has no place in a parent-subsidiary relationship, as the parent does not run the subsidiary like a normal shareholder. According to him, a normal shareholder has little or no interest in running the company while a parent turns out to be the actual manager [29]. Hannigan suggests that the strict adherence to the *Salomon* principle is inappropriate in the modern business world where recognition ought to be given to the group commercial activities that could not have been envisaged in 1897 and that obligations, responsibilities and liabilities should attach to the group as a whole so as to reflect the «economic reality» [30]. Blumberg argues that discussions on corporate personality in vacuum have no relevance in the modern commercial world where group companies are commonplace and consequently, the focal point of legal controversies.

Daehnert, however, made a point by looking at the problem from a position of a risk shifting mechanism from shareholders to creditors [31]. He mentioned two aspects: legitimacy and necessity. As regards legitimacy, it has to be asked why natural persons should be allowed to shield themselves from risks, while legal entities may not. After all, the *Salomon* principles are consequences of the divorce of investment and entrepreneurship by transferring the risk of management. Is it not legitimate to transfer risks to one or more group members in order to protect the whole group? A single group member's insolvency may bring down the whole group [32]. This illustrates the point that it might be far more beneficial to allow the shifting of risks in order to protect the whole group at the price of a few being sacrificed. On the other hand, creditors of other group members would disagree to carry the insolvency risks of group members they did not contract with. Furthermore, corporate groups would suffer competitive disadvantages compare to single firms, as the costs of operating the business would be greater where the parent was liable for debts arising while shareholders of a sole company were not.

As for necessity, it has to be asked which risks are socially desirable and whether progress would be blocked where they did not exist. Apparently, it cannot be denied that there exists a kind of risk aversion and that limited liability fulfils the function of risk insurance, thus fuelling economic and technical progress. This argument is also valid in the group context and it may be noteworthy that economic actors, whether single ones or groups, rely de facto on this form of risk insurance. Otherwise, managers of corporate groups might be reluctant to embark on risky new activity because they are required to avoid exposing the parent

entity without protection. It appears to be difficult to imagine a complex diversified economy without adequate risk spreading mechanisms. Risks cannot disappear, they can only be shifted.

Solution for this problem has already been in place, particularly in a strict and extensive capital maintenance regime, which ought to prevent unconstrained flow of assets back from the company to its shareholders, mechanisms for prevention of asset deprivation, liability for wrongful and fraudulent trading, disclosure, disqualification, etc. which demonstrate that there is no need to dissolve the borderlines of separation and liability within corporate groups.

Many cases discussed throughout this essay, thus recent case law points to the importance of the Salomon principles where companies will be regarded as separate legal entities with their own liabilities and obligations unless there seem obvious reasons to disregard the corporate veil. Since *Salomon v Salomon* the courts and the legislature have not stood still, yet rather than eroding this 'cornerstone' they have merely reinforced its importance for modern company law vigorously rejecting group liability. For surely the whole notion of incorporation carries with it notions of risk taking and it would be impossible to protect against all of this. However, these threats cannot and must not be solved by abolishing the fundamental elements of every modern economy.

References

- 1 *Salomon V.A.* *Salomon & Sons Ltd* [1897] AC 22.
- 2 *Kahn-Freund O.* «Some Reflections on Company Law Reform» (1944) 7 *Modern Law Review* 54.
- 3 *Mohanty S., Bhandari V.* The evolution of the separate legal personality doctrine and its exceptions: a comparative analysis, *Company Lawyer* 2011.
- 4 A Two-Edged Sword: *Salomon and the Separate Legal Entity Doctrine*, Murdoch University Electronic Journal of Law at <http://www.murdoch.edu.au/elaw/issues/v7n3/puig73a.html> (last visited 19 August 2011).
- 5 *Foss v Harbottle* (1843) 67 ER 189.
- 6 *Regal (Hastings) Ltd v Gulliver* [1942] 1 All ER 378.
- 7 *Macaura v Northern Assurance Co Ltd* [1925] AC 619.
- 8 *Lee v Lee's Air Farming Ltd* [1961] AC 12.
- 9 Company Directors Disqualification Act 1986 ss. 4 and 10, Companies Act 2006 s. 993, and Insolvency Act 1986 p. 213–215 impose personal liability on directors for fraud.
- 10 *Adams and Others v Cape Industries Plc. and Another CA* [1990] Ch 433.
- 11 *Mareva Compania Naviera SA v International Bulkcarriers SA* [1975] 2 Lloyd's Rep 509.
- 12 *A Company, Re* [1985] BCLC 333.
- 13 *Polly Peck International Plc (In Administration), Re* [1996] 2 All ER 433.
- 14 *Yukong Line Ltd of Korea v Rendsberg* [1998] 1 All ER 929.
- 15 *Creasey v Beachwood Motors Ltd* [1993] BCLC 480.
- 16 *Ord v Belhaven* [1998] BCLC 447.
- 17 *Williams v Natural Life Health Foods* [1998] 1 WLR 830.
- 18 *Trustor AB v Smallbone (No 2)* [2001] 2 BCLC 436.
- 19 *Jones v Lipman* [1962] 1 WLR 832.
- 20 *Gilford Motor Co Ltd v Horne* [1933] Ch 935.
- 21 Gower et al., *Principles of Modern Company Law*, 1997. — P. 173.
- 22 Lord Cooke 'A Real Thing: *Salomon v. A. Salomon & Co. Ltd*'. in *Turning Points of the Common Law*, 1997. — P. 15.
- 23 *Snook v London & W Riding Investments Ltd* [1967] 2 QB 786.
- 24 *D.H.N Food Distributors v Tower Hamlets L.B.C* [1976] 3 All ER 462.
- 25 *Amalgamated Investment and Property Co. Ltd. v Texas Commercial International Bank Ltd.* [1982] Q.B. 84.
- 26 *Multinational Gas and Petroleum Co v Multinational Gas and Petroleum Services Ltd* [1983] 3 WLR 492.
- 27 *Smith, Stone & Knight Ltd v Birmingham Corp* 84 [1939] 4 All ER 116.
- 28 *Barings Plc (In Liquidation) v Coopers & Lybrand (No. 4)* [2002] 2 BCLC 364.
- 29 Muchlinski P.T. «Holding Multinationals to Account: Recent Developments in English Litigation and the Company Law Review» (2002) 23 *Company Lawyer* 168.
- 30 Hannigan *Company Law* (Butterworths LexisNexis 2003).
- 31 Daehnert A. 'Lifting the corporate veil: English and German perspectives on group liability', *International Company and Commercial Law Review* 2007.
- 32 *Facia Foorwear Ltd v Hinchcliffe* [1998] 1 BCLC 218.

К.Мехраби

Лордтар палатасымен қалыптастырылған қағидалардың дамуы Salomon V.A. Salomon & sons ltd [1897] ас 22 және оларды қазіргі кездегі іскерлік тәжірибеде қолдану мүмкіндігі

Мақалада корпоративті заңды тұлғалардың эволюциясын, жауапкершілігі шектеулі ұйымдардың тұжырымдамаларын және олардың қазіргі кездегі іскерлік тәжірибе үшін өзектілігі қарастырылды. Компаниялардың құқық субъектілігін елемеушілік мәселелері зерттелді. Корпоративті тұлғаға мән бермеу жағдайы ғана емес, сонымен қатар құқықтарды жүзеге асыруда әділ және орынды шектеулерді қоюға талдау жасалды.

Кулжан Мехраби

Развитие принципов, сформулированных палатой лордов в Salomon V.A. Salomon & sons ltd [1897] ас 22, и возможность их применения в современной деловой практике

В статье показаны эволюция корпоративных юридических лиц, организаций с ограниченной ответственностью и их актуальность для современной деловой практики. Рассмотрены вопросы игнорирования правосубъектности компаний. Проанализированы не просто случаи пренебрежения корпоративной личности, но и случаи наложения справедливых и разумных ограничений в осуществлении прав.

УДК 349.222:331.109[(574)+(479.24)]

А.С.Киздарбекова¹, Р.Ю.Мамедов²

¹Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова;

²Академия полиции Министерства внутренних дел Азербайджанской Республики, Баку (E-mail: m_rashad@mail.ru)

Порядок разрешения коллективных трудовых споров по законодательству Республик Казахстан и Азербайджан

В статье рассмотрены особенности разрешения коллективных трудовых споров по законодательству Республики Казахстан и Азербайджана. Проанализированы процедуры разрешения коллективных трудовых споров посредством примирительных процедур, среди которых согласительные комиссии, привлечения посредника и трудовые арбитражи. Особенное внимание автором уделено правовым основам подготовки и проведения забастовок, проанализированы особенности законодательства Казахстана и Азербайджана в части возможности использования данного способа при разрешении коллективных трудовых споров.

Ключевые слова: трудовой договор, трудовой спор, конфликт, коллективный договор, работник, работодатель, согласительная комиссия, трудовой арбитраж, суд.

Конституции Республик Азербайджан и Казахстан предусматривают право на коллективные трудовые споры и их разрешение в порядке, установленном Трудовым кодексом, включая право на забастовки (ч. 3 ст.24 Конституции КР и ст. 36 Конституции АР) [1; 2].

Коллективный трудовой спор — это неурегулированные разногласия (несогласия) между группой работников и работодателем по вопросам применения трудового права со стороны работодателя или его представителей — должностных лиц по поводу установления и изменения условий труда (включая заработную плату), заключения, изменения и выполнения коллективных договоров (соглашений) по вопросам социально-трудовых отношений [3; 4].

На практике основой для коллективного спора являются часто повторяющиеся индивидуальные споры, которые необходимо разрешать в порядке и на условиях, предусмотренных ст.ст. 170–177 Трудового кодекса РК [4]. Однако из-за беспечности не только работодателя, но и самих работников (включая действующие профсоюзные комитеты) на многих предприятиях не созданы согласительные комиссии. В условиях, когда не уделяется должного внимания разрешению локального (индивидуального) конфликта, создается благодатная почва для появления коллективного трудового спора.

Конфликт может быть исчерпан, если на обращение работников работодатель отреагирует положительным решением, т.е. удовлетворением их требований. В этом случае разногласия прекращаются, и коллективный трудовой спор не возникает. Но если работодатель сообщает работникам (их представителям) об отклонении всех или части требований или вообще не сообщает своего решения представительному органу работников, тогда и возникает коллективный трудовой спор. Момент перехода разногласий в коллективный спор называется началом коллективного трудового спора [5; 9].

Как в Казахстане, так и в Азербайджанской Республике возникновение коллективного трудового спора может быть спровоцировано изданием акта работодателя при недостижении согласования с представителями работников. Например, согласно п. 7 ст. 12 Трудового кодекса РК при издании работодателем акта без учета предложений (полностью либо части) представители работников вправе начать процедуру коллективного трудового спора.

Следует отметить, что коллективный трудовой спор в динамике проходит следующие стадии: выдвижение требований; рассмотрение спора его сторонами; рассмотрение спора примирительной комиссией; рассмотрение спора с участием посредника; рассмотрение спора трудовым арбитражем.

В случае возникновения разногласий между сторонами работники формируют свои требования и выдвигают их перед работодателем. Правом выдвижения требований обладают сами работники и их представители. Требования формируются, как правило, группой лиц так называемого «организационного комитета» для рассмотрения их на собрании либо конференции работников. Особо следует отметить такой юридический аспект, как правомочность указанных выше представительных органов трудового коллектива. Как в Азербайджане, так и в Казахстане требования работников формируются и утверждаются на общем собрании (конференции) работников. Общее собрание работников считается правомочным, если на нем присутствуют не менее половины от общего числа работников организации. Конференция считается правомочной, если на ней присутствуют не менее двух третей делегатов, избранных работниками в соответствии с протокольными решениями собраний, проведенными в структурных подразделениях данной организации. Требования работников считаются принятыми, если за них отдано большинство голосов участников собрания (конференции). При невозможности проведения собрания (конференции) работников представительный орган имеет право утвердить свое решение, собрав подписи более половины работников в поддержку выдвинутых им требований.

Днем возникновения коллективного трудового спора считается либо день письменного уведомления работодателя (объединения работодателей) о требованиях работников, утвержденных решением общего собрания (конференции), либо день истечения семи календарных дней со дня получения выдвинутых работниками требований в случае несообщения работодателем, объединением работодателей своих решений.

По законодательству Азербайджана работодатель обязан уведомить работников или профсоюзную организацию о своем решении по коллективным требованиям в письменной форме в течение 5 рабочих дней с момента представления требований. В случае, если коллективный правовой спор начался, работодатель обязан в течение 3 рабочих дней сообщить соответствующему органу исполнительной власти, каким в Азербайджане является Министерство труда и социальной защиты населения, о начале коллективного спора. Трудовой кодекс Азербайджана не допускает права предъявлять требования, не соответствующие экономическим возможностям работодателя. Однако это не означает, что работодатель в каждом предъявляемом требовании может ссылаться на свои экономические возможности. Так, ч. 4 ст. 262 ТК АР устанавливает: в таком случае работодатель должен доказать, что предъявленные требования не соответствуют его экономическим возможностям только на основании заключения аудитора [3].

К перечню требований, рассматриваемых работниками, относятся требования по вопросам установления и изменения условий и оплаты труда, заключения, изменения и выполнения коллективных договоров и соглашений между работниками и работодателем, объединением работодателей.

Согласно казахстанскому законодательству требования работников, оформленные в письменном виде, направляются работодателю, объединениям работодателей в течение трех календарных дней со дня проведения общего собрания (конференции) работников. Если требования по вопросам установления и изменения условий и оплаты труда, заключения, изменения и выполнения коллективных договоров и соглашений между работниками и работодателем, объединением работодателей выдвигаются работниками разных работодателей, то названные требования могут представлять отраслевые или региональные объединения профессиональных союзов либо иные уполномоченные работниками физические и (или) юридические лица.

Работодатель, объединение работодателей обязаны воздерживаться от всякого вмешательства, способного воспрепятствовать проведению собрания (конференции) работников по выдвигению требований [6; 635]. Статья 290 ТК РК предусматривает, что работодатель, объединение работодателей обязаны рассмотреть выдвинутые работниками требования не позднее семи календарных дней со дня их получения и принять меры для их разрешения, а при невозможности разрешения в указанный срок довести свои решения и предложения в письменном виде до работников, с указанием своих представителей для дальнейшего рассмотрения возникших разногласий [4].

Согласно законодательству Республики Казахстан на любой из стадий рассмотрения коллективного трудового спора стороны могут обратиться к посреднику (медиатору) [7]. Процедура посредничества является самостоятельной по отношению к примирительным процедурам в примирительной комиссии и может идти параллельно с ними.

Использование примирительных процедур при разрешении коллективных трудовых споров основано на международных правовых нормах. Рекомендация МОТ № 92 (1951) «О добровольном примирении и арбитраже» устанавливает следующие общие правила: 1) с целью способствования предупреждению и разрешению трудовых конфликтов должны создаваться органы по добровольному примирению; 2) в каждый орган по добровольному примирению должно входить равное число представителей от предпринимателей и трудящихся; 3) примирительная процедура должна быть бесплатной и оперативной, сроки должны сводиться к минимуму; 4) должны приниматься меры, чтобы процедура могла начаться по инициативе любой из сторон конфликта или органом по добровольному примирению; 5) сторонам следует рекомендовать воздерживаться от забастовок и локаутов в течение всего времени ведения переговоров о примирении; 6) все соглашения, достигнутые сторонами в результате переговоров, составляются в письменной форме и имеют равную силу с договорами, заключаемыми в обычном порядке [8].

В настоящее время нормы и ТК РК, и ТК АР соответствуют этим международным принципам. Следует отметить, что Азербайджанская Республика ратифицировала более 60 конвенций МОТ.

В порядке примирительных процедур рассматриваются отклоненные работодателем, объединением работодателей или удовлетворенные ими частично требования работников. Примирительные процедуры представляют собой разрешение коллективного трудового спора с помощью добровольного достижения согласованного решения на стадиях примирения: первоначально — в примирительной комиссии, а при недостижении соглашения в ней — трудовым арбитражем.

Основными принципами разрешения коллективных трудовых споров в порядке примирительных процедур являются: равноправное представительство сторон в органах примирения, равноправие сторон в переговорах и принятии решений, примирительно-партнерский характер процедуры рассмотрения спора, обязательный характер исполнения принятых решений для спорящих сторон, отсутствие кассационной инстанции по обжалованию принятых решений. К рассмотрению коллективного трудового спора на любой из стадий примирительных процедур стороны могут привлечь посредника.

Первой и обязательной процедурой при рассмотрении коллективного трудового спора в порядке примирительных процедур является рассмотрение его в примирительной комиссии. Как правило, примирительная комиссия — это орган, создаваемый по соглашению между сторонами коллективного трудового спора для его урегулирования путем примирения сторон. На этой стадии примирения стороны коллективного трудового спора стремятся выработать согласованное решение путем взаимных уступок и компромиссов. Примирительная комиссия является обязательным этапом разрешения коллективного трудового спора в порядке примирительных процедур. При отказе работодателя от удовлетворения всех или части требований работников или неуведомлении о своем решении в трехдневный срок создается примирительная комиссия, которая формируется из представителей сторон коллективного трудового спора на равноправной основе. Обязательность рассмотрения спора

примирительной комиссией предопределяется тем, что после рассмотрения коллективного трудового спора примирительной комиссией стороны спора вправе перейти к использованию других примирительных форм разрешения спора.

Согласно казахстанскому законодательству примирительная комиссия создается сторонами в течение трех календарных дней со дня доведения до сведения работников (их представителей) работодателем, объединением работодателей (их представителями) своего решения по выдвинутым требованиям работников либо со дня несообщения работникам (их представителям) работодателем, объединением работодателей (их представителями) своего решения по выдвинутым требованиям работников (по истечении семи дней со дня доведения до работодателя требований), либо со дня составления протокола разногласий в ходе коллективных переговоров.

Примирительная комиссия формируется из представителей сторон коллективного трудового спора на паритетной основе. Решение о создании примирительной комиссии оформляется актом работодателя и решением представителей работников. Порядок работы примирительной комиссии законодательно не урегулирован. Стороны трудового спора свободны в установлении порядка рассмотрения требований работников (их представителей) примирительной комиссией — этот порядок определяется по соглашению сторон и оформляется протоколом.

Решение примирительной комиссии принимается по соглашению между сторонами на основе переговоров, оформляется протоколом, который подписывается представителями сторон. Решение примирительной комиссии имеет для сторон обязательную силу. Если обе стороны пришли к соглашению, коллективный трудовой спор завершается на данном этапе, если нет, то рассмотрение коллективного трудового спора переходит к следующему этапу – принятию мер к примирению в трудовом арбитраже, который является вторым этапом разрешения спора путем примирительных процедур. Для организаций, в которых законом запрещено или ограничено проведение забастовок (ст. 303 ТК РК) [4], создание трудового арбитража обязательно, и трудовой арбитраж является завершающим этапом примирительных процедур.

В Азербайджанской Республике в соответствии со ст 265 ТК АР для разрешения коллективных трудовых споров могут быть использованы следующие примирительные способы: согласительная комиссия; посредник; трудовой арбитраж [3].

В отличие от законодательства Республики Казахстан в ТК АР создание, формирование и рассмотрение коллективных трудовых споров в согласительной комиссии определяется рабочими, а не календарными днями. Согласительная комиссия по законодательству АР создается в течение 3 рабочих дней с момента возникновения коллективного трудового спора и официально закрепляется соответствующим приказом (распоряжением, постановлением) работодателя и решением представителей работников. Коллективный трудовой спор рассматривается согласительной комиссией в течение 5 рабочих дней со дня ее создания. Если сторонами было достигнуто взаимное согласие в согласительной комиссии, то об этом составляется протокол. А если стороны не достигли согласия, то составляется протокол о разногласии (ТК АР 266) [3].

Согласно казахстанскому законодательству трудовой арбитраж — это временно действующий орган, создаваемый сторонами коллективного трудового спора в течение пяти календарных дней со дня прекращения работы примирительной комиссии. Трудовой арбитраж формируется с участием членов республиканской, отраслевой или региональной комиссий по регулированию социально-трудовых отношений. В состав трудового арбитража включаются представители общественных объединений, государственный инспектор труда, специалисты, эксперты и другие лица. Персональный состав трудового арбитража и количество членов арбитража определяются соглашением сторон коллективного трудового спора. Трудовой арбитраж должен состоять не менее чем из пяти человек. Председатель трудового арбитража избирается сторонами из числа членов арбитража.

По законодательству АР трудовой арбитраж создается совместным решением сторонами коллективного трудового спора не позднее 5 рабочих дней (ст. 268 ТК АР) [3]. Если законодатель Республики Казахстан устанавливает состав трудового арбитража в количестве не менее пяти человек и председатель трудового арбитража избирается сторонами коллективного трудового спора, то по законодательству АР трудовой арбитраж формируется в количестве не менее трех человек, а председатель арбитража избирается арбитрами из своего состава.

Согласно законодательству Республики Казахстан коллективный трудовой спор рассматривается трудовым арбитражем с обязательным участием представителей сторон коллективного трудового спора, а при необходимости также с участием представителей других заинтересованных лиц. Поряд-

док работы трудового арбитража законодательно не урегулирован. Стороны трудового спора свободны в установлении порядка рассмотрения требований работников (их представителей) трудовым арбитражем: процедура рассмотрения спора определяется трудовым арбитражем и доводится до сведения сторон коллективного трудового спора.

Решение трудового арбитража принимается не позднее семи календарных дней со дня его создания простым большинством голосов членов арбитража. При разделении голосов членов трудового арбитража поровну решающим является голос председателя. Решение должно быть мотивированным, излагаться в письменной форме и подписываться всеми членами арбитража. При недостижении соглашения сторон коллективного трудового спора в примирительной комиссии в организациях, в которых законом запрещено или ограничено проведение забастовок, создание трудового арбитража обязательно. Решение трудового арбитража является обязательным для исполнения сторонами коллективного трудового спора.

Трудовой кодекс Республики Азербайджан также устанавливает, что рассмотрение коллективных трудовых споров в трудовом арбитраже не должно превышать 7 рабочих дней. Далее, если стороны коллективного трудового спора заранее договорились об обязательности решения трудового арбитража, то спор считается окончательно решенным решением арбитража, и продолжение спора не допускается. То есть если стороны не договорились об обязательности решения трудового арбитража и не согласны с вынесенным решением, то составляется протокол о разногласии сторон, а коллективный трудовой спор продолжается [3].

Параллельно работе примирительной комиссии и трудового арбитража на любой стадии рассмотрения коллективного трудового спора стороны могут обратиться к посреднику. Посредничество — это процедура примирения сторон коллективного трудового спора с участием независимого эксперта-посредника. Процедура посредничества является необязательной, т.е. привлекать или не привлекать посредника решают стороны коллективного трудового спора. Процедура посредничества может быть самостоятельной по отношению к примирительным процедурам в примирительной комиссии, трудовом арбитраже и может идти параллельно с ними. Порядок рассмотрения коллективного трудового спора с участием посредника определяется по соглашению сторон коллективного трудового спора.

Посредник — лицо нейтральное. Он не наделен полномочиями выносить какое-либо решение, а только помогает достичь соглашения, предлагая сторонам альтернативы по процедуре и по существу переговоров, создавая тем самым условия для добровольного разрешения коллективного трудового спора усилиями самих сторон.

В качестве посредников стороны выбирают авторитетных лиц и организации, независимых по отношению к спорящим сторонам. Кроме того, с согласия сторон коллективного трудового спора республиканская, отраслевая, региональная комиссии по регулированию социально-трудовых отношений могут привлекать к работе по урегулированию коллективных трудовых споров руководителей и работников центральных и местных исполнительных органов, ассоциаций и других общественных объединений, работодателей, а также независимых экспертов.

Наряду с этим компетентные органы и должностные лица, министерства и их органы на местах, а также научные работники и иные арбитражные для спорящих сторон органы, организации и лица могут предложить свое посредничество по собственной инициативе. Во всех случаях избрания посредников от них необходимо предварительно получить письменное согласие на посредничество.

Согласно ст. 267 ТК АР посредник имеет право требовать от работодателя необходимые документы и информацию, относящиеся к коллективному трудовому спору [3]. После своего назначения посредник, в течение 5 рабочих дней изучив экономическое положение предприятия, протоколы комиссии, созданной для коллективных переговоров, предложения сторон, а также другие необходимые документы, разрабатывает варианты примирения позиций сторон и передает на обсуждение сторонам. Стороны коллективного трудового спора обязаны обсудить предложенные варианты с участием посредника в течение 5 рабочих дней. Если стороны одобрили один из предложенных вариантов, коллективный спор считается разрешенным и составляется протокол об этом. В случае, когда не принимается ни один из предложенных вариантов, составляется протокол о разногласии.

Коллективный трудовой спор считается завершенным, если стороны достигли соглашения по полному или частичному удовлетворению или отклонению выдвинутых работниками требований. При этом не имеет значения, привлекался или не привлекался посредник к разрешению трудового конфликта. Во всех случаях достижения соглашения между сторонами коллективного трудового спо-

ра о его разрешении, с участием посредника или без него, незаконченные примирительные процедуры прекращаются, а условиями разрешения спора считаются условия соглашения между сторонами. Условия соглашения, достигнутые сторонами коллективного трудового спора, оформляются в письменной форме.

Достижение соглашения между сторонами о разрешении коллективного трудового спора влечет за собой прекращение незаконченных примирительных процедур, а также забастовки, если она была объявлена.

Члены примирительной комиссии на время участия в переговорах по разрешению коллективного трудового спора освобождаются от основной работы с сохранением средней заработной платы. Участвующие в разрешении коллективного трудового спора представители работников, их объединений не могут быть в период разрешения коллективного трудового спора подвергнуты дисциплинарному взысканию, переведены на другую работу или с ними не могут быть расторгнуты трудовые договоры по инициативе работодателя, без предварительного согласия органа, уполномочившего их на представительство.

Стороны и примирительные органы обязаны использовать все возможности для устранения причин и обстоятельств, повлекших возникновение коллективного трудового спора. Ни одна из сторон не вправе уклоняться от участия в примирительных процедурах ни по каким основаниям и причинам. Работодатель обязан создать необходимые условия для проведения примирительных процедур: предоставить оборудованное помещение (отопление, средства связи, освещение), документы и сведения, необходимые для рассмотрения выдвинутых работниками требований, а также обеспечить гарантии членам комиссии.

Если урегулирование разногласий сторон коллективного трудового спора невозможно по причине недостаточности полномочий представителя работодателя, требования работников представляются собственникам имущества, учредителям (участникам) или акционерам организаций, в том числе организаций, расположенных на территории Республики Казахстан, собственниками имущества которых являются иностранные физические или юридические лица либо организации с иностранным участием.

В соответствии со ст. 33 ГК РК (Общая часть) юридическим лицом признается организация, которая имеет на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления обособленное имущество и отвечает этим имуществом по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права и обязанности, быть истцом и ответчиком в суде [9]. Учредителями юридического лица могут быть собственники имущества либо уполномоченные ими органы или лица, а в случаях, специально предусмотренных законодательными актами, — иные юридические лица.

Согласно п. 1 ст. 19 ТК РК руководитель филиала или представительства иностранного юридического лица осуществляет все права и исполняет все обязанности работодателя от имени данного юридического лица, представляя интересы работодателя в пределах делегированных им полномочий на основании нормативных правовых актов, а также учредительных документов либо доверенности [2].

Если урегулирование разногласий сторон коллективного трудового спора не включено в круг полномочий, делегированных представителю работодателя, требования работников представляются следующим лицам организаций, в том числе организаций, расположенных на территории РК, собственниками имущества которых являются иностранные физические или юридические лица либо организации с иностранным участием: собственникам имущества, учредителям (участникам), акционерам организаций.

Если примирительная комиссия и трудовой арбитраж не смогли урегулировать разногласия сторон коллективного трудового спора, они должны в письменной форме уведомить коллектив о причинах несогласия. При несогласии с результатами работники вправе использовать все иные предусмотренные законом способы по защите своих интересов, например: подать иск в суд, объявить забастовку, обратиться в региональные трехсторонние комиссии по социальному партнерству и т.д.

Работники могут принять решение о проведении забастовки, если посредством примирительных процедур не удалось добиться разрешения коллективного трудового спора, а также в случаях уклонения работодателя от примирительных процедур либо невыполнения соглашения, достигнутого в ходе разрешения коллективного трудового спора.

Право на забастовку признается в Конституции РК (п. 3 ст. 24) и Азербайджанской Республики (ст. 36) [1; 2]. В соответствии с пп. d) п. 1 ст. 8 Международного пакта об экономических, социальных

и культурных правах участвующие в Пакте государства обязаны обеспечить право на забастовки, при условии его осуществления в соответствии с законами каждой страны [10].

Право на забастовку признается контрольными органами Международной Организации Труда (МОТ) как прямое следствие права на свободу объединения, обеспечиваемое Конвенцией № 87 «О свободе ассоциации и защите права на организацию» 1948 г., которое проистекает из права организаций трудящихся следовать своим собственным программам деятельности в целях защиты экономических и социальных интересов работников.

Однако право на забастовку не является абсолютным правом. Оно может быть обусловлено определенными правовыми условиями и ограничениями. Международное сообщество признает необходимость его ограничения. Комитет по свободе объединения МОТ полагает, что право на забастовку не должно рассматриваться как абсолютное право: оно может быть объектом общего запрета в исключительных обстоятельствах либо регламентироваться положениями, определяющими условия осуществления этого права или ограничивающими его осуществление.

Для того чтобы забастовка в защиту интересов работников попадала под защиту закона, она должна соответствовать требованиям ТК, который предусматривает и регламентирует порядок объявления и проведения забастовки, а также устанавливает гарантии работникам, участвующим в ней (ст.ст. 302, 303 ТК РК) [2].

Согласно пп. 40) п.1 ст.1 ТК РК забастовкой считается полное или частичное прекращение работы в целях удовлетворения своих социально-экономических и профессиональных требований в коллективном трудовом споре с работодателем [2].

Забастовка является крайней мерой разрешения коллективного трудового спора. Работники вправе прибегать к забастовке в трех случаях: 1) когда исчерпаны все установленные процедуры для разрешения спора, если посредством примирительных процедур не удалось добиться разрешения коллективного трудового спора; 2) в случае уклонения работодателя от примирительных процедур; 3) в случае невыполнения работодателем соглашения, достигнутого в ходе разрешения коллективного трудового спора.

Решение о проведении забастовки принимается на собрании (конференции) работников (их представителей). Собрание работников считается правомочным, если на нем присутствуют более половины от общего числа работников организации. Конференция считается правомочной, если на ней присутствуют не менее двух третей делегатов, избранных работниками в соответствии с протокольными решениями. Решение собрания (конференции) считается принятым, если за него проголосовали большинство участников собрания (конференции). При невозможности проведения собрания (конференции) работников представительный орган работников имеет право утвердить свое решение, собрав подписи более половины работников в поддержку проведения забастовки.

Забастовку возглавляет уполномоченный работниками (их представителями) орган (забастовочный комитет). В случае объявления забастовки работниками (их представителями) нескольких работодателей с одинаковыми требованиями, ее может возглавить объединенный орган, формируемый из равного числа представителей этих работников. Участие в забастовке является добровольным. Никто не может быть принужден к участию или отказу от участия в ней. Лица, принуждающие работников к участию или отказу от участия в забастовке, несут ответственность в порядке, установленном законами Республики Казахстан.

За принуждение к участию или отказу от участия в забастовке с использованием зависимого положения принуждаемого физические и должностные лица несут административную ответственность в соответствии со ст. 97 КоАП РК [11]. Принуждение к участию или отказу от участия в забастовке с использованием зависимого положения принуждаемого влечет штраф на физических лиц в размере от пяти до десяти, на должностных лиц — в размере от десяти до двадцати месячных расчетных показателей. За принуждение к участию в забастовке или к отказу от участия в ней, совершенное лицом с использованием своего служебного положения либо путем угрозы, применения насилия, наступает уголовная ответственность, предусмотренная ст. 153 УК РК [12].

Принимая решение о проведении забастовки, собрание (конференция) работников (их представителей) также определяет следующие положения, устанавливающие правомочность органа, возглавляющего забастовку:

- принятие решения о наименовании органа, который будет возглавлять забастовку. Орган, возглавляющий забастовку, может называться забастовочным комитетом или иметь иное наименование;

- определение полномочий органа, возглавляющего забастовку, в пределах прав, предусмотренных в п. 2 ст. 300 ТК РК [2];
- определение количественного и персонального состава органа, возглавляющего забастовку;
- выделение представителей в объединенный орган, который будет возглавлять забастовку в случае ее объявления работниками (их представителями) нескольких работодателей с одинаковыми требованиями. Следует учитывать, что объединенный орган, возглавляющий забастовку, объявляемую работниками (их представителями) нескольких работодателей, формируется из равного числа представителей этих работников (их представителей).

Работодатель, объединение работодателей (их представители) должны быть письменно предупреждены уполномоченным органом о начале забастовки и возможной ее продолжительности не позднее чем за пятнадцать календарных дней до ее объявления.

В решении об объявлении забастовки указываются: 1) перечень разногласий сторон, являющихся основанием для проведения забастовки; 2) дата, место и время начала забастовки, ее продолжительность и предполагаемое количество участников; 3) наименование органа, возглавляющего забастовку, состав представителей работников, уполномоченных на участие в примирительных процедурах; 4) предложения по минимуму необходимых работ (услуг), выполняемых в период проведения забастовки.

Орган, возглавляющий забастовку, действует в пределах прав, предоставленных ему ТК РК, и на основе полномочий, которыми наделяют его работники (их представители). Орган, возглавляющий забастовку, имеет право: 1) представлять интересы работников во взаимоотношениях с работодателем, объединением работодателей (их представителями), государственными, профсоюзными, иными юридическими и должностными лицами по вопросам разрешения выдвинутых требований; 2) получать от работодателя, объединения работодателей (их представителей) информацию по вопросам, затрагивающим интересы работников; 3) освещать ход рассмотрения требований работников в средствах массовой информации; 4) привлекать специалистов для дачи заключений по спорным вопросам; 5) приостанавливать забастовку с согласия работников (их представителей) [4].

Для возобновления ранее приостановленной забастовки не требуется повторного рассмотрения спора примирительной комиссией, посредником или в трудовом арбитраже. Работодатель, объединение работодателей (их представители) и орган по урегулированию трудовых споров должны быть предупреждены о возобновлении забастовки не позднее, чем за три рабочих дня.

Полномочия органа, возглавляющего забастовку, прекращаются в случаях, когда стороны коллективного трудового спора подписали соглашение о его урегулировании, а также в случае признания забастовки незаконной. При осуществлении своих полномочий орган, возглавляющий забастовку, не вправе принимать решения, относящиеся к компетенции работодателя, государственных органов и общественных объединений.

В период проведения забастовки стороны коллективного трудового спора — работники и работодатель (объединения работодателей) — обязаны продолжить разрешение этого спора в примирительной комиссии с участием посредника или в трудовом арбитраже.

Работодатель, государственные органы и орган, возглавляющий забастовку, обязаны принять зависящие от них меры по обеспечению в период забастовки общественного порядка, сохранности имущества организации и безопасности работников, а также работы машин и оборудования, остановка которых представляет непосредственную угрозу жизни и здоровью людей.

Организация или участие в забастовках (за исключением случаев, предусмотренных п. 1 ст. 303 ТК РК) не может рассматриваться как нарушение работником трудовой дисциплины и повлечь применение мер дисциплинарного воздействия, предусмотренных ТК РК. На время забастовки за работником сохраняются место работы (должность), право на выплату пособий по социальному страхованию, трудовой стаж, а также гарантируются другие права, вытекающие из трудовых отношений. Заработная плата за время забастовки участвующим в ней работникам не сохраняется, кроме случаев, когда забастовка проводится в связи с невыплатой или несвоевременной выплатой заработной платы.

В отличие от казахстанского законодательства законодательство Азербайджана устанавливает нормы, которые запрещают проведение забастовки для разрешения коллективного трудового спора. Согласно ст. 281 ТК АР запрещается проведение забастовки на тех объектах, которые имеют жизненно важное значение для здоровья и безопасности людей [3]. К таким объектам законодатель относит отделения больницы, службы управления электроснабжением, водоснабжением, телефонной связью, воздушным и железнодорожным транспортом, службу пожарной охраны. А если на данных объектах

коллективный трудовой спор невозможно разрешить примирительными способами, то в этом случае применяется принудительный арбитраж, созданный Министерством труда и социальной защиты населения. Состав принудительного арбитража состоит не менее чем из 5 человек, и решение, которое вынесет принудительный арбитраж, является обязательным для сторон коллективного трудового спора и подлежит немедленному исполнению [3].

В процессе урегулирования коллективного трудового спора, включая проведение забастовки, и в законодательстве Казахстана, и в законодательстве Азербайджана запрещается локаут, т.е. расторжение трудовых договоров с работниками по инициативе работодателя в связи с их участием в коллективном трудовом споре или в забастовке. Право на расторжение трудового договора с такими работниками работодатель может реализовать как меру дисциплинарного наказания только в случае признания проведенной забастовки незаконной. Право на забастовку, хотя оно не провозглашено отдельно в конвенциях МОТ, рассматривается в качестве одного из наиболее важных прав работников и их организаций, с помощью которого они могут защищать свои экономические и социальные интересы. Это право вытекает из права организовывать свою деятельность. Положения Конвенций МОТ № 87 и № 98 в полной мере гарантируют законные права трудящихся по защите их собственных экономических интересов в ходе забастовки.

Таким образом, для правильного и своевременного разрешения всех трудовых споров нужна четкая, основанная на законе деятельность всех органов, рассматривающих трудовые споры, внимательное и заботливое отношение к каждой жалобе работника.

Список литературы

- 1 Конституция Республики Казахстан (принята на Республиканском референдуме 30 августа 1995 года) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02 февраля 2011 года) // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029
- 2 Конституция Азербайджанской Республики, принятая на референдуме 12 ноября 1995 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 18.03.2009 года) // <http://ru.president.az/azerbaijan/constitution>
- 3 Трудовой кодекс Азербайджанской Республики от 1 февраля 1999 г. № 618-IQ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 1 января 2012 г.) // http://www.taxes.gov.az/uploads/qanun/2011/mecelleler/emek_mecellesi_rus.pdf
- 4 Трудовой кодекс Республики Казахстан от 15 мая 2007 г. № 251-III (с изменениями и дополнениями по состоянию на 4 февраля 2013 г.) // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30103567
- 5 Кудрявцев В. Юридический конфликт // Государство и право. — 1995. — № 9. — С. 9–14.
- 6 Постатейный практический комментарий к Трудовому кодексу Республики Казахстан / Под общим руководством Министра труда и социальной защиты населения Республики Казахстан В.М. Сапарбаева. — Алматы: ТОО «МЦФЭР – Казахстан», 2007. — 816 с.
- 7 Закон Республики Казахстан от 28 января 2011 г. № 401-IV «О медиации» // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30927376
- 8 Конвенции международной организации труда // www.grandars.ru/college/pravovedenie/konvencii-mot.html
- 9 Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть), принятый Верховным Советом Республики Казахстан 27 декабря 1994 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 3 июля 2013)) // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1006061
- 10 Закон Республики Казахстан от 21 ноября 2005 г. № 87 «О ратификации международного пакта об экономических, социальных и культурных правах» // Казахстанская правда. — 2005. — 25 ноябрь. — № 321-3.
- 11 Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 30 января 2001 г. № 155-II (с изменениями и дополнениями по состоянию на 6 марта 2013 г.) // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1021682
- 12 Уголовный кодекс Республики Казахстан от 16 июля 1997 г. № 167-I (с изменениями и дополнениями по состоянию на март 2013 г.) // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1008032

А.С.Қыздарбекова Р.Ю.Мамедов

Қазақстан Республикасы мен Әзербайджанның заңнамасы бойынша ұжымдық еңбек дауларын шешу тәртібі

Мақалада Қазақстан Республикасы мен Әзербайджанның заңнамасы бойынша ұжымдық еңбек дауларын шешудің ерекшеліктері қарастырылды. Келісу рәсімдері, оның ішінде келісім комиссиялары, делдал мен еңбектік төрелік сотты тарту арқылы ұжымдық еңбек дауларын шешу рәсімдері талданды. Мақалада айрықша мән шерулерді дайындау мен өткізудің құқықтық негіздеріне берілген, сондай-ақ ұжымдық еңбек дауларын шешуде аталмыш тәсілді қолдану мүмкіндігі бөлігінде Қазақстан мен Әзербайджанның заңнамаларының ерекшеліктері жан-жақты талданды.

A.S.Kizdarbekova, R.Yu.Mamedov

The procedures for resolving collective labor disputes in legislation of the Republic of Kazakhstan and Azerbaydzhan

In the scientific article the peculiarities of resolving collective labour disputes under legislation of the Republic of Kazakhstan and Azerbaijan. Analyses the procedure of settlement of collective labour disputes through premaritally procedures, among which the conciliation Commission, mediation and labor arbitration. Special attention is paid to the legal framework of the preparation and conduct of strikes, analyses the features of legislation of Kazakhstan and Azerbaijan in terms of opportunity to use this method when resolving collective labour disputes.

References

- 1 *The Constitution of the Republic of Kazakhstan* (adopted at the Republican referendum on August 30, 1995) (with amendments and additions as at February 02, 2011 year) // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029
- 2 *The Constitution of the Republic of Azerbaydzhan* (adopted by referendum on 12 November 1995 (with changes and amendments as at 18.03.2009 year) // <http://ru.president.az/azerbaijan/constitution>
- 3 *The labour Code of Azerbaydzhan Republic dated February 1, 1999 № 618-IQ* (with amendments and additions as at 1 January 2012) // http://www.taxes.gov.az/uploads/qanun/2011/mecelleler/emek_mecellesi_rus.pdf
- 4 *The labour code of the Republic of Kazakhstan from may, 15th, 2007 № 251-III* (with changes and amendments as of 4 February 2013) // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30103567
- 5 Kudryavtsev V. *State and law*, 1995, 9, p. 9–14.
- 6 *Itemized practical commentary to the Labour code of the Republic of Kazakhstan under the General guidance of the Minister of labour and social protection of population of the Republic of Kazakhstan* B.M.Saparbaev, Almaty: LLP «ICFED – Kazakhstan», 2007, 816 p.
- 7 *The law of the Republic of Kazakhstan dated January 28, 2011 № 401-IV «On mediation»* // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30927376
- 8 *The Convention of the International labour Organization* // www.grandars.ru/college/pravovedenie/konvencii-mot.html
- 9 *The civil code of the Republic of Kazakhstan (General part) adopted by the Supreme Council of the Republic of Kazakhstan on December 27, 1994* (with changes and amendments as of 3 July 2013) // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1006061
- 10 *Kazakhstanskaya Pravda*, November 25, 2005 № 321-3.
- 11 *Code of the Republic of Kazakhstan on administrative offences of 30 January 2001 № 155-II* (with changes and amendments as of 6 March 2013) // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1021682
- 12 *Criminal code of the Republic of Kazakhstan dated July 16, 1997 № 167-I* (with amendments and additions as of March 2013) // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1008032

УДК 346.546 (574+47)

А.Карибаева

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова (E-mail: asel_karibayeva@mail.ru)

Особенности правовой защиты конкуренции в Республике Казахстан и странах СНГ

В статье рассмотрены особенности правовой защиты экономической конкуренции как основного элемента экономической системы рыночного типа в странах СНГ. Выявлен и проанализирован круг типичных проблем в правовом поле Республики Казахстан и других постсоветских государств в сфере защиты конкуренции, сформулированы предложения по их решению. Описаны особенности формирования законодательной базы о защите конкуренции как наиболее действенного элемента правового механизма ее защиты на внутреннем и межгосударственном уровнях.

Ключевые слова: конкуренция, антимонопольная политика, защита, антимонопольное регулирование, сотрудничество стран СНГ, Межгосударственный совет по антимонопольной политике, Таможенный союз.

В результате распада Советского Союза, оплота административно-командной экономической системы, государства, ранее являвшиеся частью одной страны, обрели независимость и встали на путь построения рыночной экономики. Поскольку успешный переход к рынку невозможен без зарождения на рынках страны свободной конкуренции, каждое из вновь созданных государств прилагает все возможные усилия для стимулирования и защиты экономической конкуренции. В связи с этим исследование правовых механизмов защиты конкуренции привлекает пристальное внимание ученых и исследователей постсоветского пространства.

В декабре 1991 г. прекратил свое существование Союз Советских Социалистических Республик — государство, воплотившее административно-командную форму хозяйствования, основанную на социалистической собственности на средства производства. После распада СССР все страны, входившие в его состав, взяли курс на построение рыночной экономики.

Несмотря на то, что каждое постсоветское государство определило свой путь экономического развития, являясь в прошлом частью единой страны, все бывшие республики Союза столкнулись со схожими проблемами и препятствиями в построении конкурентной среды. На совершенствование нового экономического строя направлено большинство всех проводимых странами СНГ преобразований. Основная их масса имеет своей целью формирование благоприятных условий для развития конкуренции.

Различные отрасли современной науки неоднозначно трактуют понятие конкуренции. Так, конкуренцией называют и соперничество между людьми, и основу существования товарно-денежной взаимосвязи между производителями, ключевым элементом, атрибутом рынка, частью хозяйственного механизма, главным двигателем общественного прогресса и т.д. Основная масса определений сводится к пониманию конкуренции как соперничества, состязательности между участниками рынка за достижение наилучшего результата в какой-либо сфере, за наиболее выгодные условия ведения бизнеса.

В экономической науке конкуренцией принято называть ситуацию, способствующую свободному формированию цен и действию законов спроса и предложения на конкретном рынке [1]. С юри-

дической же точки зрения конкуренция может быть рассмотрена как предмет правовой защиты и предмет правового регулирования.

Правовая защита конкуренции состоит из обеспечения и защиты свободы конкуренции и недопущения и пресечения недобросовестного конкурентного поведения.

Первая составляющая заключается в правовой защите самого существования конкуренции, предупреждении и пресечении любых попыток ее устранения или ограничения. Вторая предполагает необходимость сочетания сохранения свободы предпринимательской деятельности с наличием хотя бы минимально необходимого количества общеобязательных правил поведения, не допускающих конкуренцию без ограничений, в которой все средства борьбы признавались бы допустимыми в правовом смысле.

Экономическая конкуренция, как основной элемент рыночной формы хозяйствования, вынуждает субъектов рынка прикладывать все силы к увеличению спроса на производимый товар. Результатом такого соперничества, как правило, становится повышение качества предлагаемых товаров и снижение цен на них.

Следует отметить, что среди главных причин экономического краха Советского Союза не последнюю роль сыграл факт полного отсутствия в СССР конкуренции как цивилизованной, легализованной формы борьбы продавцов (производителей) и покупателей (потребителей) за лучшие условия купли-продажи товаров, работ, услуг.

В советской экономике предпринимались попытки зародить соперничество среди хозяйствующих субъектов с целью повышения производительности труда и качества производимых товаров (оказываемых услуг). Этой цели пытались достичь путем навязывания социалистического соревнования, представлявшего собой извращенную форму конкуренции производителей и продавцов товаров не за лучшие условия и результаты коммерческой деятельности, а с целью выполнения, перевыполнения и досрочного выполнения планов, директивно установленных для каждого предприятия государством. Примером законодательного установления положений о таком соревновании может служить Закон СССР «О государственном предприятии» от 30 июня 1987 г. [2], п.4 ст.2 которого устанавливал принцип экономического соревнования как одного из принципов деятельности предприятий. Этот принцип определялся как важнейшая форма соцсоревнования за наиболее полное удовлетворение спроса потребителей на эффективную, высококачественную и конкурентоспособную продукцию (работы, услуги) с наименьшими затратами.

Наличие в Советском Союзе такой формы соперничества, как соцсоревнование, хоть в малой степени, но обладающей чертами конкуренции в ее современном рыночном понимании, свидетельствует о наличии остро назревшей на тот момент проблеме мотивации производителей, у которых отсутствовали стимулы к повышению качества и расширению ассортимента своей продукции. К середине 80-х годов обострились все проблемы плановой экономики в СССР, а к 1990 г. основной идеей стало уже не «совершенствование социализма», а переход к рыночной экономике капиталистического типа и построение демократии.

Классическая рыночная экономика основывается на саморегуляции в силу действия объективных экономических законов, таких как, например, закон спроса и предложения. Вместе с тем саморегулирование рынка не всегда имеет положительный эффект. Это вызывает необходимость коррекции стихийного регулирования путем целенаправленного воздействия на экономическую систему с целью снижения уровня его негативных проявлений. Наиболее эффективной формой такого воздействия является антимонопольное регулирование.

Антимонопольное регулирование — это целенаправленная деятельность государства, осуществляемая на основании и в пределах, допускаемых действующим законодательством, по установлению и реализации правил ведения экономической деятельности на товарных рынках с целью защиты добросовестной конкуренции и обеспечения эффективности рыночных отношений [3].

Эффективное антимонопольное регулирование немыслимо без наличия в государстве надежных правовых актов, регламентирующих деятельность государственных органов управления по противодействию неограниченной власти монополий, нездорового и недобросовестного соперничества и направленные на создание и поддержание честной конкуренции. Следует отметить, что во всех странах со зрелой рыночной экономикой антимонопольное регулирование — одна из важнейших составных частей экономической политики государства.

Первый шаг к формированию законодательства о конкуренции на территории СНГ был сделан еще в эпоху Советского Союза. Им стал принятый Верховным Советом СССР Закон «Об ограниче-

нии монополистической деятельности в СССР» от 19 июля 1991 г. [4], который практически не успел воплотить заложенный в нем потенциал регулирования в связи с развалом государства. В результате возникшие после развала СССР двенадцать независимых государств вынуждены были формировать свое законодательство, в том числе антимонопольное, практически с нуля, учитывая свой менталитет и накопленный, при этом не всегда положительный, опыт других независимых государств.

Для Казахстана как самостоятельного государства формирование антимонопольного законодательства началось раньше союзного закона, с принятием 11 декабря 1990 г. Закона Казахской ССР «О свободе хозяйственной деятельности и развитии предпринимательства в Казахской ССР», который регулировал эту сферу на протяжении 15 лет. Статьей 15 данного закона была установлена ответственность за недобросовестную конкуренцию путем запрещения и преследования. Недобросовестной конкуренцией признавались действия предпринимателей, направленные на подрыв репутации конкурента и любые сговоры между предпринимателями о квотах производства, разделе рынков сбыта, снабжения и услуг, о поддержании монополично высоких или низких цен с целью получения на этой основе сверхприбылей или доведения конкурента до банкротства [5].

Следующим нормативным актом, нацеленным на защиту конкуренции в Казахстане, стал Закон Казахской ССР от 11 июня 1991 г. «О развитии конкуренции и ограничении монополистической деятельности» (далее Закон о конкуренции), направленный на комплексное регулирование отношений по развитию конкуренции, ограничению монополистической деятельности и борьбу с недобросовестной конкуренцией. Этот закон стал одним из наиболее важных событий в процессе перехода страны к рыночным отношениям. С момента его принятия в Казахстане фактически и возникло антимонопольное регулирование. Важно отметить, что Закон о конкуренции 1991 г. был построен по аналогии с западноевропейским антимонопольным законодательством, которое, в отличие от североамериканского, не устанавливает запрета на монополии и монополистическую деятельность — оно основано на контроле над монополиями путем пресечения их злоупотреблений.

В целом данный Закон носил очень прогрессивный характер. Наряду с традиционными целями по защите конкуренции и защите прав потребителей его целью являлось стимулирование предпринимательства путем демомонополизации экономики. Кроме того, помимо классических составов антимонопольных правонарушений, в Законе о конкуренции 1991 г. недействительными признавались акты, а также соглашения государственных органов, носящие антиконкурентный характер. К прогрессивным нормам рассматриваемого закона можно отнести и его положение об экстерриториальном действии закона в отношении деятельности хозяйствующих субъектов за пределами Казахской ССР, влекущих ограничение конкуренции на республиканском рынке. Несмотря на то, что закон был снабжен эффективным механизмом воздействия, направленного на защиту конкуренции, органы государственной власти того времени оказались не готовы придерживаться его положений, а сама конкуренция не была в числе приоритетов проводимой на тот момент экономической политики.

Значительным шагом к формированию конкурентного законодательства стало принятие в 1993 г. Конституции Республики Казахстан, ч.1 ст.48 которой закрепила правовые основы для свободной конкуренции. В их числе гарантии государства на свободу частной предпринимательской деятельности и обеспечение ее защиты и поддержки; запрет на монополистическую и всякую иную деятельность, направленную на ограничение или устранение законной конкуренции, получение необоснованных преимуществ, ущемление прав и законных интересов потребителей [6]. Как видно, второй частью статьи установлен ряд ограничений свободы предпринимательства путем запрещения любой деятельности, способной навредить конкуренции. Под иной деятельностью подразумевались недобросовестная конкуренция и антиконкурентные действия государственных органов. Следует согласиться с А.Ж.Бикебаевым, который считает, что «особая ценность первой Конституции заключается не только в том, что в ней были правильно определены границы ограничения предпринимательской свободы, а вместе с ними и критерии монополистической деятельности, антиконкурентных действий государственных органов и недобросовестной конкуренции, а в том, что конкурентное право Республики Казахстан в период его действия оказалось на действительно высоком уровне, поскольку был ограничен основной источник появления искусственных и несправедливых монополий — государственная власть» [7].

30 августа 1995 г. в Казахстане была принята новая Конституция, которая, к сожалению, в отличие от Конституции 1993 г., не ограничивает возможность государственных органов отрицательно воздействовать на конкуренцию, поскольку не содержит запрета на любую деятельность (в том числе государственных органов), способную отрицательно повлиять на конкуренцию в стране. Вместо это-

го в ст. 26 закреплено право на свободу предпринимательской деятельности, свободное использование своего имущества для любой законной предпринимательской деятельности, а в ч. 4 этой же статьи определено, что «монополистическая деятельность регулируется и ограничивается законом. Недобросовестная конкуренция запрещается» [8].

Необходимо подчеркнуть, что конституционные нормы, устанавливающие основы государственной защиты и поддержки конкуренции, являются основой законодательства о конкуренции и его наиболее стабильной частью. Сегодня большинство стран СНГ идет именно по пути конституционного закрепления основ антимонопольного регулирования. Так, ст. 8 Конституции Российской Федерации гарантирует единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции, свободу экономической деятельности [9]. Таким образом, в отличие от Казахстана, в Российской Федерации конкуренция урегулирована путем возведения ее поддержки в ранг конституционной гарантии.

Иначе сформулировано конституционное положение о конкуренции в Конституции Азербайджанской Республики. В соответствии со ст. 15 Конституции Азербайджана государство на основе рыночных отношений создает условия для развития экономики, социальной направленности, гарантирует свободу предпринимательства, не допускает монополизма и недобросовестной конкуренции в экономических отношениях [10]. В данном случае антимонопольное регулирование выражается в деятельности государства по недопущению недобросовестной конкуренции и монополизма.

Статьей 42 Конституции Украины отмечено, что «каждый имеет право на предпринимательскую деятельность, не запрещенную законом. Государство обеспечивает защиту конкуренции в предпринимательской деятельности. Не допускаются злоупотребление монопольным положением на рынке, неправомерное ограничение конкуренции и недобросовестная конкуренция. Виды и пределы монополии определяются законом» [11]. Здесь, аналогично норме Конституции Республики Казахстан, гарантии свободы предпринимательской деятельности и защиты конкуренции объединены в одной норме. Вместе с тем перечень действий, ограничивающих конкуренцию, определяющий виды и пределы монополии, существенно шире, что, безусловно, положительно сказывается на общем регулировании конкуренции в этом государстве.

Статья 9 Конституции Молдавии рынок и добросовестную конкуренцию относит к основополагающим принципам экономики, на которых базируется экономическая система государства [12].

Количество государств, придающих правовому регулированию конкуренции и ограничению монополистической деятельности настолько большое значение, что основы такого регулирования заложены в нормах Конституции, несомненно, велико. Вместе с тем отдельные государства СНГ не используют такого подхода. В частности, в Республике Беларусь и Узбекистане нормы об антимонопольном законодательстве в разделах Конституции, регулирующих экономические и социальные права, отсутствуют.

Следующим шагом в развитии законодательства о конкуренции стал принятый 9 июня 1998 г. Закон Республики Казахстан «О недобросовестной конкуренции» (далее — Закон о недобросовестной конкуренции) [13], который представлял собой первый комплексный нормативный правовой акт, включающий нормы по предупреждению, выявлению и пресечению недобросовестной конкуренции.

В основу данного закона был положен опыт стран с развитой рыночной экономикой, где источники правового регулирования недобросовестной конкуренции и монополистической деятельности различны [14]. Однако несмотря на явные намерения законодателя разграничить сферы применения законодательства о недобросовестной конкуренции и антимонопольного законодательства, Закон о недобросовестной конкуренции все же содержал антимонопольные нормы. При этом в действовавшем Законе РК о конкуренции 1991 г. наряду с антимонопольными нормами действовали нормы о запрете недобросовестной конкуренции. Таким образом, сложилась ситуация, в которой два разных закона одновременно регулировали одни и те же отношения. Чтобы исправить эти и другие ошибки, допущенные авторами законов, 19 января 2001 г., был принят новый, второй по счету Закон о конкуренции. Данный акт был призван также включить нормы в соответствии с положениями заключенных между странами СНГ в рамках международного сотрудничества соглашений по вопросам конкуренции. К сожалению, Закон о конкуренции 2001 г. носил антипредпринимательский характер и уже через два года после его принятия антимонопольный орган начал подготовку его новой редакции. 7 июля 2006 г. был принят очередной Закон о конкуренции, который вошел в историю как самый же-

ский по отношению к бизнесу и конкуренции. С принятием Закона о конкуренции 2006 г. эффективность механизмов законодательной защиты конкуренции достигла своего минимума.

В 2007 г., с появлением проекта Закона «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам конкуренции и ограничения монополистической деятельности» [15], начался новый виток в развитии законодательной защиты и поддержки конкуренции. В данный законопроект были включены нормы, предполагающие такие изменения в подходе к регулированию конкурентных отношений, как: отказ от плановых проверок предпринимателей по вопросам соблюдения антимонопольного законодательства, введение норм об экстерриториальности закона, отказ от участия государства посредством согласования с антимонопольным органом в процессе слияния предпринимателей, наделение антимонопольного органа полномочиями по ведению оперативно-розыскных мероприятий и др.

В результате 25 декабря 2008 г. был принят ныне действующий Закон РК «О конкуренции», который включил в себя все ранее предложенные изменения и поддержал начатую законопроектом 2007 г. тенденцию по либерализации регулирования предпринимательской деятельности [16]. Кроме того, одним из важных новшеств стало то, что нормы о недобросовестной конкуренции были включены в положения нового закона, в связи с чем, с принятием Закона о конкуренции 2008 г., прекратил действие не только Закон о конкуренции 2006 г., но и Закон о недобросовестной конкуренции 1998 г.

Как результат доставшихся в наследство от плановой экономики СССР экономических проблем, одной из важнейших общеэкономических задач СНГ стало создание эффективной системы антимонопольного регулирования, способствующей развитию конкуренции и обеспечивающей ее надежную защиту. Начало международного сотрудничества стран СНГ по вопросам защиты конкуренции было положено Соглашением о согласовании антимонопольной политики от 12 марта 1993 г. [17], которое явилось первым серьезным шагом к совместным действиям стран СНГ в области предупреждения, ограничения и пресечения монополистической деятельности и развития конкуренции. Соглашение носило предварительный характер, устанавливало лишь общие намерения государств о согласовании антимонопольной политики сторон, сотрудничестве в направлениях пресечения монополистической деятельности и защиты конкуренции, а также намерения добиваться единообразия в установлении критериев и способов оценки монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции и унификации антимонопольного законодательства. Через год после вступления Соглашения в силу стороны заключили Договор о проведении согласованной антимонопольной политики. Договор сохранил тенденции, заложенные в Соглашении. Важным моментом явилось установление в Договоре общих правил конкуренции хозяйствующих субъектов участвующих государств и учреждение Межгосударственного совета по антимонопольной политике. (Антимонопольного совета, МСАП). Основной задачей Антимонопольного совета провозглашена выработка критериев и способов оценки монополистической деятельности, недобросовестной конкуренции, процедур расследования дел по нарушению правил конкуренции, правил и механизмов воздействия на хозяйствующие субъекты, органы власти и управления, нарушающие правила конкуренции в общем экономическом пространстве, и согласование их между государствами-участниками [18]. МСАП был наделен функциями наднационального органа, а именно полномочиями рассматривать споры между хозяйствующими субъектами участвующих государств по вопросам, являющимся предметом Договора, и выдавать обязательные для исполнения предписания по принятым решениям.

С 25 января 2000 г. действует новый Договор о проведении согласованной антимонопольной политики [19], которым были отменены основные функции наднационального органа МСАП.

В настоящее время актуальным является вопрос создания Таможенного союза между Беларуссией, Казахстаном и Российской Федерацией. В рамках Союза предполагается проводить не согласованную, а единую антимонопольную политику, которая считается более эффективной. Результаты, ожидаемые от проведения единой политики, призваны повлиять на состояние конкуренции в каждой из трех стран-участниц самым положительным образом. Пока государства находятся на стадии адаптации к измененному законодательству. Продолжительность отношений в рамках Таможенного союза еще слишком мала для того, чтобы была возможность выявить серьезные проблемы и располагать хоть какой-то статистикой. Положительные и отрицательные стороны вступления Казахстана в Таможенный союз станут следующим этапом наших исследований.

Благодаря взаимной работе стран СНГ в направлении защиты конкуренции и ограничения монополистической деятельности, интеграции в сообщество экономически развитых государств Казахстан сумел добиться впечатляющих результатов в проведении экономических преобразований. В резуль-

тате кропотливой работы по гармонизации антимонопольного законодательства в странах СНГ за короткий срок была сформирована довольно эффективная нормативная база в сфере защиты конкуренции как на внутренних, так и на межгосударственном уровнях. Приняты нормативные акты, охватывающие практически все направления проведения согласованной политики, направленной на развитие и защиту конкуренции. Меняющаяся экономическая ситуация внутри государств, усиливающееся влияние мирового рынка и необходимость дальнейшей гармонизации законодательств о конкуренции стран СНГ стимулируют постоянное совершенствование нормативной базы в границах общего правового поля, требуют интегрирования конкурентных норм в законодательство, относящееся к смежным отраслям права конституционному, административному, финансовому, гражданскому праву и др.

Таким образом, в настоящий момент переходный период в странах СНГ формально завершен, экономические системы обрели рыночную атрибутику. Однако нельзя сказать, что функционирование экономических институтов в странах Содружества уже отвечает современным требованиям к организации национального хозяйства. Несовершенная рыночная экономика требует дальнейшего реформирования, продолжения кардинальной ломки плановых методов хозяйствования и замены их рыночными методами.

Защита конкуренции в СНГ вышла за рамки отдельно взятого государства в результате глубоких интеграционных процессов, активно происходящих на территории всех стран бывшего СССР (в Казахстане, например, создание ЕврАзЭС, формирование в его рамках Таможенного союза Белоруссия — Казахстан — Российская Федерация и Единого экономического пространства). Большой потенциал заложен в деятельности различного рода интеграционных групп среди стран СНГ, проведении согласованной антимонопольной политики, деятельности по защите конкуренции, унификации законодательства о конкуренции, возрождении экономических связей.

Даже самый положительный опыт государств с развитой рыночной экономикой не всегда применим к странам СНГ, унаследовавшим плоды сверхмонополизированной экономики Советского Союза. Поэтому всем участникам Содружества еще предстоит тяжелая совместная работа по построению эффективной рыночной экономики.

Список литературы

- 1 Буйи М. Торговое право. Словарь французских терминов. — М., 1993. — С. 81.
- 2 Закон СССР от 30.06.1987 «О государственном предприятии (объединении)» // www.consultant.ru
- 3 Тотьев К.Ю. Конкуренция и монополии. Правовые аспекты регулирования. — М., 1996 // Правоведение. — 1998. — № 1. — С. 219, 220.
- 4 Об ограничении монополистической деятельности в СССР. Закон СССР от 10.07.1991 N 2326-1 // www.zakon.law7.ru
- 5 О развитии конкуренции и ограничении монополистической деятельности. Закон Казахской ССР от 11.12.1990 года // www.pavlodar.com
- 6 Конституция Республики Казахстан от 28 января 1993 года // www.online.zakon.kz
- 7 Бикебаев А.Ж. Конкурентное (антимонопольное) право и политика Республики Казахстан. — Алматы: ЮФ «Саят Жолши и партнеры», 2010. — 496 с.
- 8 Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года // www.online.zakon.kz
- 9 Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года // www.constitution.ru/
- 10 Конституция Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 // www.ru.president.az
- 11 Конституция Украины от 28 июня 1996 года // www.rada.gov.ua
- 12 Конституция Республики Молдова от 29.07.1994 // <http://lex.justice.md>
- 13 Закон Республики Казахстан от 9 июня 1998 года № 232-І «О недобросовестной конкуренции» // ИС «Параграф». — [ЭР]. Режим доступа: www.online.zakon.kz
- 14 Еременко В.И. Правовое регулирование конкурентных отношений в России и за рубежом: Дис. ... д-ра юрид. наук. — М.: МГУ им. М.В.Ломоносова, 2001. — С. 114.
- 15 Постановление Правительства Республики Казахстан от 20 апреля 2007 года № 319 О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам конкуренции и ограничения монополистической деятельности // ИС «Параграф». — [ЭР]. Режим доступа: www.online.zakon.kz
- 16 Закон Республики Казахстан О конкуренции от 25 декабря 2008 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 03.07.2013 г.) // ИС «Параграф». — [ЭР]. Режим доступа: www.online.zakon.kz
- 17 Соглашение о согласовании антимонопольной политики (государств участников содружества) от 12 марта 1993 года // <http://www.lawrussia.ru>
- 18 Договор стран СНГ О проведении согласованной антимонопольной политики от 23 декабря 1993 года // www.e-cis.info
- 19 Договор о проведении согласованной антимонопольной политики от 25 января 2000 // www.zakon.kz

А.Кәрібаева

Қазақстан Республикасы және ТМД мемлекеттерінде бәсекелестікті құқықтық қорғау ерекшеліктері

Мақалада ТМД мемлекеттерінің экономикалық нарық жүйесінің негізгі элементі экономикалық бәсекелестікті құқықтық реттеу ерекшеліктері қарастырылды. Қазақстан Республикасы және өзгеде посткеңестік мемлекеттерінің құқықтық кеңістігіндегі бәсекелестікті қорғау мәселелері аясы анықталып, оларды шешу ұсыныстары қалыптастырылған. Бәсекелестікті қорғау туралы заңнама базасы ерекшеліктері қалыптастырылып, оның қазіргі таңдағы ішкі және халықаралық деңгейдегі әрекет қабілеттілігі зерттелген.

A.Karibaeva

Features of legal protection of the competition in the Republic of Kazakhstan and in the countries of the CIS

In the scientific article features of legal protection of the business competition, as basic element of economic system of market type in countries of Commonwealth of Independent States are considered. The range of typical problems in a legal framework of the Republic of Kazakhstan and other Post-Soviet states in the sphere of protection of the competition is revealed and analyzed; the offers on their decision are formulated. The features of formation of legislative base about protection of the competition, as most effective element of legal mechanism of its protection at internal and interstate levels are described.

References

- 1 Buyi M. *Trade law*. The French dictionary of terms, Moscow, 1993, p. 81.
- 2 *The law of the USSR from 30.06.1987 On state enterprise* (Association) // www.consultant.ru
- 3 Тор'ев К. Ю. *Competition and monopoly. Legal aspects of regulation* // *Jurisprudence*, 1998, № 1, p 219–220.
- 4 *On limitation of monopolistic activity in the USSR*. The law of the USSR from 10.07.1991 № 2326-1 // www.zakon.law7.ru
- 5 *On development of competition and restriction of monopolistic activities*. Law of the Kazakh SSR from 11.12.1990 // www.pavlodar.com
- 6 *The Constitution of the Republic of Kazakhstan dated January 28, 1993* // www.online.zakon.kz.
- 7 Bikebaev A.Z. *Competition (antitrust) law and policy of the Republic of Kazakhstan*, Almaty: LF Sayat Zholsky & partners, 2010, 496 p.
- 8 *The Constitution of the Republic of Kazakhstan of 30 August 1995* // www.online.zakon.kz
- 9 *The Constitution of the Russian Federation of 12 December 1993* // www.constitution.ru/
- 10 *The Constitution of the Republic of Azerbaijan on 12 November 1995* // www.ru.president.az
- 11 *The Constitution of Ukraine of 28 June 1996* // www.rada.gov.ua
- 12 *The Constitution of the Republic of Moldova dated 29.07.1994* // <http://lex.justice.md>
- 13 *The law of the Republic of Kazakhstan on June 9, 1998 № 232-I «On unfair competition»* // IP Paragraph, [ER]. Access mode: www.online.zakon.kz
- 14 *Eremenko Veerawoot regulation of competitive relations in Russia and abroad: the thesis of Dr. Jur. Sciences*, Moscow: Moscow State University, p. 114.
- 15 *Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan from April 20, 2007, № 319 On amendments and additions to some legislative acts of the Republic of Kazakhstan on competition and restrictions of monopolistic activity* // IP Paragraph, [ER]. Access mode: www.online.zakon.kz
- 16 *The law of the Republic of Kazakhstan On competition of December 25, 2008* (with amendments and additions as at 03.07.2013 year) // IP Paragraph, [ER]. Access mode: www.online.zakon.kz
- 17 *The agreement on the coordination Antimonopoly policy* (States members of the Commonwealth) of March 12, 1993 // <http://www.lawrussia.ru>
- 18 *The agreement of CIS countries On conducting concerted Antimonopoly policy of 23 December 1993* // www.e-cis.info
- 19 *The agreement on conducting coordinated Antimonopoly policy of 25 January 2000* // www.zakon.kz

С.М.Шамшиурова

Казахдинский государственный университет им. Е.А.Букетова (E-mail: mary_747@mail.ru)

Анализ конституционных положений о судебной власти в Казахстане и Польше

В статье проведен сравнительный анализ конституционных положений о судебной власти Казахстана и Польши. Рассмотрены, в частности, структуры судебных систем стран, порядок назначения на должность судьи, полномочия судей, гарантии неприкосновенности, правовой статус судебных советов. Автором отмечены как сходства, так и различия между судами, функционирующими в обеих странах. Определено, что только путем взаимообогащения накопленного опыта анализируемых государств возможно построение демократического и правового государства.

Ключевые слова: Конституция Республики Казахстан, Конституция Республики Польша, суды, судебная система, судебная власть, независимость, юрисдикция.

Республика Казахстан находится в самом центре Евразии, на линии границы между двумя континентами, тогда как Республика Польша — в самом сердце Европы. Она является членом Европейского союза, в то время как Казахстан — член Таможенного союза. Исторически объединяло эти страны недавнее прошлое — до начала последнего десятилетия XX в. Казахстан и Польша были в составе социалистического (коммунистического) блока. Основным законам этих стран предшествовали такие законодательные акты, как Конституционный закон от 17 октября 1992 г. о взаимоотношениях между законодательной и исполнительной властью Республики Польша, а также о местном самоуправлении и Конституция Республики Казахстан от 28 января 1993 г.

В настоящее время эти две демократические и независимые страны имеют солидную конституционно-правовую базу, в частности: Конституцию Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. и Конституцию Республики Польша от 2 апреля 1977 г., которые, в свою очередь, корректировались конституционными реформами в 1998, 2007, 2011 гг. и в 2006, 2009 гг. соответственно. Как известно, законодательство Казахстана и Польши базируется на континентальной системе права, в связи с чем в обеих странах нормы Конституции выше любых юридических положений (п. 2 ст. 4 Конституции РК и ст. 8 Конституции РП).

Согласно Конституции РК государственная власть едина, осуществляется на основе Конституции и законов в соответствии с принципом ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную ветви и взаимодействия между собой с использованием системы сдержек и противовесов (п. 4 ст. 3 Конституции) [1]. Польский Основной Закон гласит, что государственное устройство основывается на разделении и равновесии законодательной, исполнительной и судебной властей. Законодательную власть осуществляют Сейм и Сенат, исполнительную — Президент и Совет Министров, а судебную — суды и трибуналы (ст. 10 Конституции РП) [2; 15].

Таким образом, в обеих странах судебная власть традиционно представлена как третья ветвь власти и регламентирована почти заключительными частями конституций. В качестве заголовка статьи мы не случайно выбрали судебную власть, которую всегда рассматривали как третью ветвь власти за ее недооцененное значение. Поэтому мы не согласны с отдельными мнениями зарубежных ученых о том, что судебная власть — наименее опасная ветвь власти. По этой причине нам более близка позиция, которую в своих трудах придерживаются Р.И. Мартин [3] и К.Дж.Альтер [4].

В Польше эти вопросы рассматриваются в рамках одного раздела. В Основном Законе Республики Казахстан этому вопросу посвящен также один раздел «Суды и Правосудие» [1]. Этот раздел предпоследний, если исключить финальный раздел, содержащий заключительные и переходные положения, в то время как в польской Конституции это 8-я статья из 13-ти, включая временные положения. Заключительный раздел Польской Конституции представляет в настоящее время особый интерес, поскольку его положения с указанным временем действия уже выполнены.

Судебные органы Польши отделены от других элементов государственной структуры. Статья 173 польской Конституции категорична: «Суды и Трибуналы являются властью, обособленной и независимой от других властей» [2; 105]. Подобное положение в Конституции Казахстана регламентировано несколько иначе. Выше было указано о наличии конституционного положения (п. 4 ст. 3 Кон-

ституции РК), а также есть п. 1 ст. 75 Конституции, который гласит, что правосудие в Республике Казахстан осуществляется только судом [1]. Пунктом 1 ст. 1 Конституционного закона «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан», являющегося неотъемлемой частью регулирования судебной системы республики, о чем свидетельствует п. 4 ст. 75 Конституции, установлено, что судебная власть в Республике Казахстан принадлежит только судам в лице постоянных судей, а также присяжных заседателей, привлекаемых к уголовному судопроизводству в случаях и порядке, предусмотренных законом. Правосудие в Республике Казахстан осуществляется только судом. Запрещается издание законодательных актов, предусматривающих передачу исключительных полномочий суда другим органам. Никакие иные органы и лица не вправе присваивать себе полномочия судьи или функции судебной власти. Обращения, заявления и жалобы, подлежащие рассмотрению в порядке судопроизводства, не могут быть рассмотрены или взяты на контроль никакими другими органами, должностными или иными лицами [5].

В польской Конституции все судебные органы перечислены. Статья 175 определяет, что правосудие в Республике Польша отправляют Верховный суд, общие суды, административные и военные суды, и добавляет, что исключительные суды (или ускоренные процедуры) могут устанавливаться только на время войны [2; 106]. Конституция Казахстана определяет, что судами Республики являются Верховный суд, так же как «местные и другие суды Республики, учреждаемые законом». Что касается так называемого «ускоренного» или «упрощенного» правосудия, то казахстанская Конституция непреклонна, в отличие от Польши, учреждения «специальных и чрезвычайных судов под каким-либо названием не допускается» [1].

Другое важное отличие между судебной властью Польши и Казахстана состоит в прокуратуре. Польский Основной Закон только два раза упоминает должностных лиц этого органа. Пункт 2 ст. 103 устанавливает, что «прокурор не может совмещать депутатскую деятельность и иметь депутатский мандат», наряду с тем, что п. 1 ст. 191 уполномочивает Генерального прокурора обратиться в Конституционный Трибунал с предложением по делам, о которых речь идет в ст. 188 Конституции. Конституция же Казахстана, напротив, содержит большую статью из 4 пунктов, подробно регламентирующую деятельность органов прокуратуры.

Структура судебной системы Польши и Казахстана выглядит следующим образом. В Польше судебная власть принадлежит судам и трибуналам — это основное деление внутри судебной системы. Существует всего два трибунала — конституционный и государственный (импичмент). На польском языке этот орган называется Трибунал Стану. Во многих широко распространенных переводах это звучит как Государственный Трибунал, однако такое выражение на английском языке вводит в заблуждение, поскольку в Польше (и в других странах) не существует частных трибуналов. Члены этого Трибунала избираются Парламентом для привлечения к судебной ответственности высокопоставленных чиновников. О такой деятельности по всему миру было рассказано СМИ как об импичменте. Существует огромное количество публикаций об импичменте в англо-американской литературе [6].

Что касается судов, то Конституция перечисляет пять категорий: Верховный суд, общий, административный, военный суд и исключительный суд (последний только на время войны). Регламентируя третью категорию, Конституция упоминает Главный Административный суд, а также административные суды низших инстанций. В Польше три высших судебных органа: Верховный суд, Главный Административный суд и Конституционный Трибунал. Они независимы друг от друга и их решения окончательны и обжалованию не подлежат. Несмотря на то, что они равны, Конституционный Трибунал — превалирующий (вышестоящий) судебный орган. После рассмотрения дела в Верховном суде или Главном Административном суде проигравшая сторона вправе продолжить рассмотрение дела в Конституционном Трибунале. Кроме того, существует возможность подачи заявления в международные организации, такие как Европейский суд по правам человека в Страсбурге и Суд Европейского союза в Люксембурге. Все это делает польскую судебную организацию достаточно сложной.

В отличие от Конституции Польши Конституция Казахстана не дает точного ответа на вопрос о том, сколько судов и категорий судов существует в Республике. Основной Закон Республики называет Верховный суд Республики как высший судебный орган по гражданским, уголовным и иным делам, подсудным местным и другим судам, а также местные и другие суды Республики, учреждаемые законом. Необходимо обратиться к Конституционному закону «О судебной системе и статусе судей в Республике Казахстан», в соответствии с которым существуют военные, финансовые, эконо-

мические, административные суды, суды по делам несовершеннолетних и другие. Местные суды представлены областными и районными судами [5].

И наконец, мы должны обратить внимание на различие в конституционном подходе к личной свободе арестованного или задержанного лица, или, иными словами, на известное выражение *хабеас корпус акт* (*habeas corpus*). Это исключительное право, называемое также «Великий акт» — письменный судебный приказ, предписывающий лицу, удерживаемому арестанта, предоставить доказательства его задержания или заключения. В.Блэкстоун назвал это «триумфом английского права». На сегодняшний день вокруг этого права существует определенная полемика в свете предпринимаемых государствами мер безопасности в мировом сообществе от различных угроз [7; 68–72].

В соответствии с п. 2 ст. 16 Основного Закона Казахстана «арест и содержание под стражей допускаются только в предусмотренных законом случаях и лишь с санкции суда с предоставлением арестованному права обжалования. Без санкции суда лицо может быть подвергнуто задержанию на срок не более семидесяти двух часов». В дополнение к этому задержанный, арестованный, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента задержания, ареста или предъявления обвинения [1]. Если сравнить эти положения с соответствующей статьей польской Конституции, то разница будет существенной.

Польские конституционные нормы устанавливают, что «каждый, лишенный свободы не на основании судебного приговора, имеет право обратиться в суд с целью безотлагательного установления законности этого лишения», и он «должен быть безотлагательно и понятным для него образом осведомлен о причинах задержания. В течение 48 часов с момента задержания он должен быть передан в распоряжение суда. Задержанного следует освободить, если в течение 24 часов с момента передачи в распоряжение суда ему не будет вручено постановление суда о временном аресте вместе с предъявленными обвинениями». Правовая защита доступна на всех стадиях процессуальных действий, и в случае незаконного лишения свободы лицо имеет право на компенсацию.

По вопросу о назначении и независимости судей можно отметить, что Польский Основной Закон устанавливает, что «судьи назначаются Президентом Республики по предложению Общепольского Совета юстиции на неопределенное время». Председатель Верховного суда и Председатель Главного Административного суда назначаются «на шестилетний срок полномочий» из числа кандидатов, представленных Общим собранием судей соответствующего суда. Аналогичные положения Конституции Казахстана устанавливают, что «председатели и судьи местных и других судов назначаются на должности Президентом Республики по рекомендации Высшего Судебного Совета». Что касается назначения Председателя и судей Верховного суда, то процедура немного отличается. Они избираются Сенатом по представлению Президента Республики, основанному на рекомендации Высшего Судебного Совета.

Запрет на занятие нескольких должностей выражен в Конституции Казахстана более очевидно, чем в Польше. Пункт 4 ст. 79 Конституции РК устанавливает, что должность судьи несовместима с депутатским мандатом, с занятием иной оплачиваемой должности, осуществлением предпринимательской деятельности, вхождением в состав руководящего органа или наблюдательного совета коммерческой организации. Единственное исключение сделано для преподавательской, научной или иной творческой деятельности [1]. Польская Конституция, с таким же исключением, как в казахстанской Конституции, устанавливает несовместимость должности судьи с парламентским мандатом, нахождением в политической партии, членством в профессиональном союзе и, особенно, с ведением публичной деятельности, противоречащей принципам независимости судов и судей.

Судьи обеих стран обладают обширными конституционными гарантиями в отношении пребывания в должности. Так, судьи при отправлении правосудия независимы и подчиняются только Конституции и законам. Конституция Казахстана также устанавливает, что какое-либо вмешательство в деятельность суда по отправлению правосудия недопустимо и влечет ответственность по закону. По конкретным делам судьи не подотчетны. Полномочия судьи могут быть прекращены или приостановлены исключительно по основаниям, установленным законом. Судья не может быть арестован, подвергнут приводу, мерам административного взыскания, налагаемым в судебном порядке, привлечен к уголовной ответственности без согласия Президента Республики Казахстан, основанного на заключении Высшего Судебного Совета Республики. В свою очередь, арест и наложение схожих ограничений на Генерального прокурора, Председателя и судей Верховного суда требуют согласия Сената, кроме случаев задержания на месте преступления или совершения тяжких преступлений.

Польская Конституция, проявляя заботу об обеспечении автономии судьи, не содержит идентичных положений. Отсутствуют специальные гарантии иммунитета судей Верховного или Главного Административного судов. Основной Закон Польши делает больший акцент на обширных гарантиях судей, как это делает казахстанская Конституция. Статья 80 фундаментального Закона Казахстана кратко определяет, что финансирование судов, обеспечение судей жильем производятся за счет средств республиканского бюджета и должно обеспечивать возможность полного и независимого осуществления правосудия [1]. Конституция Польши устанавливает, что «судьям обеспечиваются условия труда и вознаграждение, соответствующее должности, а также объему их обязанностей». Что касается несменяемости судей, польские конституционные нормы очень детализированы и затрагивают множество аспектов и принципов: отрешение, временное отстранение судьи от должности, перевод его в другое место или на другую должность и т.д. Так, польские судьи не выходят на пенсию. Они сохраняют не только зарплату действующих судей, но и статус «судьи на отдыхе». Судьи могут быть обратно вызваны на работу. Статус судьи — это своего рода пожизненное назначение, но без обязательства пребывать в должности. Даже у судей Верховного суда США нет такой привилегии в соответствии с Высшим законом этой страны [8].

Обратим внимание на компетенцию и функционирование судов. В соответствии со ст. 76 Конституции Казахстана судебная власть имеет своим назначением защиту прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, обеспечение исполнения Конституции, законов, иных нормативных правовых актов, международных договоров Республики [1]. Польский Основной Закон устанавливает, что общие суды отправляют правосудие по всем делам, за исключением дел, отнесенных законом к компетенции иных судов, а административные суды осуществляют контроль за деятельностью публичной администрации, а также за законностью постановлений органов местного самоуправления и нормативных актов территориальных органов правительственной администрации. Также Конституция РК содержит конституционное положение о том, что судебная власть осуществляется от имени Республики. Аналогичная польская норма просто говорит о том, что суды и трибуналы выносят решения именем Республики.

Конституция Республики Казахстан содержит 10 принципов, которых должны придерживаться судьи, и декларацию о том, что решения судов имеют обязательную силу на всей территории Республики. Устанавливая, как и Конституция Польши, что Верховный суд осуществляет надзор за деятельностью общих судов. Основной Закон Казахстана, к тому же, добавляет, что этот орган «дает разъяснения по вопросам судебной практики». Положение польской Конституции о функционировании судов не такое обширное. Оно прописывает, что судопроизводство является, по меньшей мере, двухинстанционным, и степень участия граждан в отправлении правосудия определяется законом. Первое положение отсутствует в казахстанской Конституции, в то время как второе не такое однозначное, в отличие от польского, и устанавливает, что «в случаях, предусмотренных законом, уголовное судопроизводство осуществляется с участием присяжных заседателей».

И наконец, рассмотрим статус Судебного совета (Совет юстиции) по Основным Законам Казахстана и Польши. Тексты обеих Конституций содержат нормы о Судебном совете, который называется в Казахстане «Высший», а в Польше «Общепольский». Конституционные положения в первом случае упоминают о нем в двух пунктах. Не представляется возможным определить количество членов этого органа, поскольку п. 4 ст. 82 Конституции РК говорит о том, что Высший Судебный Совет состоит из Председателя и «других лиц, назначаемых Президентом Республики». Совет дает рекомендации в ходе выбора Председателя и суде Верховного суда и назначения на должности Председателей и судей местных и других судов страны. Пункт 5 указанной статьи Конституции Республики Казахстан устанавливает, что статус и организация работы Высшего Судебного Совета определяются законом [1].

Польские конституционные положения о Совете юстиции немного более детализированы и точны. Этому органу посвящены четыре статьи Конституции. Отправной точкой является ст. 186, которая устанавливает, что Общепольский Совет юстиции стоит на страже независимости судов и независимости судей. Следующая статья определяет его состав. Он состоит из Председателя Верховного суда, Министра юстиции, Председателя Главного Административного суда и лица, назначенного Президентом Республики, 15 судей, избранных из числа судей Верховного суда, общих судов, административных судов и военных судов, и 4 членов, избранных Сеймом из числа депутатов, а также 2 членов, избранных Сенатом из числа сенаторов [2; 111]. Всего 25 членов. В отличие от Казахстана польский Совет сам избирает Председателя и двух вице-председателей.

Положения польской Конституции устанавливают, что срок полномочий членов Общепопольского Совета юстиции составляет 4 года. Как и в Казахстане, судьи назначаются Президентом Республики по предложению Общепопольского Совета юстиции. Однако в отличие от казахстанских норм, Сенат Польши не вовлечен в процесс назначения. Пункт 2 ст. 186 Конституции устанавливает очень важную компетенцию Общепопольского Совета юстиции. Данный орган может обратиться в Конституционный Трибунал с предложением по вопросу о соответствии Конституции нормативных актов в тех пределах, в которых они касаются независимости судов и независимости судей [2; 111]. Только после этой нормы п. 4 ст. 187 делает ссылку на законодательство. Он немного более точно определен, чем аналогичная норма в Казахстане. Он устанавливает, что «устройство, сфера деятельности и порядок работы Общепопольского Совета юстиции, а также способ избрания его членов определяются законом».

Проведенное исследование показывает, что конституционные положения о судебной власти Казахстана и Польши содержат много отличий, хотя и показаны в достаточно сходных формулировках. Это очевидно даже из названий разделов: в Конституции Республики Казахстан — «Суды и правосудие», в Конституции Республики Польша — «Суды и Трибуналы». Третья статья Основного Закона этой страны говорит о единстве государственной власти и о взаимодействии судебной ветви власти с двумя другими. В этом отношении польский текст говорит только о судебной власти и о ее жестком отграничении от законодательной и исполнительной власти. Судебная система Польши четко определена в Конституции ее различными элементами и иерархией судов.

Пункт 3 ст. 77 Конституции Казахстана предусматривает 10 принципов при применении судьями закона. Польская Конституция не содержит аналогичные нормы, и это объясняется тем, что эти принципы тесно связаны с вопросами осуществления правосудия и целесообразнее их закрепление на уровне кодексов.

Главная общая черта конституционных положений о судебной власти двух стран заключается в том, что польская и казахстанская конституции говорят о том, что судьи в ходе отправления правосудия независимы и подчиняются только Конституции и законам.

С организационной точки зрения налицо два отличия. Раздел Конституции, регулирующий судебную систему Казахстана, включает в себя положения о прокуратуре, в то время как отправление правосудия находится за пределами деятельности прокуратуры. Конституционное положение Польши более сдержано в этом отношении. Упомянув Генерального прокурора, оно не наделяет его особой ролью или компетенцией. И наконец, Конституционный Трибунал в Польше является отдельным судебным органом. Он, как и общие суды, выносит решения именем Республики Польша.

Следует отметить, что Польша в настоящее время полностью интегрирована в европейскую систему обеспечения фундаментальных прав и свобод. Польские граждане имеют возможность обратиться в Европейский суд по правам человека в Страсбурге и Суд Евросоюза в Люксембурге. Таможенный союз и иные организации, членом которых является Казахстан, до сих пор не создали аналогичных судебных органов, несмотря на то, что ныне действующие суды, такие как Суд Евразийского Экономического Сообщества и Экономический суд выносят решения по экономическим вопросам. Кроме того, необходимо упомянуть о том, что Польша подписала и ратифицировала Римский Статут Международного уголовного суда.

Однако с уверенностью можно сказать, что в Республике Казахстан, несмотря на «молодой возраст», успешно функционируют сильная и независимая судебная власть и аппарат судебной системы, которые под влиянием объективных потребностей общества показывают свою жизнеспособность и постоянно модернизируются. Определяя цель — построение демократического и правового государства, которое является главным приоритетом мирового сообщества, считаем, что отдельные конституционные положения о судебной власти Польши могли бы послужить образцом для нашего совершенствования, в то же время как некоторые нормы казахстанской Конституции Основного Закона могли бы стать моделью для польского законодательства.

Список литературы

1 Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. Официальный сайт Конституционного Совета Республики Казахстан // <http://www.constcouncil.kz/rus/norpb/constrk/>

2 Konstytucje Rzeczypospolitej. — Kolonia Ltd, 2001. — 139 p.

- 3 *Martin R.I.* *The Most Dangerous Branch. How the Supreme Court of Canada Has Undermined Our Law and Our Democracy.* — McGill-Queen's University Press, 2003. — 285 p.
- 4 *Alter K.J.* *The European Court's Political Power. Selected Essays.* Oxford University Press, 2009. — 280 p.
- 5 Конституционный закон Республики Казахстан «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан» // <http://www.supcourt.kz>.
- 6 *Black Ch.L.* *Impeachment: a Handbook.* — Yale University Press, 1998. — 98 p. and M.J.Gerhardt. *The Federal Impeachment Process: A Constitutional and Historical Analysis.* — University of Chicago Press, 2000. — 271 p.
- 7 *Chemerinsky E.* *The Conservative Assault on the Constitution.* — Simon and Schuster Paperbacks, 2010. — 336 p.
- 8 *Conf. A. Vermeule.* *The Constitutional Rule of Official Compensation.* — Columbia Law Review, 2002.

С.М.Шамшинурова

Қазақстандағы және Польшадағы сот билігі туралы конституциялық ережелерді талдау

Мақала авторы Қазақстандағы және Польшадағы сот билігі туралы конституциялық ережелерге салыстырмалы талдау жүргізген, атап айтқанда, елдердің сот жүйелерінің құрылымы, судья лауазымына тағайындау тәртібі, судьялардың өкілеттіктері, судьяға ешкімнің тиіспеуі кепілдіктері, сот кенестерінің құқықтық мәртебесі қарастырылған. Зерттеуде екі елде қолданылатын соттар арасындағы едәуір ұқсастықтар, сондай-ақ олардың айырмашылықтары да көрсетілді. Талдау жүргізіліп отырған мемлекеттердің жинақтаған тәжірибесін өзара байыту арқылы ғана, демократиялық және құқықтық мемлекетті құруға болатындығы жайлы қорытынды жасалған.

S.M.Shamshinurova

Analysis of the constitutional provision on the judiciary in Kazakhstan and Poland

Abstract: The author conducted a comparative analysis of the constitutional provisions on the judiciary of the Republic of Kazakhstan and the Republic of Poland. Particularly, the article describes the structure of the judicial systems of the order on appointing judges, judicial powers, guarantees of immunity, the legal status of the judicial councils. Research indicates significant similarities and differences between the courts which are functioning in both countries. Du eto author, a democratic and legal state might be build only through mutual experiences of analyzed countries.

References

- 1 *Official website of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan* // <http://www.constcouncil.kz/rus/norpb/constrk/>
- 2 *Konstytucje Rzeczypospolitej*, Kolonia Ltd, 2001, 139 p.
- 3 *Martin R.I.* *The Most Dangerous Branch. How the Supreme Court of Canada Has Undermined Our Law and Our Democracy,* McGill-Queen's University Press, 2003, 285 p.
- 4 *Alter K.J.* *The European Court's Political Power. Selected Essays,* Oxford University Press, 2009, 280 p.
- 5 *Constitutional Law of the Republic of Kazakhstan «On the Judicial System and Status of Judges of the Republic of Kazakhstan»* // <http://www.supcourt.kz>
- 6 *Black Ch.L.* *Impeachment: a Handbook,* Yale University Press, 1998, 98 p. and M.J.Gerhardt. *The Federal Impeachment Process: A Constitutional and Historical Analysis,* University of Chicago Press, 2000, 271 p.
- 7 *Chemerinsky E.* *The Conservative Assault on the Constitution,* Simon and Schuster Paperbacks, 2010, 336 p.
- 8 *Conf. A. Vermeule.* *The Constitutional Rule of Official Compensation,* Columbia Law Review, 2002.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Arenova, L.K.** — PhD, Associate Professor of Criminal Procedure and Criminalistics, E.A.Buketov Karaganda State University.
- Badanova, M.M.** — PhD the doctoral candidate, teacher of chair of the constitutional and international law, E.A.Buketov Karaganda State University.
- Balgimbekova, G.U.** — Candidate of jurisprudence, Senior teacher of chair of the constitutional and international law, E.A.Buketov Karaganda State University.
- Bazarova, G.S.** — Senior teacher of chair of the constitutional and international law, E.A.Buketov Karaganda State University.
- Belova, G.** — Candidate of jurisprudence, Associate professor, Southwest University of the Neophyte Rilsky, Blagoevgrad, Bulgaria.
- Bozhkarauy, A.** — Department chair of the constitutional and international law, Candidate of jurisprudence, E.A.Buketov Karaganda State University.
- Gergovsky, M.** — Doctoral candidate, Sofia University, Bulgaria.
- Karibaeva, A.** — PhD the doctoral candidate of law department, E.A.Buketov Karaganda State University.
- Kizdarbekova, A.S.** — Department chair of the civil and labor law, E.A.Buketov Karaganda State University.
- Kozhakhmetov, G.Z.** — Dean of law department, Doctor of jurisprudence, Professor, E.A.Buketov Karaganda State University.
- Mamedov, R.Yu.** — Doctor of PhD of Academy of police of the Ministry of Internal Affairs of the Azerbaydzhan Republic, Baku, Azerbaydzhan.
- Mekhrabi, K.** — Master of Law, England.
- Musilimova, K.S.** — Candidate of jurisprudence, Professor of chair of the constitutional and international law, E.A.Buketov Karaganda State University.
- Nurmaganbet, E.T.** — Candidate of jurisprudence, Doctor of PhD, Deputy the associate professor, Deputy dean of law department treasury of Al-Farabi on scientific and innovative activity and international relations, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty.
- Rakimbaev, E.N.** — Doctor of jurisprudence, Professor, Kyrgyz State legal academy at the Government of the Kyrgyz Republic.
- Sembekova, B.R.** — Candidate of jurisprudence, Associate professor of criminal trial and criminalistics, E.A.Buketov Karaganda State University.
- Shamshinurova, S.** — Master of law, Doctoral candidate of PhD, Chair of the constitutional and international law, E.A.Buketov Karaganda State University.
- Sukhoterin, V.E.** — Senior teacher of chair of criminal trial and criminalistics, E.A.Buketov Karaganda State University.
- Sultanbekova, G.B.** — Senior teacher of chair of criminal trial and criminalistics, E.A.Buketov Karaganda State University.
- Turgumbaev, M.E.** — Master of jurisprudence, Doctoral candidate of PhD Al-Farabi Kazakh National University, Almaty.
- Zhakupov, B.A.** — Associate professor of criminal trial, Candidate of jurisprudence, Karaganda B.Beysenov of RK Ministry of Internal Affairs.
- Zhamieva, R.M.** — Department chair of criminal trial and criminalistics, Candidate of jurisprudence, E.A.Buketov Karaganda State University.